

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

В. Е. Третьяков

Заместители главного редактора

Е. А. Памятных

В. П. Прокопьев

Члены редколлегии

В. М. Жуковский

Н. Н. Красовский

К. Н. Любутин

А. К. Матвеев

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Основана в 2006 г.
Выпуск 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

А. В. Перцев

Заместители главного редактора

Н. В. Суслов

Л. М. Макушин

Члены редколлегии

Ю. Л. Аркан (Санкт-Петербург)

Д. Беннер (Берлин, Германия)

Е. В. Грунт

С. Л. Кропотов

В. Г. Кузнецов (Москва)

Ж. Лабика (Париж, Франция)

Л. С. Лихачева

Д. А. Миронов

Е. Г. Трубина

Д. М. Федяев (Омск)

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина)

Е. С. Черепанова

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Меренков А. В.</i> Какой человек нужен, чтобы обеспечить устойчивое развитие России.....	6
<i>Овчинникова М. Н.</i> Стратегии самоопределения личности в условиях конкурентного рынка труда.....	18
<i>Собенина О. В.</i> Особенности и противоречия культуры управления современных менеджеров.....	23
<i>Бочканова Е. Н.</i> Социальное самочувствие горожан – ориентир муниципальной социальной политики.....	29
<i>Хоробрых О. С.</i> Гендерные особенности реализации потребностей в профессиональном росте личности.....	37
<i>Базунова М. Е.</i> Предприимчивое поведение: характеристики и механизмы формирования.....	41
<i>Бехтерев А. В.</i> Современный взгляд на проблему лидерства в организации.....	46
<i>Ромашкина Г. Ф., Андрианова Е. В.</i> Мотивация в сфере труда: идеальные модели и поведение.....	50
<i>Кадырова Г. Р.</i> Грани взаимодействия культуры и личности.....	55
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ	
<i>Вишневский Ю. Р., Миронова Н. О., Шапко В. Т.</i> Прогноз Л. Н. Когана о развитии учреждений культуры до 2000 года и современность.....	60
<i>Давыденко В. А., Габышева Л. К., Тарасова А. Н.</i> Неформальные социальные сети.....	74
<i>Перина Е. И.</i> К вопросу о политической культуре современной России.....	87
<i>Дроншинец А. Н.</i> Общественное мнение о развитии ядерной промышленности в России и Японии.....	91
<i>Хрущев О. В.</i> Особенности информационной культуры профсоюзных работников.....	95
<i>Захаров В. Г.</i> Проблема отношения общества к рекламе.....	98

Шестопалова О. Н. Типология
социальных стереотипов..... 106

Хазова Н. Б. Особенности становления
новых экономических стереотипов ... 110

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Арапова М. А. Дискурс идеологичности,
или Теоретико-методологические
основания социологического анализа
идеологических процессов 117

Старшинова А. В. Социологические
аспекты исследования процесса
становления и функционирования
идеологии социальной работы 129

Антонова О. И., Колесникова К. И.
Религия в жизни российской
молодежи или молодежь
в религиозной жизни 138

Макрушина Ю. А. Социально-
экономическая трансформация
как подход к анализу рынка труда:
условия для участия молодежи
на рынке 146

Банникова Л. Н. Потребление
как общесоциологическая
категория: предметное поле
и основные аспекты анализа 154

Антонова Н. Л. Качество медицинского
обслуживания в системе обязательного
медицинского страхования как
социологическая проблема 168

Давыдов В. Н. Этапы становления
социального партнерства в вузах 179

Мозолин А. В. Изменение роли и характера
средств массовой информации в
современном обществе 189

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Савчук Г. А. Социокультурный контекст
проблемы качества образования 193

Буйлова Л. Н. Особенности социо-
логического анализа дополнительного
образования детей 200

Носырев Н. А. Развитие ядерной
энергетики и проблемы
подготовки кадров. 208

Полякова В. В. Проблемы повышения
качества подготовки специалистов
с высшим образованием..... 222

Белоусова И. В. Эффективность процесса
гуманизации образовательного
пространства в гимназии 226

Храмцова И. А. Факторы, определяющие
выбор обучения в техническом вузе
выпускниками школ. 229

Заводова Ю. В. Противоречия
в ориентациях и установках
старшеклассников на саморазвитие... 234

Тренихина С. Ю. Проблемы
формирования правовой культуры
старшеклассников..... 239

Данченко В. И. Кадетские школы-
интернаты как агенты социализации
«трудных» подростков 244

Шухарева О. Н. К вопросу
о профессиональной подготовке
специалистов по социальной работе.. 247

АВТОРЫ НОМЕРА 251

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Меренков

КАКОЙ ЧЕЛОВЕК НУЖЕН, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Уже более пятнадцати лет в нашей стране происходит медленный, противоречивый процесс слома прежних социально-политических, экономических отношений. Систему, базирующуюся на общественной собственности, заменяют на ту, которая предполагает ведущую роль частной собственности. Преобразования в базисе, как известно, неизбежно должны вести к качественным изменениям в надстройке. Меняется идеология, возникают новые нравственные, эстетические, трудовые ценности, которыми руководствуется человек, наиболее полно адаптированный к современным реалиям. Тем самым создаются все необходимые условия для становления того типа личности, который наиболее полно соответствует нынешней форме организации общественной жизни в России, возникает та система воспроизводства и развития социума, которая строится на проявлении всех его основных характеристик у подавляющего большинства индивидов.

Во все времена общество предъявляло к человеку ту совокупность требований, которая обеспечивала в первую очередь *сохранение* существующего порядка, а также определенное частичное его изменение. Это предполагало формирование в сознании граждан приоритета группового, общественного интереса над личным. Уже на уровне семьи у детей с раннего детства воспитывалась установка на реализацию тех трудовых, нравственных норм, которые обеспечивают их участие в коллективном труде, заботу о близких людях, умение преодолеть эгоистическую ориентацию. Вся жизнь в этой малой общности была подчинена интересам группы, которая только путем объединения усилий каждого своего члена обеспечивала элементарную выживаемость, а при наличии особых трудовых достижений и некий материальный достаток.

Установка на подчинение личного интереса групповому утверждалась в качестве ведущей самой общинной организацией сельской жизни в России. Каждый крестьянин должен был выполнять ряд общественных работ, участвовать в сельских сходах, подчиняться требованиям односельчан.

Приоритет общественного над личным утверждался также господствующей идеологией, в основе которой лежали догматы христианства. Все ее основные постулаты подчеркивают необходимость постоянного подавления гордыни, эгоизма, телесных желаний, умение всегда руководствоваться совестью, долгом, ответственностью перед другими людьми при решении любых вопросов. При этом не только на рациональном, но и на чувственно-эмоциональном уровне у человека вырабатывалась способность к четкому иерархическому выделению жизненных ценностей. На первом месте стояла любовь к Богу, затем к царю, отечеству, а только потом к близким людям. Эгоистическая любовь к себе, проявляющаяся в чревоугодии, сексуальных побуждениях, корыстолюбии, самовозвеличивании, всячески осуждалась.

В итоге постоянно на уровне микро- и макросреды воспроизводилась личность, принимающая как вечные господствующие политические отношения, требующие беспрекословного подчинения власть имущим, экономический порядок, построенный на эксплуатации человека человеком, нравственные нормы, утверждающие необходимость подчинения личного интереса групповому и общественному. Этим в течение многих веков обеспечивалась относительная стабильность социальной жизни многонациональной страны. Одновременно достаточно успешно проявлялись таланты тех, кто прославил Россию в различных областях науки, техники, искусства. Они были всегда направлены не на самовозвеличивание отдельных персон, а на улучшение жизни народа, рост его образованности, нравственной и художественной культуры.

Социализм, несмотря на внешнюю противоположность свергнутому строю, лишь частично изменил систему требований к человеку. Прежде всего, он сохранил главные моральные нормы, утверждающие ведущую роль целей коллектива в жизнедеятельности личности. С раннего детства родителями, школой, средствами массовой информации, произведениями искусства, силами общественно-политических организаций формировалась установка на восприятие и реализацию интересов государства, трудового коллектива.

Воспитывалась гордость за свой народ, за ту миссию, которую он выполняет по отношению ко всему человечеству. В. В. Маяковский выразил ее так: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». Содержание этой гордости формировало критерии осуждения личности за различные проступки. Мера соблюдения классовых интересов определяла стыд и совесть человека, вектор его долга и ответственности. Личное, как и прежде, отодвигалось на второй план.

Как и при самодержавии, интересы власть имущих – партийного и государственного аппарата – диктовали характер и содержание требований к общественно-политической, трудовой, нравственной, эстетической деятельности личности. Существовал тотальный контроль процесса формирования ценностных ориентаций

и установок человека. Изменился лишь субъект выработки господствующей идеологии. Церковь уступила место партии, которая вместо норм христианства стала насаждать идеалы коммунистической морали. Последняя не очень сильно отличалась от религиозных догматов по своей сущности, поскольку также утверждала приоритет группового интереса над личным, полное подчинение верховной власти, деятельность, направленную на сохранение и укрепление существующего строя. На этой основе осуществлялась преемственность в воспитании патриотизма, гордости за достижения наших соотечественников в науке, технике, искусстве на протяжении последних столетий.

В этом заключалась особая ценность проводимой политики. Она утверждала естественность и логичность замены предшествующего строя новым. Народ всегда боролся за свою свободу, в прошлом он многое сделал для этого. Поэтому поводами для гордости становились все исторические события, которые так или иначе показывали величие народа, его творческий потенциал, непримиримость к любым поработителям, самоотверженность при защите своей земли.

Некоторые изменения произошли в содержании требований к личности. Она должна была не только обеспечить воспроизводство социальной системы, но и участвовать в ее совершенствовании. Партия и правительство разрабатывали пятилетние планы социально-экономического развития страны, реализация которых могла быть осуществлена только с помощью ориентированной на творческую деятельность личности. С целью побуждения каждого работника к *саморазвитию* было организовано социалистическое соревнование, действовала система морального и материального поощрения передовиков производства, выдающихся писателей, композиторов, артистов, ученых.

В содержание понятий гордости, совести, долга, ответственности каждого ребенка со школьных лет закладывалось представление о том, что ценность человека определяется не только тем, насколько полно он выполняет основные моральные, трудовые, эстетические, политические нормы и правила. Очень важно то, в какой мере индивид стремится наиболее полно реализовать свои знания, умения, способности на благо государства. Оно в свою очередь обеспечивало высокий престиж таких людей в коллективах.

Следовательно, на протяжении многих веков в нашей стране действовала единая по своим основным характеристикам система формирования личности, способной на основе требуемого сочетания индивидуального интереса с общественным обеспечивать как воспроизводство, так и развитие социума.

Следует отметить, что очень схожая с ней система становления и функционирования личности существовала и продолжает работать практически во всех устойчиво развивающихся странах. Все религии мира утверждают необходимость подчинения индивидуального интереса групповому, общественному интересу, наконец, требованиям Творца. Также функционирует единая система работы государственных образовательных учреждений, частных организаций, большинства семей по воспитанию гордости за свою страну, нацию, предприятие, на котором трудишься, город, в котором живешь. Вырабатывается по многим характеристи-

кам схожее содержание чувства совести, долга, ответственности как перед близкими, так и перед дальними людьми. Тем самым обеспечивается относительная непротиворечивость социализации личности, осуществляемая семьей, различными частными, общественными и государственными организациями.

Однако в нашей стране в процессе перехода к рыночной экономике не только был разрушен прежний порядок экономической и политической жизни, но и была подвергнута существенной перестройке система формирования личности. Прежде всего, государство, отвергая коммунистическую идеологию, вообще отказалось от своей ведущей роли в определении содержания тех требований, которые предъявляются к человеку обществом. Оно перестало заниматься выработкой основных направлений воспитания в семье, школе, в других организациях. Попытка православной церкви вернуть себе прежнюю роль в решении данной задачи пока не увенчалась успехом. В условиях многоконфессионального государства, а также при наличии устойчивого опыта приобщения к атеизму вряд ли возможно превратить догматы одной религии в господствующую идеологию.

Средства массовой информации, якобы став самостоятельными и независимыми от государства, начали пропагандировать те жизненные ценности, которые соответствуют лишь интересам покупающих эфирное время фирм. В теле- и радиопередачах, в газетах прямо или косвенно утверждается в качестве ориентира тип человека, главной целью которого является увеличение числа покупок. Он должен сразу приобрести рекламируемую продукцию, не размышляя о ее необходимости, качестве, цене. СМИ, как показывает контент-анализ многих передач ведущих телеканалов и публикаций в массовых изданиях, чаще всего демонстрируют образ человека «с железными кулаками», безразличного к страданиям окружающих, наглого, беспринципного, руководствующегося только своим эгоистическим интересом. Редко говорится о достоинстве, чести, гордости, долге, ответственности человека перед семьей, трудовым коллективом, нацией, страной.

Уже трудно получить информацию о достижениях отечественных ученых, изобретателей, рационализаторов, их успехах в создании новой техники, хотя Россия всегда гордилась своими физиками, химиками, биологами, конструкторами, технологами, мастерами-умельцами. Создается впечатление, что в области гуманитарных наук также ничего не делается, и наши историки, филологи, экономисты, социологи озабочены лишь элементарным выживанием. В области искусства и литературы нередко пропагандируются посредственные произведения, созданные на потребу дня, а не для того, чтобы побудить человека задуматься о себе, своих возможностях улучшить жизнь в своем городе, регионе, стране.

Но без наличия и широкой пропаганды достижений талантливых представителей народа невозможно формировать такое важнейшее качество любого человека, как патриотизм. О нем в течение нескольких лет вообще не говорили. Вспомнили о необходимости его воспитания только в последние годы. Однако народ, который не гордится своими достижениями в прошлом и *настоящем*, является мертвым народом. Поэтому формирование, сохранение и развитие национальной гордости является важнейшей государственной задачей.

Нынешняя система образования, усиленно борясь с коммунистическим воспитанием, в начале девяностых годов вообще отказалась от какого-либо формирования у школьников не только политических, но и трудовых, эстетических, моральных норм и правил. Педагогов ориентировали на то, что они обязаны в первую очередь давать знания по различным предметам, а не решать воспитательные задачи. В учреждениях среднего профессионального и высшего образования также была до основания разрушена прежняя система воспитания, ориентирующая на приоритет коллективного интереса над личным в учебной и трудовой деятельности.

Только в начале нового века вновь Министерством образования и науки Российской Федерации была принята программа организации в дошкольных, школьных и внешкольных учреждениях воспитания, якобы направленного на формирование соответствующей новым реалиям личности. Однако на практике, как показывают наши исследования, почти ничего не изменилось. Основные положения этой программы мало кто знает и реализует. Специалисты еще не дали учителю те методические разработки, в которых достаточно полно и обоснованно раскрываются особенности соответствующего новым реалиям воспитания. К тому же отсутствует какая-либо обоснованная система оценки качества самого воспитательного процесса в детском саду, школе, учреждении дополнительного образования. Поэтому в повседневной жизни содержание воспитательной работы нередко определяется теми индивидуальными представлениями о должном, которыми руководствуется тот или иной педагог.

Качественно изменилась воспитательная ситуация в семье. Прежде родители от учителей и работников учреждений культуры получали знания о том, к чему и как приучать ребенка. Сейчас семья фактически лишилась какой-либо поддержки от государства в организации работы по формированию сознания и поведения подрастающего поколения. В результате стихийного утверждения новых социально-экономических условий и отсутствия их сознательного идеологического обеспечения прежнее представление о должном исчезло, а новое не появилось. Неопределенность сущности и содержания тех требований, которые предъявляет современная жизнь к подрастающему поколению, ведет к тому, что многим взрослым очень трудно осуществлять направленное формирование сознания и поведения детей в семье. Сложно выяснить то, какие моральные, эстетические, трудовые нормы и правила являются в настоящее время ведущими.

Честность, добросовестность, трудовая инициатива, а тем более принципиальность давно перестали быть в цене. Представления о красоте сильно подвержены переменчивой моде. Размер оплаты труда нередко определяется не его качеством, наличием соответствующего образования, усердием работника, конечными результатами его работы, а возможностью начальства выплачивать те или иные суммы. В сфере современного искусства также чаще всего преобладают произведения развлекательного характера, не побуждающие человека к размышлениям о смысле жизни, ответственности перед собой и другими людьми.

Во все времена семья получала ориентиры для своей воспитательной деятельности от церкви, государства, общины, а теперь исчез тот основной субъект, кото-

рый берет на себя ответственность за определение содержания и ведущих форм родительского воздействия на сознание и поведение подрастающего поколения. В этой ситуации семья либо пытается осуществлять традиционное воспитание, формируя установку на трудолюбие, честность, заботу о близких людях, доброту, порядочность, вынужденно борясь с иными установками, возникающими под влиянием СМИ, примеров реальной жизни, либо почти не вмешивается в стихийный процесс социализации ребенка. В итоге семья перестает активно участвовать в формировании той личности, которая требуется нашему обществу для обеспечения своего устойчивого воспроизводства и развития.

Можно сказать, что за последние полтора десятка лет почти разрушена та система трудовых, нравственных, эстетических ценностей, которыми руководствовалась подавляющая часть наших граждан не только на протяжении периода советской власти, но и в течение многих веков. Речь идет о патриотизме, коллективизме, честности, ответственности, трудолюбии, профессионализме, ориентации на прекрасное, возвышенное, которые всегда утверждались в сознании каждого человека семьей, школой, средствами массовой информации, учреждениями культуры, государством.

В связи с этим возникает проблема того, насколько нынешнее среднее по возрасту и подрастающее поколение способны обеспечить устойчивое развитие России как великого, имеющего богатые исторические традиции, достижения во всех видах искусства и науки государства. В обществе какие-либо позитивные изменения всегда осуществляются не абстрактной массой индивидов, а конкретными людьми, направляющими свои знания, умения, способности на разрешение тех трудностей, которые испытывают большинство соотечественников. Следовательно, направленность и содержание жизненных ценностей личности, моральные, эстетические принципы, которые она исповедует, являются основой существования самого общества как динамически развивающейся или же неуклонно деградирующей системы.

Попробуем выделить те ведущие нравственные, трудовые, эстетические ориентиры, которые позволяют сформировать личность, способную обеспечить своим трудом поступательное развитие страны. Анализ их содержания позволит ответить на вопрос о том, какой тип личности постепенно становится доминирующим, а также выяснить, когда и при каких условиях наша страна сможет ускорить достигнутые в настоящее время темпы развития и снова стать одной из ведущих стран мира в основных областях науки, техники, искусства.

Теоретической основой анализа является выделение системы чувственно-эмоциональных переживаний, побуждающих личность осваивать различные требования социума.

В процессе социализации действует следующий механизм приобщения человека к культуре, выработки готовности к ее воспроизводству, а затем активному самосовершенствованию. Он включает, прежде всего, *гордость* за умение освоить то должное, что требует окружающая среда, и *стыд* за неполное соответствие требованиям субъекта социализации. На основе этих качеств уже к пяти годам

ребенок способен воспроизводить основные моральные, эстетические, трудовые и иные правила общественной жизни. В течение всей жизни гордость и стыд остаются основными внутренними побудителями к дальнейшему самосовершенствованию, если того требуют внешние обстоятельства.

Поэтому во все времена родители, другие воспитатели всегда стремились формировать у ребенка трех-четырёх лет гордость за умение выполнять простейшую домашнюю работу, способную помочь в чем-то взрослым, проявить реальную самостоятельность. Поскольку от природы каждому человеку дано испытывать радость за какие-либо личные успехи, то с воспитанием этого чувства больших проблем не было. Выработке стыда уделялось значительно больше времени, так как от рождения никто не предрасположен переживать свою ограниченность, некую ущербность, когда окружающие осуждают за допущенные ошибки.

К тому же традиционно люди чаще обращают внимание не на достижения человека, а на какие-то упущения. Борьба с недостатками является одной из важнейших задач первичной социализации личности. До сих пор господствует необоснованное мнение о том, что чем чаще акцентируешь внимание человека на его недостатках, тем быстрее они у него исчезают. На самом деле, как показывает теория и практика, всегда необходимо сначала отметить достоинства личности, а лишь затем – негативные черты поведения.

На основе развитых чувств гордости и стыда происходит формирование *совести*, указывающей на способность индивида самостоятельно оценивать свои поступки, предпринимая усилия, направленные на преодоление невольных ошибок. Происходит переход от развития под влиянием окружающих людей к преимущественному *саморазвитию*. Поэтому формированию совести уделяли всегда очень большое внимание, считая наличие этого чувства показателем социальной зрелости. Отсутствие совести превращало человека в аморальную личность, с которой никто не хотел иметь дела.

Процесс становления механизма саморазвития далее включает в себя утверждение чувства *долга*, заключающегося в переживании неизбежной зависимости индивида от тех людей, с которыми он связан обстоятельствами жизни. Долг указывает на коллективный характер жизни человека. Без помощи и поддержки разных людей никто существовать не может. Поэтому необходимо научиться мирно контактировать с окружающими, ставя на первое место их интересы, а не свои собственные. Через чувство и понимание долга ребенок приучается выполнять не всегда приятные обязанности, проявлять силу и волю при столкновении с различными трудностями, руководствоваться потребностями коллектива, своего народа, страны.

На основе долга происходит формирование чувства и понимания *ответственности* человека перед разными людьми. Ответственность представляет собой переживание зависимости окружающих от направленности и содержания действий индивида. Поэтому необходимо всегда четко представлять последствия поступков, совершаемых даже из самых на первый взгляд лучших побуждений, для близких и дальних людей. Иначе действия человека станут причиной несча-

стью даже тех, кого он очень любит. Усвоение норм и правил ответственного отношения к себе и другим людям делает человека умным, принципиальным, решительным в утверждении справедливости, стремящимся реализовать свои знания и умения на благо социума.

Формирование всех указанных элементов механизма развития и саморазвития было во все времена главной задачей первичной социализации личности. Поэтому семья, общественность, церковь, средства массовой информации, искусство, система образования, учреждения культуры действовали совместно при воспитании гордости за свой народ и его достижения, стыда за асоциальные поступки, совести как условия действенного самоконтроля, долга перед близкими людьми, страной, ответственности за все то, что происходит вокруг.

В итоге всей предшествующей системой воспитания и образования наш соотечественник был сориентирован накануне рыночных реформ на честное выполнение долга, товарищескую взаимопомощь, коллективизм, порядочность, справедливость, ответственное отношение к делу, милосердие, доверие к людям, он испытывал гордость за свои успехи и достижения страны, верил в светлое будущее, надеялся на улучшение своей жизни. Конечно, не все люди руководствовались данными нормами, однако подавляющее большинство усвоили их на уровне очень устойчивых стереотипов сознания и поведения.

Новый общественный порядок прежде всего разрушил содержание той гордости, которая является основой всех позитивных побуждений человека. Еще во время перестройки полное отрицание достижений страны за предшествующие 70 лет невольно вело к тому, что стала исчезать гордость за успехи в развитии экономики, науки, искусства, литературы. Подчеркивались одни только негативные факты, касающиеся поведения руководства страны в различные периоды строительства социализма, а ценность героического труда миллионов людей сводилась почти к нулю. Можно подумать, что значимость народа определяется только обликом тех, кто стоит у власти, а не талантом, трудолюбием, знаниями, умениями рабочих, крестьян, интеллигенции!

В процессе начавшейся приватизации государственных предприятий стала нивелироваться гордость за свой коллектив, достижения товарищей по работе. Резкое падение заработной платы, отсутствие какой-либо связи между ее размером и реальным трудовым вкладом работника привело к исчезновению гордости за свой труд. Очень многие люди оказались в ситуации, когда им стало стыдно работать за мизерные зарплаты, а часто вообще бесплатно. Это привело к девальвации ценности работника в семье. Отцу и матери невозможно завоевать авторитет у детей, если они не могут их даже накормить!

Самоценность человека существенно понизилась абсолютно во всех сферах жизни. Это закономерно привело к резкому обострению семейных конфликтов, распаду многих браков, падению трудовой дисциплины, безразличию личности к собственному здоровью и даже самой жизни. Поэтому так резко в 1990-х годах возросла смертность, особенно среди мужчин, которые всегда утверждали себя в обществе способностью прокормить семью, проявить себя в сложной работе.

Однако в новые времена выполнить эти привычные задачи стало для многих невозможно. Смысл жизни, продолжения своего рода, получения хорошего образования, соблюдения норм культуры, профессионализма стал исчезать.

Когда девальвируется гордость, то лишаются основания для своего возникновения и функционирования стыд и совесть. Стало вполне принято среди части руководителей использовать служебное положение в личных целях. Законодательная и исполнительная власть рассматриваются многими депутатами и чиновниками как источник накопления первоначального капитала для себя и своих детей. Более того, таких людей общественное мнение уже редко осуждает. Есть и те, кто им завидует.

Долг и ответственность перед учебным, трудовым коллективом, обществом перестали даже формулироваться как требования к социализации личности. Эти понятия исчезли из лексикона тех, кто по своему положению призван указывать жизненные ориентиры подрастающему поколению.

Слом веками проверенного механизма развития и саморазвития личности в онтогенезе привел к тому, что перестала цениться доброта, справедливость, чуткость, сочувствие, милосердие, честность, порядочность, принципиальность. На первое место вышли те качества, которые обеспечивают материальный успех. За него можно дать любую цену.

Во многих отечественных художественных произведениях, телесериалах достаточно ярко показан тип человека, который многими воспринимается как некий идеал. Он характеризуется завышенной самооценкой, которая неизбежно лишает человека способности испытывать стыд, угрызения совести. У таких людей в соответствии с законами асоциального развития проявляются мнимое бесстрашие, самоуверенность, презрительное отношение к окружающим, чувство превосходства и жажда безграничной власти. Они успешно используют несовершенство наших законов, умело подкупают нужных людей, жестоко уничтожают своих конкурентов. А затем... Не имея каких-либо значимых для общества целей обогащения, они бессмысленно тратят накопленные богатства или помещают свой капитал в иностранные компании.

Улучшение жизни своего народа, страны таких людей не волнует. Все их личностные качества направлены только на реализацию узкоэгоистических интересов. Они не имеют тех ориентиров, которые могут превратить их знания и способности в двигатель социально-экономического и культурного развития России.

Более того, они заинтересованы в том, чтобы у большинства сограждан сохранялась заниженная самооценка, сформировавшаяся в первые годы неумелого насаждения рыночных отношений. Она закономерно ведет к усилению *страха* перед настоящим и будущим. Человек опасается того, что завтра будет еще хуже, чем сегодня. Поэтому он готов влачить жалкое существование в течение относительно длительного времени.

Кажется, что теми, кто испытывает постоянное опасение за свою жизнь и за близких людей, легко управлять. Они готовы к полному подчинению власти. Однако страх, порождая неуверенность в себе, затем перерастает в раздражительность,

злость, переходящую временами в ненависть. Поэтому всегда следует вовремя остановиться в формировании у людей чувства страха. Он не должен охватывать все сферы жизни личности. Иначе неизбежно нарастание протеста и появление готовности любой ценой уничтожить тот порядок, который не обеспечивает нормальное воспроизводство индивида, его семьи и неуклонное совершенствование повседневной жизни.

Какие же качества требуются от личности, которая способна не только создать условия для обеспечения желаемого для себя материального уровня жизни, но и в полной мере раскрыть свой творческий потенциал для новых достижений в науке, технике, искусстве, на основе которых только и возможно возрождение страны?

Прежде всего, требуется с раннего детства организовать процесс формирования *нормативной гордости*. Она представляет собой переживание радости за те успехи, которые достигнуты умелым преодолением личностью различных трудностей и обеспечивают улучшение жизни близких и дальних людей. Поэтому коллективистская ориентация жизнедеятельности человека становится естественным фундаментом всех его отношений с окружающим миром. При этом речь не идет о необходимости подавления личных интересов. Преодолевается лишь природная и социальная детерминанта, формирующая эгоистические желания. Само содержание личных интересов наполняется поиском способов самореализации, которые позволяют совершенствовать условия жизни как самого индивида, так и многих людей. Человек вновь обретает истинный смысл своего бытия, заключающийся в умелом раскрытии своих индивидуальных способностей, становящихся основанием для развития тех общностей, членом которых он является.

Содержание гордости за свои успехи постоянно дополняется гордостью за достижения учебного и трудового коллектива, жителей своего поселка, города, региона, страны. При этом четко обосновывается следующая закономерность: чем полнее освоены достижения далекого и близкого для нас прошлого, тем больше оснований для успехов во всех сферах деятельности современников. Гордость за своих предков и тех, кто ныне успешно реализует свои знания и умения, является двигателем личностного развития и саморазвития человека с раннего детства до глубокой старости. Она задает ориентир для самореализации и самоутверждения.

Важнейшей особенностью современного содержания гордости является то, что оно должно включать в себя переживание радости за умение соответствовать усложняющимся требованиям быстро меняющегося мира. Уже недостаточно руководствоваться только теми принципами и нормами, которые были выработаны в прошлом. Необходимо умело меняться исходя из новых реалий XXI века.

Следовательно, возникает необходимость формирования целостной системы выработки и поддержания гордости за свою семью, учебное заведение, предприятие, населенный пункт, страну, а также за способность к собственному саморазвитию. Формирование содержания и методов утверждения этой гордости должно стать сущностью господствующей идеологии. *Национальная идея современной*

России заключается в обеспечении ускоренного саморазвития страны на основе всесторонней реализации творческого потенциала каждого человека. Чем больше создается возможностей для выявления и проявления индивидуальных способностей, талантов людей, тем быстрее возрастает благосостояние народа, усиливается влияние государства на характер решения мировых проблем.

Роль системы образования, воспитания, деятельность средств массовой информации, искусства, науки в социализации личности должна оцениваться по степени их влияния на процесс формирования и утверждения нормативной гордости представителей разных поколений, наций, социальных групп, отдельных индивидов.

На основе гордости за свою семью, коллектив, народ, собственное умелое самосовершенствование утверждается *чувство стыда* за те действия, которые тормозят саморазвитие, несут страдания, ухудшают жизнь близких и далеких людей, усиливают апатию и безразличие к жизни, ослабляют авторитет руководителей у подчиненных, снижают влияние нашей страны на происходящие в мире процессы.

Гордость и стыд создают основу для утверждения *чувства совести* как важнейшего двигателя саморазвития личности. Она включает в себя умение самостоятельно и честно оценивать как собственные достижения, так и промахи. Совестьливый человек постоянно предъявляет к себе все более и более высокие требования, не ожидая побуждений к этому со стороны. Он понимает, что господство эгоистического интереса ведет к самоизоляции, разрушает доверие между людьми, усиливает социальную разобщенность. Поэтому такой человек прежде всего заботится об общем благе, рассматривая его как условие личного благополучия.

Совесьть побуждает активно осваивать требования *долга* перед самим собой, родителями, педагогами, товарищами по работе, жителями своего поселка, города, региона, страны. Долг является тем чувством, которое формирует умение ставить интересы других людей выше собственных. Оно позволяет осознать зависимость каждого индивида от тех, кто обеспечивает его материальное существование, психологический комфорт, возможность дальнейшего самосовершенствования.

На основе долга утверждается *чувство ответственности* за наиболее полную самореализацию личности в деятельности, направленной на улучшение жизни близких людей, товарищей по работе, жителей своего края, всей страны. Наличие этого качества позволяет глубоко осознать целостную связь индивида с обществом. Социум не только определяет возможности для реализации всех основных потребностей человека. Благосостояние народа прямо зависит от того, насколько каждый его представитель активно способствует позитивным по своему содержанию изменениям в обществе. Чувство ответственности определяет степень включения личности в развитие различных социальных групп. Поэтому степень сформированности этого качества является критерием эффективности всей системы социализации индивида в обществе.

Нормативная гордость, стыд, совесть, долг, ответственность, будучи направленными на воспроизводство всего ценного из достижений предшествующих по-

колений, а также на активное саморазвитие личности, позволяют ей приобрести еще ряд важнейших человеческих качеств. Речь идет прежде всего о *мужественности*, которая позволяет ощутить внутреннюю силу, необходимую для преодоления различных жизненных трудностей. На ее основе утверждается *уверенность в себе*, обеспечивающая решительность и смелость в реализации принятых решений. Уверенность рождает состояние *внутреннего спокойствия*, так необходимого для выработки продуманных, обоснованных вариантов поведения в сложных ситуациях.

Соединение разума и чувств обеспечивает тот успех, который рождает *радость* за сам результат и умелые способы его достижения. Это чувство в свою очередь обеспечивает утверждение мудрой *любви* к окружающему миру. Человек умеет не только наслаждаться природой, творением рук талантливых людей, но и сам активно стремится умножать все ценное, что существует в окружающем мире. Для него неприемлемы раздражительность, злость, ненависть, ослабляющие созидательные силы человека и возвращающие его в состояние первобытной дикости.

Все вышеуказанные качества обеспечивают реализацию творческих способностей личности в той мере, в какой они дополняются наличием *навыков самоорганизации*. Они включают в себя умение *планировать* ближайшее и отдаленное будущее, обоснованно выбирать *наиболее оптимальный вариант* реализации поставленных целей, концентрировать *волю и проявлять терпение* в процессе практической деятельности, осуществлять текущий *самоконтроль*. В итоге достигается высокая результативность всех действий, направленных на совершенствование текущей жизни, улучшение дел на производстве, в бытовой и досуговой деятельности.

Перечисленные качества не являются новыми. Многие из них были востребованы и в прошлые времена. Однако только в условиях ускорения темпов научно-технического и социального прогресса формирование саморазвивающейся личности становится важнейшей задачей общества. Перечисленные качества обеспечивают становление механизмов развития и саморазвития личности в онтогенезе. Этим объясняется необходимость четкого обозначения содержания тех ориентаций и установок, которые должны воспитываться у каждого человека в наше время.

Тот, кто способен на основе целостной системы саморазвития изменять жизнь к лучшему на уровне микросреды, создает необходимые условия для позитивных преобразований в масштабах всей страны. Поэтому развитие России как великого государства могут обеспечить только люди, обладающие гордостью за свой народ, умеющие реализовать свои знания и способности на благо страны, люди мужественные, уверенные в себе, волевые, совестливые, с развитым чувством долга и ответственности перед собой и другими, любящие тот мир, в котором они живут.

М. Н. Овчинникова

СТРАТЕГИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОГО РЫНКА ТРУДА

В современном обществе одним из основных стратификационных критериев остается профессиональный статус личности, ее положение в системе занятости, которая за последнее десятилетие претерпела качественные изменения в силу влияния различных факторов. Сформировались ресурсоемкие сегменты, которые характеризуются интенсификацией конкурентных отношений между работниками. Они обладают «барьерами вхождения», а социальные позиции в их рамках, воспринимаемые как привлекательные, – ограниченной реальной достижимостью вследствие высокой конкуренции.

Самоопределение личности в сфере трудовых взаимоотношений осуществляется посредством выстраивания стратегии поведения в конкурентных условиях рынка труда. Стратегия конкурентного поведения личности на рынке труда представляет собой сознательно сконструированную модель социально-экономических действий личности в трудовой сфере по достижению устойчивого конкурентоспособного положения путем формирования адекватной структуры личностных ресурсов (накопления интеллектуального, человеческого и социального капитала), природных дарований, приобретенных знаний и умений, личной предприимчивости и активной жизненной позиции.

Эмпирическая готовность следовать стратегии конкурентного поведения на личностно-индивидуальном уровне характеризуется: восприятием личности себя в качестве субъекта рынка труда, активного участника рыночного процесса; рациональностью в формировании конкурентного преимущества; и ориентацией на долгосрочность, что задает направление личностной активности на длительную перспективу и подчиняет отдельные поведенческие практики логике соответствия основной стратегической цели.

Потребность выявления данных стратегий, презентуемых соискателями рабочих мест на рынке труда, и построения их типологии потребовала проведения конкретного эмпирического исследования. Исследование было реализовано нами в два этапа с применением методов в рамках различных исследовательских парадигм. На первом этапе эмпирическое исследование, осуществленное нами с целью выявления репертуара актуальных стратегий конкурентного поведения личности на локальном рынке труда, было реализовано в рамках качественной парадигмы. Ситуация информационной неопределенности и потребность в получении принципиально новых знаний обусловили использование метода экспертного опроса в технике глубинного интервью. В качестве объекта исследования выступили руководители и специалисты рекрутинговых агентств, агентств по трудоустройству и представители Федеральной службы занятости Екатеринбурга (всего 20 экспер-

тов). Однако проверка выводов относительно существования данных типов стратегий и эмпирическая готовность личности к следованию той или иной стратегии определила необходимость обращения к самим соискателям. Данная задача была поставлена на втором этапе в ходе реализации опроса методом интервьюирования, где объектом исследования выступили жители пяти городов Свердловской области в возрасте старше 18 лет. В исследовании приняли участие 398 человек. Предметом исследования явились представления респондентов о способах самоопределения на рынке труда.

Выбранная модель эмпирического исследования позволила: выявить систему требований, предъявляемых к соискателям на современном локальном рынке труда; на ее основе определить варианты возможных ресурсных конфигураций при формировании стратегий конкурирования, адекватных сформированной системе требований; выявить элементы конкурентных преимуществ презентуемых стратегий конкурирования; определить репертуар самих стратегий конкурирования; продиагностировать готовность соискателей к воспроизводству данных стратегий конкурирования в реалиях рынка труда Свердловской области. Выдвинутая нами гипотеза о существовании стратегии конкурирования личности в качестве модели поведения, формируемая на основе восприятия среды рынка труда в качестве пространства реализации своих возможностей и восприятия себя в качестве субъекта данного рыночного пространства, нашла свое подтверждение, выявив признаки стратегичности поведения соискателей среди 51% опрошенных нами респондентов. Исходя из представлений респондентов относительно структуры своих конкурентных преимуществ, основанных на рефлексивном отражении требований рынка труда и способа приращения ресурсов конкурирования, в 30% случаев выявилась готовность респондентов к следованию «стратегии развития» конкурентного ресурса, в 21% случаев – к «стратегии накопления» конкурентного ресурса. Данные типы стратегий были выделены на основании такого критерия, как «способ структурирования ресурсов», понимаемого как определение приоритетов в развитии того или иного типа ресурса (конкурентного преимущества), основанного на рефлексивном отражении требований рынка труда и способа его приращения.

Модель поведения других 49% опрошенных соискателей, с точки зрения самих участников опроса, больше тяготеет к приспособительному типу поведения, что характеризуется непринятием для себя роли активного субъекта во взаимодействии на рынке труда, а поведенческие проявления отличаются вынужденным характером их реализации. Отсутствие установок на формирование конкурентного преимущества, контекстуальность их действий, отсутствие заинтересованности в самоутверждении в профессиональной сфере свидетельствуют об отсутствии у данной категории респондентов стратегических представлений о модели своего поведения.

В отличие от данной группы среди 51% респондентов были усмотрены предпосылки готовности к реализации стратегии конкурирования, в представлениях соискателей. Рассмотрим данные типы стратегий подробнее.

Принимая во внимание то обстоятельство, что ценностное истолкование рынка выступает основой построения стратегии, «стратегия развития» является ответом на потребность рыночной среды в работнике универсального типа и предполагает развитие стратегического ресурса в трудовой деятельности. Рынок труда для такого типа людей и, соответственно, для вырабатываемых ими стратегий поведения есть поле для новых возможностей и новых выборов. Развертывание их трудовой биографии сопровождается параллельным развитием, что является способом формирования ресурса в целях адаптации к новым ситуациям, новым рабочим местам, новым статусам и т. д. Ориентация на потребителя означает изучение потребностей рынка, оценку привлекательности того или иного занятия относительно его способности приблизиться к основной цели и, следовательно, разработку плана их удовлетворения, а также формирование собственного квалификационного и профессионального ресурса, включая способности к адаптации в условиях меняющегося спроса.

Готовность следовать стратегии поведения развивающего типа зафиксирована у 59% респондентов, придерживающихся стратегической модели поведения на рынке труда. Представителей данной группы характеризует более острое восприятие себя в качестве активного участника рыночного процесса. При этом интерпретация рыночного пространства осуществляется ими в терминах постоянного появления новых возможностей и рассматривается как явление, сопровождающее всю их трудоспособную жизнь «как возможность выбора более лучшего места работы» (38%) или «возможность попробовать себя в различных областях профессиональной деятельности» (16%).

Оценка успешности на рынке труда связывается прежде всего с приобретением места работы, предлагающего высокий уровень заработной платы. Соответственно данному представлению иерархия критериев выбора места работы выглядит следующим образом: первое – высокий уровень заработной платы; следующий по значимости мотиватор – возможность развития, личностного и профессионального роста; на третьем месте – возможность приобретения влиятельных знакомых. Построение конкурентного преимущества здесь ориентировано на приобретение качеств универсальности, отвечающих сформированной системе требований.

Таким образом, данный тип людей, склонных придерживаться в своих представлениях о модели поведения на рынке труда «стратегии развития» ресурса конкурентирования, выступает активным участником рыночного процесса и рыночного взаимодействия, однако не все сиюминутные сигналы рынка являются для него значимыми и требующими от него реагирования. Особенностью данного типа личностной стратегии является отбор значимых для него ситуаций, что также проявляется в способах сегментирования рыночной среды. При этом индивид не просто тщательно выбирает для себя ситуации в сфере труда и занятости, но способен также изменять данные ситуации, «трансформировать» их своим присутствием, способствуя тем самым рождению спроса на создаваемый им товар – профессиональный ресурс. Вследствие чего он оказывается уже вовлеченным в социально-экономический контекст, где находит возможность дальше развивать упомянутые лично-

стные возможности и профессиональные потенции. Одновременная ориентация на формирование ресурсов в ходе функционирования на рынке позволяет проявлять данному типу определенную гибкость за счет возможности осваивания смежных специальностей и профессий. В качестве тактических проявлений возможны и неоднократные в течение трудовой биографии смены направлений деятельности.

В отличие от «стратегии развития» «стратегия накопления» является логическим ответом на потребность в технологически готовом работнике. И предполагает накопление стратегического ресурса, предворяющее соответствующую трудовую деятельность. Основу конкурентоспособного преимущества составляют специальные способности личности, закрепленные в уровне ее квалификации, практическом опыте деятельности в конкретной профессиональной области. Деятельность личности по формированию конкурентного преимущества своего товара нацелена на развитие содержательно-функционального компонента стратегии, которым являются профессиональные возможности, умения и способности, и в меньшей степени ориентирована на наиболее динамичные и быстроменяющиеся сегменты рынка.

Поведение данного типа формируется на основе восприятия и интерпретации среды рынка труда в качестве пространства реализации накопленного ресурса, сформированного личностного потенциала и в качестве способа объективации личностного ресурса. Готовность следовать данному типу стратегии конкурирования характерна для 41% опрошенных, придерживающихся активной стратегии поведения. Восприятие среды нашло отражение в выборе следующих альтернатив в конкретизации представления о рынке труда: рынок труда для 31% населения области – «постоянное доказательство того, что ты не зря получаешь деньги»; для 16% – «возможность узнать, сколько ты стоишь»; для 12% – «постоянная гонка за конкурентами»; для 10% – «возможность выбора лучшего места работы».

При этом в иерархии представлений об успехе на рынке труда представителей данной группы на первом месте оказывается занятие такой позиции, которая бы позволяла не думать о поиске нового места работы, на втором – возможности приобретения высокого уровня квалификации в определенной сфере деятельности, на третьем – возможности самореализации. Представления об успехе в целом согласуются с системой критериев оценки рабочего места при его выборе. Здесь для представителей «стратегии накопления» помимо критерия «заработная плата» (что в условиях рыночной системы является ключевым фактором выбора конкретного рабочего места) одним из значимых выступает приобретение опыта в конкретной профессии, то есть накопление квалификационного ресурса, а также возможности личностного и профессионального роста.

Основой конкурентного преимущества выступают специальные способности индивида, закрепленные в опыте и уровне квалификации, иначе говоря, преимущество – в «подготовленном» выходе соискателя на рынок труда. Процесс подготовки может включать в себя накопление интеллектуально-познавательного ресурса, практико-квалификационного или социального. Основными преимуществами данного типа оказываются приобретенные знания, опыт конкретной деятельности,

освоенные технологии. Индивид, формируя конкурентное преимущество своей стратегии, оперирует такими ресурсами, как конкретные навыки, знания и умения. При этом возможны следующие тактические проявления: освоение смежных специальностей в соответствии с динамикой развития внешней среды; приобретение базового универсального образования, позволяющего при определенном стечении обстоятельств гибко лавировать в рамках определенной сферы, а также освоение конкретной специальности, определяющей готовность реализовывать себя в данном виде конкретной деятельности.

Данный факт находит подтверждение в представлениях опрошенных относительно своих конкурентных преимуществ, заключенных в уровне квалификации – в 55% случаев и в уровне образования – в 34% случаев, сопряженных с внутренней готовностью к смене места работы. Однако достоинства определяют и недостатки. Соответственно ограничениями, снижающими вероятность успеха на рынке труда, по мнению тех же опрошенных, являются их профессиональная ограниченность, определяемая как отсутствие опыта работы в разнообразных сферах деятельности (30%), а также недостаточный уровень образования (28%).

Таким образом, информационная и/или технологическая подготовленность, практическая ориентация на предложение своего потенциала, сформированного в соответствии с прогнозируемыми потребностями рыночной среды, – вот основные факторы успеха данного типа стратегии на рынке труда, что определяет возможности его более легкого приспособления к трудовой деятельности и интеграции в рыночную среду.

Таким образом, стратегия конкурирования является сознательной деятельностью, при которой актуализированы процессы самопознания, самоидентификации, саморегуляции и самоконтроля. Причем данный процесс охватывает всю трудовую биографию индивида: формирование в процессе социализации и приобретения общего и профессионального образования; предложение и продажа на рынке труда (как первичное и, возможно, вторичное самоопределение на рынке), адаптация и обмен; развитие и продвижение; реализация и использование. В этой связи конструирование стратегии конкурирования личности рассматривается как комплексное ее развитие (социальное, профессиональное, личностное, культурное). Изучение проблемы самоопределения личности в рыночном пространстве трансформирующегося общества исходя из социологического подхода, основанного на признании личности в качестве активного субъекта, оказывающего влияние на социально-экономическое пространство, на рассмотрении ее в качестве субъекта, осознанно и ответственно вырабатывающего различные стратегии самоопределения в конкурентном пространстве рынка труда на основе взаимодействия своего ресурсного капитала, – позволило рассмотреть это самоопределение в качестве процесса социального конкурирования, в ходе которого личность вырабатывает особого рода модель поведения, стратегию построения своего конкурентного преимущества, в основании которой находится особым образом структурированный ресурс. А конкретное эмпирическое исследование выявило типы данных стратегий.

О. В. Собенина

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕНЕДЖЕРОВ

Важнейшим условием эффективности и конкурентоспособности предприятий в условиях рыночной экономики становится формирование новой культуры управления, адекватной требованиям макроэкономического контекста. В данном случае культура управления в организации выступает как результат взаимодействия и взаимовлияния различных факторов детерминации.

Во-первых, с позиции внешних детерминант формирование культуры управления не является изолированным процессом, а происходит под влиянием требований рынка и советских традиций управления. В ходе проведения эмпирических исследований подтвердилось предположение о наличии эффекта «культурного лага» между требованиями рыночной экономики и наличествующими в профессиональном взаимодействии менеджеров практиками управления, что опосредовано взаимным влиянием причин внешнего порядка (изменения макроэкономического контекста) и внутреннего порядка, предполагающими неравномерное и неодновременное усвоение менеджерами иной (новой) модели культуры управления.

На практике данная ситуация приводит к противоречивому сочетанию в профессиональном взаимодействии менеджеров элементов различных «культурных парадигм» (бюрократического и патерналистского централизма, с одной стороны, и фратерналистского партнерства – с другой), что не позволяет зафиксировать, осознать и скорректировать возможные недостатки профессиональной деятельности менеджеров.

Сами менеджеры подчеркивают различие между «должностью» как служебным местом в структуре организации, связанным с исполнением определенных обязанностей и определенной ответственностью, и собственно «ролью руководителя», которую человек играет, находясь на руководящей должности. Первая включает в себя обязанности, которые менеджеры выполняют в соответствии с должностной инструкцией: это «функции – должности» и «цели – должности» (качество, оперативность, бесперебойность). Последние носят узкопроизводственный характер и связаны с содержанием работы менеджера на предприятии как производственного специалиста.

Анализ данных эмпирического исследования, проведенного автором в 2005 году (менеджеры среднего звена госпредприятия, 60 глубинных интервью), подтвердил, что конструкт образа «идеального подчиненного» и «идеального руководителя» формируется на основе объективных требований, связанных с должностными обязанностями каждого работника. Прежде всего это соблюдение дисциплины: трудовой (отсутствие опозданий, прогулов, нахождение на рабочем месте

в трезвом виде), производственной (знание и выполнение технических условий, качественное выполнение должностных обязанностей) и санитарной.

Вторая (собственно роль руководителя) включает неформальные функции менеджера в коллективе (формирование идеологии, установки определенного действия, мониторинг, функция «плавильного котла», контроля, обучения). А также собственно специфику роли менеджера: властность, доминантность, ответственность, контактность и мобильность.

В этом случае наряду с объективными требованиями в конструкт «идеального подчиненного и руководителя» включаются субъективные ожидания представления и ожидания самого менеджера относительно «должных» или «желаемых» качеств.

Традиционно бытует представление о том, что главное «ожидаемое», «желаемое» и «должное» качество подчиненного, с точки зрения отечественного руководителя, – это исполнительность как молчаливое согласие с любым мнением вышестоящего руководства. В первую очередь, данное «ожидаемое» качество (исполнительность) обусловлено восприятием людей как «человеческих ресурсов», выполняющих строго определенные, предписанные формальными и неформальными нормами и правилами функции. Беспрекословное их исполнение в этом случае является залогом эффективности парадигмы бюрократического централизма (наиболее распространенной в практике повседневного профессионального взаимодействия менеджеров) – качественного выполнения должностных обязанностей на различных уровнях управления. Последнее предписывает каждому человеку в конкретной ситуации профессионального взаимодействия одну-единственную роль: либо «принимающего» решения, либо «исполняющего» решения. Смещение этих позиций ведет к деструктивным последствиям, поскольку данная система является в данной «культурной парадигме» одним из базовых механизмов реализации принятых решений и поставленных задач на практике. С другой стороны, исполнительность в условиях советской системы также служила маркером лояльности подчиненных и легитимности властных позиций самого вышестоящего руководства. Влияние данных исторических традиций в значительной степени обусловило текущее восприятие и определенную направленность интерпретации «образа подчиненного», сконструированного как результат взаимного влияния двух аспектов профессионального взаимодействия: с подчиненными и с вышестоящим руководством. Так, отсутствие исполнительности до сих пор интерпретируется всеми социальными агентами (менеджеры, вышестоящее руководство, подчиненные) как отсутствие основного и значимого атрибута «роли руководителя» в организации. Для нижестоящих это служит своеобразным защитным механизмом, регулирующим «восходящее» взаимодействие в условиях доминирования жестких субординационных и неформальных отношений.

«Культурная парадигма» бюрократического централизма характеризуется «четкими линиями распределения полномочий по принятию решений, строгим функциональным распределением труда, ролей и специализацией работников, деятельность которых координируется и направляется небольшим связующим зве-

ном вышестоящего руководства. Если каждая функция соответствует тому, что предписано системой, значит, все задачи будут решены по плану» (Ф. Тромпенаарс)¹. В концентрированном виде это содержит классическую проблему менеджмента, когда «вниз плохо передаются ценности, а вверх – плохо передается информация. Как результат – замедленная реакция» (Т. Дил, А. Кеннеди)². В этом случае люди склонны изолироваться, создавать субкультуры, защищать свои интересы, в каких-то случаях предпочитать свои интересы интересам организации.

Рассматриваемый тип культуры не способен легко адаптироваться к изменениям в окружающей среде. Конфликты в этой культуре считаются иррациональным нарушением упорядоченных процессов, снижающим эффективность деятельности как отдельного коллектива, так и организации в целом.

Во-вторых, с позиций внутренних детерминант процесс формирования культуры управления всегда обладает многосторонней направленностью: включает в себя не только процесс руководства, но и процесс подчинения.

В реальных ситуациях профессионального взаимодействия менеджер одновременно обладает различными фреймами собственной роли. С одной стороны, это фреймы «менеджера» как руководителя по отношению к своим подчиненным, с другой стороны, это фреймы «менеджера» как подчиненного в отношениях с вышестоящим руководством. Та или иная позиция в интерпретации роли менеджера позволяет с разных сторон взглянуть на конструирование идеального образа подчиненного с позиций субъективных ожиданий и представлений о качествах последнего. В ситуации «менеджер – руководитель» априорно создаваемый конструкт идеального подчиненного заключается в наборе требований, предъявляемых менеджером своим подчиненным. В ситуации «менеджер – подчиненный» – это собственные субъективные представления об ожиданиях вышестоящего руководства.

Сравнительный анализ собственных требований к «другим» (своим подчиненным) и ожидаемых, предполагаемых требований к себе со стороны вышестоящего руководства позволяет выявить реальные представления относительно идеальных качеств менеджера на любом уровне управления, а также собственно пути и механизмы конструирования культуры управления менеджера с подчиненными.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет говорить о наличии противоречия между реально существующим и рационально правильным смыслом профессионального взаимодействия («объективными» требованиями) и смыслом, субъективно присваиваемым самими агентами («субъективными» ожиданиями).

С одной стороны, как уже отмечалось, требования, которые сами менеджеры предъявляли своим подчиненным, носили достаточно универсальный характер, проявляющийся в двух основных аспектах. В первую очередь, универсальность как абсолютная идентичность и единообразие требований менеджера к подчиненным вне зависимости от занимаемого уровня в управленческой иерархии (от директора предприятия до линейного руководителя, мастера смены). Во-вторых,

в качестве требований выступали общие качества, характерные для любой профессии. Прежде всего это профессионализм («квалифицированные, грамотные специалисты»), опыт, самостоятельность в работе, а также стремление и желание работать. Здесь исполнительность отрицалась как неэффективная и деструктивная черта подчиненного.

С другой стороны, с позиций субъективно присваиваемых самими менеджерами смыслов ситуациям взаимодействия с вышестоящим руководством, большинство информантов полагали, что наряду с качественным выполнением должностных обязанностей (технические условия) от них скорее и прежде всего ожидается именно исполнительность в традиционном для отечественных менеджеров понимании этого слова.

В данном случае специфика профессии не только определяет профессиональные требования к менеджеру (организаторские, психологические способности и менеджмент в самом широком смысле слова), но и формирует некий «культурный код», который позволяет менеджеру интерпретировать социально-профессиональное взаимодействие. Прежде всего это касается понимания и интерпретации самим менеджером и иными агентами (подчиненные, вышестоящее руководство) властных, статусных полномочий менеджера. Это обусловлено самой ролью менеджера, выступающего ключевым агентом как нисходящего (менеджер – подчиненный), так и восходящего (менеджер – вышестоящее руководство) взаимодействия.

Власть – это основная характеристика роли менеджера в повседневном взаимодействии, имманентная сущность самой профессии. Без осуществления властных полномочий исполнение роли менеджера невозможно. Именно благодаря власти менеджер обладает способностью, возможностью и правом влиять на поведение и деятельность иных социальных агентов, достигать определенных целей с помощью формальных (должностные обязанности, которыми наделен менеджер) и неформальных механизмов (статус менеджера в социально-профессиональной группе). Зачастую все исполнение роли менеджера может быть направлено, обусловлено и мотивировано лишь одной целью – поддержание, укрепление или повышение собственного статуса (статуса менеджера) в системе социально-профессиональных связей в контексте повседневного взаимодействия. Последнее также может вести к противоречию между ожидаемой организацией и реальным исполнением роли менеджера.

В-третьих, наиболее распространенный подход к культуре управления, предложенный Э. Шейном, Г. Хофстедом, Д. Болинже, Т. Дилом, А. Кеннеди, оставляет за рамками научного анализа сам процесс и причины детерминации культуры управления в конкретной организации.

Здесь важно учитывать, что культура управления всегда есть результат взаимодействия в контексте внешней среды (конкретной организации) менеджеров как особой профессиональной группы, объединенной общим видом профессиональной деятельности (менеджмент), обладающей собственными уникальными характеристиками. С этих позиций система детерминации культуры управления

также включает совокупность факторов, которые определяют ее возникновение и специфику проявления общего и особенного порядка.

С одной стороны, культура управления несет в себе общие характеристики, присущие культуре в целом как социальному феномену, но проявляющиеся в специфическом контексте социально-профессионального взаимодействия менеджеров организации. С другой стороны, она отражает в себе сущностный характер самого менеджмента в организации (внешняя среда проявления культуры управления) как специфического вида профессиональной деятельности, отличного от администрирования и иного вида управленческой деятельности.

Общие черты культуры: наличие единой, целостной системы «культурных проявлений» (нормы, ценности, смыслы, значения), конвенционально согласовывающих реальность повседневного взаимодействия социальных агентов и носящих условно-репрессивный характер для последних, – определяют восприятие менеджерами культуры управления как репрессивного и объективного (по отношению к самим менеджерам) феномена.

Безусловно, культура управления есть смысловой мир, который конструируют сами менеджеры на основе смыслов и значений, заданных организацией, в которой формировалось сознание субъекта. В контексте социально-профессионального взаимодействия культура управления всегда есть самостоятельно «выращиваемое» явление. Здесь объективность институционального мира – не более чем созданная, сконструированная человеком объективность. Культура управления всегда выступает как система разделяемых «культурных» проявлений, которые изобретаются, создаются, воссоздаются и поддерживаются членами профессионального сообщества (менеджерами).

Однако ценностно-нормативная компонента культуры управления, интериорируясь в систему профессиональных ценностей менеджера, начинает восприниматься последним как внешняя, объективная, неизменная и репрессивная. Данная неосознаваемая система ограничений детерминирует повседневное профессиональное взаимодействие менеджеров.

С одной стороны, культура управления постоянно направляет поведение на рабочем месте или в организации в целом в процессе социально-профессиональной активности. Но, с другой стороны, регулирование поведения и деятельности менеджеров в процессе управленческой активности приводит к тому, что возможность свободного, самостоятельного конструирования и изменения сложившейся практики и культуры управления не осознается самими менеджерами. Культура управления интерпретируется исключительно как нечто данное извне, обладающее репрессивным и объективным характером воздействия на субъект и объект управления. Последнее приводит к неизменности культуры управления в конкретной организации, несмотря на возможную неэффективность и неадекватность последней.

При этом процесс конструирования и изменения культуры управления возможен на стыке трех базовых сфер повседневной реальности менеджеров (подчиненные, вышестоящее руководство, сам менеджер). Конструирование в этом

случае осуществляется через присвоение определенных смыслов, значений и интерпретации собственного опыта и поведения других людей.

Присвоение смыслов здесь выступает двунаправленным процессом. С одной стороны, это создание идеальной «картины» окружающей повседневной реальности профессионального взаимодействия на основе четких ожиданий и представлений о собственной роли и роли «других».

Здесь культура управления выстраивается через требования к «другим» (это профессионализм, опыт, активность, самостоятельность) и ожидаемых, предполагаемых требований к себе уже со стороны вышестоящего руководства (это исполнительность).

Конструирование культуры управления идет как постоянное, текущее сравнение данного «идеального образа» с реальностью повседневного взаимодействия. Пред-конструирование позволяет менеджеру в ситуациях реального взаимодействия интерпретировать поведение других в соответствии с заранее сформированными ожиданиями, присвоенными субъективными смыслами и значениями их деятельности.

Конструирование культуры управления начинается и осуществляется только в контексте «конфликтного взаимодействия». Здесь «конфликт» – это несовпадение субъективно сконструированного «идеального образа» и реальности профессионального взаимодействия. В этом случае «конфликтные ситуации» являются узловыми точками в интерпретации повседневности и конструировании культуры управления, требующими смысловой типизации.

На практике это предполагает целый комплекс различных моделей типизации, связанных с решением конфликтных ситуаций, трудностями адаптации, неформальными механизмами коррекции системы. Культура управления менеджера здесь выступает как механизм связывания и взаимной адаптации «идеала» и «реальности».

Результаты качественного исследования (глубинные интервью) дают возможность предположить, что «идеал» остается практически неизменным и неизменяемым, поскольку опирается на собственные воспоминания и представления, взятые из своего или чужого прошлого. В этом случае «идеал» обретает характер мифологичности. Конструирование «идеальной картины» профессионального взаимодействия предполагает, что в прошлом сами менеджеры видят то, что хотят, и интерпретируют его так, как хотят. При этом «реальность» всегда остается меняющейся и изменяемой, поскольку она в значительно большей степени подвержена влиянию не только самого субъекта, но и других людей (подчиненные и вышестоящее руководство).

Таким образом, на практике культура управления также становится постоянно изменяемым и изменяющимся явлением, так как постоянно требуются новые модели и системы типизации новой реальности и связывание ее с заранее сконструированным «идеальным образом». Вопрос формирования новой культуры управления, адекватной макроэкономическим требованиям, в данном случае сводится к осознанию самими менеджерами возможности изменять и конструи-

ровать культуру управления с учетом влияния специфики взаимодействия ее с социальными агентами.

¹ Цит. по: Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. Учеб. пособие. М., 2002. С. 128–138.

² Там же.

Е. Н. Бочканова

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ГОРОЖАН – ОРИЕНТИР МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В современных условиях «прогресс в России невозможен без ликвидации „рыхлости“ государства в социальной сфере». Чем быстрее этот категорический императив для любых позитивных изменений в жизни страны осознают и властные структуры, и общественность, чем быстрее будет разорван «заколдованный круг, в котором находится российская социальная политика» (ее позитивное развитие невозможно без активного государственного участия, но одновременно в 1990-е годы «российское государство стало основным разрушителем социальной сферы, вырабатывая далеко идущие планы вне целенаправленной социальной политики»), тем быстрее можно будет вывести страну на цивилизованный путь¹. Тем важнее задача социологов по выявлению общественного мнения россиян по проблемам социальной политики, по изучению того, что думают различные слои населения о начатых и намечающихся реформах в социальной сфере.

В этом плане примечателен опыт взаимодействия с социологами администрации городского округа «Красноурьинск». В разработке, реализации и совершенствовании муниципальной социальной политики городские власти опираются на мониторинговые социологические исследования².

Красноурьинск – промышленный и культурный центр уральского севера – типичный средний монопрофильный индустриальный город. Он обладает развитым промышленным комплексом, вследствие чего его экономическое и социальное развитие, испытывая определенную напряженность, не является при сегодняшних условиях кризисным или гиперпроблемным. Если сравнивать город в социально-экономическом развитии с соседними городами, то заметно более благополучное положение Красноурьинска. Горожане питают к родному городу добрые чувства. Считают свой город уютным, красивым, чистым 41% жителей, тогда как 18%,

напротив, уверены в обратном, называя его грязным, шумным, с плохой экологией. Тем не менее, большинство горожан не намерены расставаться с родным городом³. Это подтверждают данные статистики: количество выбывших не превышает нормы, а сальдо миграции последние три года остается практически на нулевом уровне. Основными условиями такого постоянства являются более высокая и стабильная – по сравнению с соседними городами – заработная плата и трудовая занятость. Пенсии и пособия ни разу за всю историю города не задерживали. Сочетание промышленного и культурного потенциала оказывает влияние на специфику социальных проблем и социальное развитие города⁴. Перед муниципальной властью стоят проблемы обеспечения перспектив восходящего социального развития, позволяющего, с одной стороны, сохранить культурно-исторические традиции и культурную самобытность городской общности, а с другой – обеспечить социально приемлемые по стандартам общества рыночного типа условия жизни для основных групп населения.

Но тем и важнее социальный запрос администрации к социологам – для успешной реализации муниципальной социальной политики необходимо чутко следить за социальным самочувствием горожан, реагировать на колебания их социальных настроений.

В эмпирическом исследовании мы опирались на современное теоретико-методологическое представление о сущности социального самочувствия и социальной политики. Социальное самочувствие – интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека (социальной общности) своим социальным положением, индикатор настроений и ориентаций. Социальное самочувствие проявляется как «целостная, относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно «выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни», вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации⁵. Подобный подход представляется позитивным, поскольку не только рассматривает социальное самочувствие как эмоционально-психологическую реакцию личности (социальной группы) на условия жизнедеятельности, но и подчеркивает активность самого субъекта, его самореализацию, самоутверждение. Мы рассматривали социальное самочувствие как «интегральную характеристику реализации жизненной стратегии, отношение к окружающей действительности, субъективных ее сторон»⁶.

Проведение активной муниципальной социальной политики сегодня – требование времени, объективная необходимость. Все положительные тенденции социально-экономического развития города объясняются достаточно хорошо продуманной, социально направленной политикой. Муниципальные власти заинтересованы в решении социальных проблем горожан. Для этого изучаются наиболее острые проблемы города, факторы и уровни социальной напряженности, а затем разрабатываются и реализуются перспективные социальные программы.

Какие же социальные проблемы влияют на социальное самочувствие горожан, ощущаются ими как наиболее острые?

Таблица 1. Наиболее острые, по мнению горожан, проблемы Краснотурьинска, в % от числа опрошенных

Проблемы	2003 г.	2005 г.
Рост квартплаты, платы за коммунальные услуги	61	67
Низкое качество медицинских услуг, распространение их платности	65	62
Экологическая ситуация	58	57
Преступность, угроза безопасности жизни	60	43
Низкие заработки, доходы, трудности с дополнительным заработком	45	41
Низкое качество образовательных услуг, распространение их платности	33	35
Жилищно-бытовые проблемы	32	30
Невнимание властных структур к интересам горожан	27	19
Неразвитость сферы культуры и досуга	11	16
Несвоевременная выплата зарплат, пособий, пенсий	5	15
Безработица, ограниченные возможности трудоустройства	25	15
Неустойчивость финансово-экономического положения предприятий	7	11
Наркомания, алкоголизм	38	5
Межнациональные отношения	4	3

Как видим, приоритетные проблемы, выделенные респондентами в 2003 году, как были самыми острыми (к ним мы относим те, которые были отмечены каждым третьим-четвертым краснотурьинцем), так ими и остались в 2005 году. Однако они несколько поменяли ранговый ряд по значимости. Так, на первое место вышла проблема роста квартирной платы и платы за коммунальные услуги, опередив низкое качество медицинских услуг, распространение их платности. На третьем месте по значимости в 2003 году была проблема преступности, угроза безопасности жизни. В 2005 году она уступила место экологической ситуации. На пятом месте остаются низкие заработки, доходы, трудности с дополнительным заработком. Шестое место в ранговом ряду проблем занимает низкое качество образовательных услуг, распространение их платности (в 2003 году – наркомания и алкоголизм). Замыкают ряд наиболее острых жилищно-бытовые проблемы.

Невнимание властных структур к интересам горожан респонденты фактически отнесли к медианным проблемам (их острота отмечена 15–25% краснотурьинцев). Место данной проблемы в ранговом ряду за годы мониторинга не изменилось (восьмое), но доля респондентов, отмечающих ее остроту, значительно (в 1,4 раза) сократилась. Она перестала быть доминирующей, приоритетной, что несомненно является положительным моментом. Спокойная обстановка,

доверительное отношение горожан к муниципальной власти косвенно подтверждается ответами на вопрос «Ощущаете ли Вы себя счастливыми?». В 70% случаев респонденты ответили на этот вопрос утвердительно⁷.

К медианным проблемам горожане отнесли в 2005 году неразвитость сферы культуры и досуга; несвоевременную выплату заработной платы, пособий и пенсий; безработицу, ограниченные возможности трудоустройства и неустойчивость финансово-экономического положения предприятий. Здесь хотелось бы отметить еще один положительный момент: безработица и ограниченные возможности трудоустройства волнуют в 2005 году значительно меньшее число респондентов (в 1,7 раза). Однако за два года – и это тревожный сигнал и для администрации города, и для руководителей ряда предприятий – серьезно стала волновать респондентов (в три раза сильнее, хотя и в 2005 году это лишь каждый седьмой участник опроса из числа работающих и каждый пятый – из числа пенсионеров) проблема несвоевременной выплаты заработной платы, пособий и пенсий.

Периферийными проблемами (в наименьшей степени артикулированными респондентами) стали в 2005 году наркомания и алкоголизм, а также межнациональные отношения.

Проблема наркомании и алкоголизма за годы мониторинга не только перестала быть наиболее острой, но и существенно (в 7,6 раза) снизилась доля респондентов, отметивших ее остроту.

Проблема межнациональных отношений не являлась сколько-нибудь острой все последние годы, несмотря на то что исторически Краснотурьинск был многонациональным городом, да и сегодня 10% его населения – представители других (не русской) наций (немцы, татары и др.). Нормальные межнациональные отношения – традиционная характеристика социально-нравственного климата в городе.

Ответы респондентов во многом отразили ориентацию муниципальной социальной политики в Краснотурьинске на поддержание и развитие определенного социального статуса людей; на их социальное развитие, реализацию творческого потенциала; на создание политико-правовых, организационных и социально-экономических условий и гарантий для самореализации личности и развития общественных объединений, движений и инициатив. Главе города приходится решать вопросы и предъявлять особые требования к координации работы органов власти и организаций, занимающихся социальными проблемами горожан, и создавать определенное ресурсное обеспечение условий и гарантий социальной защищенности населения, учитывая потребности, интересы и ценностные ориентации населения города, добываясь одновременно целостности и дифференцированности адресной социальной политики. Качественной характеристикой социальной политики местной власти является координация усилий в области государственной социальной политики всех заинтересованных организаций государственного, муниципального и общественного типов. В практику работы широко входят методы перспективного планирования и прогнозирования, программно-целевого управления в социальной политике, учет мнений горожан о социальных проблемах города и предприятий.

Муниципальная власть Краснотурьинска не ограничивается фиксацией проблем горожан, а пытается найти пути их решения и способы смягчения социальной напряженности, оптимизации социальной защиты населения.

Особо выделяется по результатам опроса снижение остроты проблемы преступности, угрозы безопасности жизни (почти в 1,5 раза, хотя и в 2005 году ее отметили два из каждых пяти респондентов). Очевидно, что власти поработали в данном направлении. За два прошедших года вопрос взаимодействия местной власти с городским отделом внутренних дел дважды выносился на рассмотрение правительства области, проведены кадровые перестановки. Результат, очевидно, жители города оценили, что и показал опрос.

Характерны, например, позитивные изменения в сфере здравоохранения, где воплощаются в жизнь программы социально-экономического развития «Охрана здоровья матери и ребенка», «Обеспечение инфекционной безопасности донорской крови и развитие донорства крови и ее компонентов», «Противодействие злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту», осуществляется выявление ранних стадий туберкулеза и т. п. Важным шагом в деле охраны здоровья краснотурьинцев стали реконструкции лечебных учреждений, оснащение новым медицинским оборудованием, привлечение врачей в лечебные учреждения с предоставлением им квартир. Проводится динамическое наблюдение за состоянием здоровья отдельных категорий граждан, имеющих право на получение набора социальных услуг, и диспансеризация неработающих пенсионеров и лиц с хроническими заболеваниями. Опрос отмечает некоторое снижение остроты проблемы в восприятии жителей города.

Важнейшая позитивная черта муниципальной социальной политики в Краснотурьинске – активное участие в ней предприятий и предпринимателей города. Руководители большинства предприятий (особенно градообразующего) показывают пример реализации концепции корпоративно-социальной ответственности. В их работе выделяются следующие направления социальной политики: формирование доходной части бюджета города; строительство объектов недвижимости; улучшение экологической обстановки в городе; благотворительная деятельность; участие в местных органах власти представителей предприятий, учреждений, организаций. Политика их участия в жизни города включает в себя не только традиционную материальную и финансовую помощь, выделяемую из прибыли предприятий. В нее входит и участие работников предприятий в оказании поддержки городскому сообществу, активное вовлечение работников в обсуждение важных вопросов территории, участие предприятий в привлечении средств других благотворителей для совместных социальных проектов. Сложилась многолетняя традиция шефства над социально значимыми объектами. Многие предприятия и предприниматели благоустраивают подшефные им детские площадки и дошкольные образовательные учреждения.

Главное в социальной политике города – воспитание любви жителей к родному городу. С точки зрения анализа социального самочувствия важнейшим

является вопрос о степени удовлетворенности населения города решением социальных проблем.

Таблица 2. «Удовлетворены ли Вы решением социальных проблем в городе?», в % от числа опрошенных

Варианты ответов	2003 г.	2005 г.
Да	6	7
Не очень	42	39
Нет	29	32
Затрудняюсь ответить	23	22

Заметно, что за два года особых изменений в настроениях респондентов не произошло. В чем же проблема? Казалось бы, власти города стараются решить и решают наиболее «острые» вопросы. Жители города, отвечая на вопросы, говорят об улучшении жизни в целом и о хорошем своем настроении, своей любви к городу. Сравнивая среднюю заработную плату работающего горожанина в 2003 и 2005 годах (7,2 тыс. рублей и 10,3 тыс. рублей), число официально признанных безработными горожан (1749 человек и 820 человек), нельзя сказать, что уровень жизни населения снижается. Скорее, наоборот⁸. Социальные потребности являются выражением объективных закономерностей развития тех или иных сфер жизнедеятельности человека и общества. Условия, окружающие человека, порождают потребности и создают возможности для их удовлетворения. Очевидно, что горожане, находясь в достаточно комфортных условиях, ожидают постоянного улучшения своего социального самочувствия, считая, что местная власть обязана делать для этого все возможное. Но, фиксируя свои социальные потребности, жители города должны осознавать реальные возможности их реализации местной властью. Вот здесь, очевидно, местная власть и недорабатывает.

Формирование системы социальной политики предполагает поиск механизмов оптимального распределения ответственности между ее основными субъектами. Социальная ответственность должна проявляться и жителями города. В современных условиях население должно и вполне может стать полноценным субъектом социальной политики. Правда, и тут мы вполне согласны с мнением М. К. Горшкова, утверждающего, что «нельзя целиком переводить ответственность за благосостояние на плечи индивида. Одна из главных задач социальной политики на современном этапе – создать трамплин для собственной ответственности»⁹.

Муниципальной власти предстоит поработать в направлении выработки стимулов, которые бы привлекали отдельных граждан, семьи, общественный и частный сектор к активному участию в реализации социальной политики. Для этого требуется продуманная, взвешенная социальная политика, качественно разнообразные элементы управления, связь между жителями города и муниципальной властью. Исторически сложившаяся система управления в Краснотурыинске учи-

тывает многообразие всех факторов. Управленческие распоряжения конкретизируются с учетом специфики города. В расчет принимаются инициативы граждан, население может участвовать в осуществлении местного самоуправления в форме правотворческой инициативы, территориального общественного самоуправления, проведения публичных слушаний, собраний граждан, конференций граждан (собраний делегатов), участия в опросе граждан, индивидуальных и коллективных обращений в органы местного самоуправления, а также благодаря возможности ознакомления с правовыми актами органов местного самоуправления, непосредственно затрагивающими их права и свободы¹⁰.

Многие потребности люди могут и должны удовлетворять самостоятельно, а местной власти с помощью проводимой социальной политики следует создавать для этого благоприятные условия, выстраивать диалог со всеми заинтересованными сторонами во имя улучшения социально-экономического положения и уровня жизни людей на территории. Но это требует и активного участия жителей города в обсуждении и решении городских проблем. Каково же это участие, как оно изменилось за годы мониторинга?

Таблица 3. Участие жителей в обсуждении и решении городских проблем, в % от числа опрошенных

Варианты ответов респондентов	2003 г.	2005 г.
Да	35	24
Нет	51	56
Нет, решение городских проблем – это дело не горожан, а городских властей	14	20

Из таблицы 3 видно, что краснотурьинцы не принимают массового участия в обсуждении и решении городских проблем. Более того, ситуация за два года даже несколько ухудшилась. Население все более возлагает бремя решения социальных проблем на местную власть. Хорошо, если это оценка уровня доверия к власти. Однако руководители города должны понимать, что необходимо повышать уровень социальной активности горожан, изживать потребительское отношение к власти. А такое отношение четко прослеживается в ответах респондентов. Каждый седьмой респондент в 2003 году высказался следующим образом: «Решение городских проблем – это дело не горожан, а городских властей». В 2005 году так ответил каждый пятый. Хотя необходимо отметить, что достаточно большое количество горожан – каждый третий в 2003 году и каждый четвертый в 2005 году – все-таки принимали участие в обсуждении и решении городских проблем.

Изменить ситуацию можно, лишь осознав существующее положение. Уже само привлечение социологов властными структурами к анализу конкретных социальных проблем, выработке и реализации социальных программ, принятие управленческих решений на основе их рекомендаций заслуживает одобрения. На основании результатов эмпирического социологического исследования городская

власть может сделать выводы об эффективности своей деятельности и спланировать свою работу так, чтобы повышалась удовлетворенность жителей города своим социальным положением. В ближайших планах местных властей: выполнение мероприятий, направленных на реализацию приоритетных национальных проектов; обеспечение роста объемов жилищного строительства; увеличение объемов ипотечного кредитования и привлечение хозяйствующих субъектов к субсидированию получателей ипотечных кредитов; проведение работ по реконструкции и модернизации жилищно-коммунального комплекса с привлечением долгосрочных инвестиционных ресурсов; дальнейшее динамичное развитие социальной сферы; благоустройство города и поселков, дворовых территорий с активным привлечением населения¹¹.

¹ См.: Горшков М. К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социс. 2006. № 12. С. 3–4.

² В статье используются материалы двух этапов мониторинга социального самочувствия жителей Красноуральска (2003 и 2005 гг.), осуществленного социологами УГТУ-УПИ. Автор активно участвовала в подготовке, проведении и обобщении результатов первого этапа мониторинга и самостоятельно провела второй этап. Опрос охватил жителей города Красноуральска, работающих на градообразующем предприятии, работников бюджетной сферы, работников основных промышленных предприятий, пенсионеров, учащихся девятых и одиннадцатых классов школ города и поселков, профессионального лицея, медицинского училища, студентов колледжа и филиала УГТУ-УПИ. На основе квотной, гнездовой, случайной выборки в 2003 г. было опрошено 2099 респондентов (3%-ная выборка): учащихся и студентов – 18%, пенсионеров – 20%, работающих – 62% (работники градообразующего предприятия «БАЗ-филиал СУАЛ» – 34%); в 2005 г. было опрошено 1883 респондента (3%-ная выборка): учащихся и студентов – 21%, пенсионеров (в том числе работающих) – 28%, работающих – 51% (работники градообразующего предприятия – 30%). Репрезентативность выборки определяется представленностью в ней основных социально-демографических характеристик по каждой из групп. Это позволило провести качественный анализ полученной информации по различным уровням социальной стратификации и предположить, что выявленное социальное самочувствие жителей среднего уральского индустриального города достоверно отражает настроения жителей Красноуральска в целом. В качестве инструмента исследования использовались «Анкета работника», «Анкета учащегося», «Анкета пенсионера», построенные по модульному принципу. Материалы первого этапа мониторинга опубликованы (см.: Социальное самочувствие жителей среднего индустриального уральского города. Екатеринбург; Красноуральск, 2003); материалы второго этапа готовятся к публикации. В статье используются и материалы опроса жителей Красноуральска, проведенного социологами УрАГСа (см.: О климате моральном среди нас // Заря Урала. 2005. 26 ноября).

³ См.: О климате моральном среди нас.

⁴ В городе достаточно широкая сеть учреждений культуры, спортивных и оздоровительных учреждений, сформирована уникальная система образования. В образовательных учреждениях обучаются более 21 тыс. человек. Юное поколение приобретает знания, занимается творчеством, учится музыке, танцам и рисованию в специальных школах, получает среднее, среднее профессиональное и высшее образование, профессию в родном городе. Социальная политика города ориентирована так, чтобы молодое поколение горожан после получения образования вливалось в трудовые коллективы и продолжало дело и традиции своих отцов, бережно сохраняя своеобразие Красноуральска.

⁵ Социально-психологическое самочувствие учителя: время перемен / Отв. ред. Л. Я. Рубина. Свердловск, 1990. С. 3.

⁶ См.: Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социс. 2000. № 12. С. 51.

⁷ См.: О климате моральном среди нас.

⁸ Данные «Паспорта города Красноуральска» за 2003 и 2005 гг.

⁹ Горшков М. К. Указ. соч. С. 4.

¹⁰ Устав городского округа «Красноуральск».

¹¹ См.: Отчет о социально-экономическом развитии города Красноуральска за 2005 г. // Заря Урала. 2006. 2 мая.

О. С. Хоробрых

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РОСТЕ ЛИЧНОСТИ

Различие между мужчинами и женщинами является наиболее фундаментальным биологическим различием между представителями *Homo sapiens*. Условиям первобытного общества отвечали определенные гендерные роли, требовавшие от мужчины качеств, необходимых охотнику и воину (смелости, агрессивности, готовности к риску, склонности к лидерству, быстроты и решительности в принятии решений), а от женщин – качеств, необходимых для воспитания потомства (мягкости, способности к сопереживанию, заботливости). Именно такие качества, согласно социологическим опросам, считаются в большей степени свойственными мужчинам и женщинам.

Историческое развитие поддерживало доминирование мужчин. Мир жил и до сих пор продолжает жить по «мужским законам» – законам войны. Заратустра говорил: «Настоящий мужчина хочет двух вещей: опасности и игры»¹.

Женщинам, чтобы достигнуть успеха в сферах, в наибольшей степени определяющих современное развитие общество (политика, бизнес, управление в гражданской и военной сфере), приходится отказываться от свойственных им качеств и играть по мужским правилам.

К гендерной проблеме можно подойти не с позиции сравнения женщин и мужчин, а с позиции сосуществования и конкуренции женского и мужского начала в человеке, восходящей к даосизму, в котором полярные категории инь и ян являются фундаментальными. При этом еще Лао-цзы сетовал на то, что люди больше ценят ян (мужское, доминирующее, твердое) и пренебрегают инь (женским, податливым, мягким), и связывал инь и с жизнью, а ян со смертью². Едва ли можно сомневаться в том, что именно женское начало человечеству сейчас более необходимо, чем мужское; даже такое качество, как агрессия, имеет две формы: мужскую, направленную на экспансию, завоевание дополнительного пространства, и женскую, направленную на защиту своего потомства.

В последнее время в социологических исследованиях особое внимание уделяется гендерным аспектам построения карьеры. Основные гендерные стереотипы, касающиеся построения карьеры, связаны с полоролевой социализацией, социальными стереотипами, устройством социума, что отражается в известном изречении: «Для женщин путь к управленческой карьере связан с преодолением многочисленных препятствий, а для мужчин – с реализацией многочисленных возможностей».

Социологические исследования показали, что женщины не меньше мужчин заинтересованы в продвижении по службе и повышении своего образовательного уровня; не меньше ориентируются на престиж, заработную плату; обладают

не меньшим чувством ответственности. Осуществлению женской карьеры объективно мешает естественная биологическая роль женщины, связанная с необходимостью совмещения служебных, супружеских и родительских функций. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что женщины, которым удается сделать карьеру и добиться руководящей должности, как правило остаются одинокими и испытывают сильное физическое и психическое напряжение и чувство вины.

Карьеризм рассматривается в основном как поведение отдельных лиц, вне связи с его последствиями для социальной (в том числе служебной) жизни, возникающими как в процессе карьеристского движения, так и при исполнении карьеристами должностей.

До недавнего времени в России понятие «карьерера» и «карьеризм» относились к одному основанию, признаваемому социально негативным. Это отношение формировалось догмой социального равенства. «Делать карьеру» – осознанно стремиться к возвышению над другими людьми, причем исключительно с целью получения личных преимуществ в процессе управляемого государством распределения социальных благ. Такая трактовка карьеры действительно отождествляла ее с представлением о карьеризме. Вместе с тем происходящий в России переход к рыночным отношениям в экономике явно реабилитирует отношение к карьере в общественном сознании. Таким образом, карьера получила открытое социальное признание, но одновременно оказалась «заглушенной» моральная оценка карьеризма. Произошла своего рода метаморфоза: если в дореформенном периоде имморализм карьеризма переносился на отношение к карьере, то сегодня реабилитация карьеры маскирует карьеризм. Для разведения столь тесно связанных между собой понятий необходимо остановиться на сущности этих явлений.

Карьера является процессом успешной реализации задатковых способностей индивидов в конкретных видах трудовой деятельности, позволяющим обеспечить более полную самореализацию и самоутверждение в результате повышения социального статуса. Карьеру могут сделать люди, обладающие не только особыми талантами в каком-то конкретном виде деятельности, но и необходимой внутренней энергией, побуждающей человека добиваться более высокого положения по сравнению с окружающими. Потребность достижения высокого социального положения обычно заложена от природы. Социальные условия в той или иной степени создают реальные возможности для ее реализации. При этом нередко наблюдается такое положение, когда человек только благодаря желанию занять высокое положение в обществе делает успешную карьеру, не обладая особыми задатковыми способностями в определенной профессиональной сфере. Карьера делается на основе умения управлять людьми, не требующего специального образования. Этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие каких-либо природных оснований для различия карьерных устремлений мужчин и женщин. Они могут определяться наличием реальных возможностей для женщины достигнуть желаемого социального статуса, регулируя реализацию традиционных женских ролей жены, матери. Практика показывает, что не всем женщинам удается реализовать свою потребность в успешной карьере.

Потенциал человека – это способ его деятельности, компонентный состав которого образуют способности, знания, умения и практический опыт. Раскрытие этого потенциала происходит при занятии человеком такого места в социальной жизни, на котором его способ деятельности представляет ценность для определенной социальной системы. В результате сопряжения частного интереса с общим система создает условия для реализации деятелем его потенциала.

При достаточной жизненной силе человек, развивший свой способ деятельности сверх предела необходимости для системы в данной функциональной ячейке, ищет возможности перемещения в положение, которое обеспечило бы ему дальнейшую самореализацию. И так до истощения способностей развития индивида, что означает завершение его социального становления и, соответственно, окончание карьеры. Движение человека в жизненном пространстве имеет объективные основания. Во-первых, человеку, как и всему живому, свойственна экспансивность, то есть стремление к расширению и освоению жизненной среды, что необходимо для укрепления собственной и видовой жизнеспособности. Во-вторых, достижение индивидом определенного, удовлетворяющего его в данный момент положения не гарантирует ему устойчивой жизнедеятельности в связи с непрерывными усложняющимися изменениями в ее среде. Это побуждает человека к столь же непрерывному приведению своего способа деятельности в соответствие с новыми условиями и к обеспечению жизненной экономии за счет достижения более продуктивных для него статусов и освоения соответствующих ролей. В-третьих, общество как развивающийся социальный организм отбирает деятелей, которые, продвигаясь в своей продуктивности, становятся субъектами социального становления и развития. Этот отбор осуществляется в многослойном, иерархически выстроенном социальном пространстве.

Чем выше расположен социальный слой, тем более широкие возможности предоставляются включенным в него людям в доступе к жизненно важным для них ресурсам (информационным, материальным, финансовым и др.) и, соответственно, более благоприятные условия реализации жизненных программ. Таковы общие основания процесса, определяемого как социальная карьера, которая представляет собой объективно обусловленное продвижение человека в собственном жизнеустройстве, основанное на совершенствовании его способа деятельности, востребуемого социальной системой в процессе ее развивающегося функционирования.

Служебная карьера осуществляется в структурном пространстве органов управления. Ее значение усматривается в двух взаимосвязанных аспектах:

1) карьера, базирующаяся на совершенствовании способа деятельности служащего и адекватном служебно-статусном вознаграждении результатов этого процесса, является мощным фактором раскрытия потенциала сотрудника, его самореализации и продвижения в векторе возрастания профессиональной и жизненной удовлетворенности;

2) карьерный процесс обеспечивает поточную сменяемость служащих на иерархических уровнях организации, связанную с качественным обновлением поколений кадрового состава.

Нами были опрошены государственные служащие в сфере высшего профессионального образования Свердловской области. Карьерный рост измерялся с помощью следующих показателей: изменение своего должностного положения, представление о способах его реализации, оценка тех факторов, которые побуждают человека занять более высокое положение по службе. Исследование показало, что собственный план развития карьеры имеют 25% опрошенных, при этом среди них 65% – мужчины, 35% – женщины. Причина таких расхождений заключается в том, что во-первых, не все респонденты имеют четкое представление о возможностях занятия более высокой должности. Среди опрошенных женщин большинство ясно представляют, что преимущества при назначении начальником чаще всего отдается мужчине. Признавая высокую роль традиций, в системе назначения на руководящую должность они ориентируются на то, что им удастся продемонстрировать наличие более высокого профессионализма в работе. Этот фактор, по мнению 40% опрошенных, может сыграть позитивную роль при рассмотрении кандидатуры женщины на занятие руководящей должности. Опрошенные мужчины не указывали, что женщины могут быть их соперниками в получении более высокой должности. Для них тоже трудовая активность является важным условием для занятия более высокого статуса в организации. Однако они считают, что сам карьерный рост во многом определяется ситуацией, связанной либо с реорганизацией той структуры, в которой они работают, либо неожиданным освобождением более высокой должности. В ходе исследования нами предпринята попытка выяснить мнение о различных путях продвижения по карьерной лестнице. Мужчины заявляли, что важным условием являются хорошие отношения с вышестоящим руководителем, вплоть до наличия дружеских связей. Если руководитель будет считать работника «своим человеком», то у него больше шансов для продвижения по карьерной лестнице. Дружеские связи нередко включают готовность к различным видам неформальных связей, в том числе к встречам вне работы в неформальной обстановке, не исключающим и распития спиртных напитков.

Женщины заявляли о том, что карьерный рост, по их мнению, можно обеспечить не только высоким профессионализмом, но и умением продемонстрировать собственную позицию при обсуждении и решении сложных вопросов. По мнению 30% опрошенных, мужчинам-руководителям нравится наличие собственной позиции у женщины при обсуждении профессиональных проблем. Более 60% признали тот факт, что нередко карьерный рост женщины определяется установлением «близких отношений» с руководителем. По их мнению, такие связи не являются обязательными, но часть известных им женщин-руководительниц добились более высокого положения благодаря интимным связям с руководителем. 56% опрошенных заявили о том, что женщина может достигнуть более высокого статусного положения тогда, когда она овладеет «мужскими» способами управления людьми. Под этим термином подразумевалось умение употребить жесткость в общении с подчиненными, вплоть до использования в ряде случаев нецензурной лексики. Важным условием является умение работать по многу часов до тех пор, пока не

решена конкретная производственная проблема. Семья, дети должны быть отодвинуты на второе место. Следовательно, женщине для успешной карьеры нужно иметь близких людей, которые примут на себя традиционно женские обязанности в быту и воспитании детей. Однако такая ситуация не приводит к тому, что женщины, ориентированные на карьеру, ограничивают свои амбиции. В современных условиях карьерный рост определяется в большей степени не гендерными факторами, а наличием у отдельных людей (независимо от их пола) потребности в достижении высокого социального положения.

¹ Нище неизвестный и неожиданный. Симферополь, 1998. С. 103.

² Великие мыслители Востока. М., 1999. С. 17.

М. Е. Базунова

ПРЕДПРИИМЧИВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ХАРАКТЕРИСТИКИ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Предприимчивое поведение – это поведение личности, характеризующееся способностью преодолевать принудительные обстоятельства, достигать конкретных целей в хозяйственной или иных сферах общественной жизни за счет некоей системы поступков (поведения), обусловленных такими качествами личности, как инициатива, изобретательность, самостоятельность, нестандартность решений, способность рисковать и нести ответственность за результаты.

Предприимчивая личность обладает следующими качествами, которые в совокупности определяют особенности ее поведения:

– деловитость представляет собой форму проявления собственно деловых качеств (компетентности, организаторских способностей и т. п.). Предприимчивое поведение непременно предполагает оригинальность подхода к ситуации, базируется на творческом, свободном от стереотипов и предвзятости осмыслении. В то же время предприимчивость без деловитости может оказаться «дурной активностью», а деловитость без предприимчивости ведет к стагнации;

– инициативу принято воспринимать как действие, обращенное к некоторому конкретному объекту и ограниченное по масштабам, преследующее некие локальные интересы. Что касается предприимчивого поведения, то оно отличается глубиной подхода к оценке и реализации ситуации, причем традиционно это понятие принято соотносить с решением сравнительно более значимых задач. Инициативу

представляют как следствие предприимчивости. Таким образом, предприимчивость выступает в качестве генератора инициатив;

– риск, ибо предприимчивое поведение немислимо без мужества, оно неизбежно сопряжено с необходимостью постоянной ломки стереотипов. Риск – это инициативное, если угодно, дерзкое решение нетривиальной задачи, основанное на расчете соотношения возможных потерь и приобретений и на вере в то, что люди захотят и сумеют его реализовать. Как зарубежный, так и отечественный опыт дает основание утверждать, что предприимчивость сопряжена с риском, который состоит в умении действовать скорее в соответствии с определенными принципами, нежели по предписаниям;

– интуиция, так как в принятии решений, сопряженных с риском, она играет определенную роль. Особенно важна интуиция в условиях острого недостатка информации, когда возникает потребность в поиске решений вне рамок традиционных приемов познания и при отсутствии возможности проникновения в суть и достоверной оценки подлежащей решению ситуации.

Включение интуиции в качестве предприимчивого поведения может показаться несовместимым с требованиями точности экономического расчета. Но следует подчеркнуть, что в обстановке постоянного изменения конъюнктуры потребность в принятии решения при недостатке информации возрастает. И тогда воспользоваться подсказкой интуиции не только позволительно, но и обязательно.

Предприимчивость как тип поведения формируется в процессе жизнедеятельности и может проявляться в форме предпринимательской деятельности. Успех предпринимателя зачастую зависит от уровня его предприимчивости и развитости выше перечисленных качеств.

В последние годы среди российских работников (и, в частности, бизнесменов) наблюдается усиление внутренней детерминации предпринимательского поведения, которое возникает в ситуации диктата внешних обстоятельств. Существует несколько подходов к пониманию механизмов формирования предприимчивого поведения.

Первый подход фиксирует внимание на культурных истоках формирования предприимчивости и выделяет традиционные и рациональные способы регулирования поведения¹.

Традиционные способы регулируют взаимоотношения людей через передачу знаний, ценностей, норм и образцов от поколения к поколению в устной форме, в виде обычаев и традиций.

Рациональные – связаны с разработкой идеальной модели ценностей и норм на уровне государства, их распространением с помощью различных предметов культуры и фиксацией в общественном сознании.

Второй подход рассматривает предприимчивое поведение в русле экономического детерминизма и отмечает наличие «вынужденных истоков», которые связаны либо с государственной политикой, либо с уровнем культуры и образованием. В данном понимании предприимчивое поведение является способом приспособления, заключающимся в способности к изменению поведения согласно

требованиям внешних обстоятельств. Такими внешними обстоятельствами могут быть тяжелое материальное положение семьи (микроуровень), общая нестабильная социально-экономическая ситуация в стране и др.

Третий подход рассматривает предприимчивое поведение исходя из основных акцентуированных черт личности². Из десяти типов акцентуаций, выделенных К. Леонгардом, предприимчивое поведение наиболее присуще гипертимному типу личности, главная особенность которого заключается в повышенном фоне настроения, сочетаемом с жадной деятельностью, в оптимизме, инициативности и высокой активности. То есть существует особый склад характера, который располагает к формированию предприимчивого поведения.

Четвертый подход рассматривает феномен предприимчивости с точки зрения М. Вебера, изложенной им в книге «Протестантская этика и дух капитализма»³.

Вебер говорит о существовании связи между религиозным регламентом жизни и интенсивностью развития деловых способностей и предприимчивости. Его теорию можно экстраполировать на русских купцов-старообрядцев, носителей предприимчивого поведения. Коммерческий успех купцов зачастую объяснялся религиозным благочестием. Поэтому народные массы хорошо относились к богатым людям, которые творили добрые дела и тем самым как бы оправдывали свое владение богатством. Христианство порицало лень и одобряло трудолюбие. Человек, владеющий богатством, должен был постоянно совершать благодеяния, помогать обездоленным, как бы прося у Бога прощения за владение богатством.

Применить данный подход к современным предпринимателям достаточно сложно. За годы советской власти культура ведения дела, формировавшаяся веками, была разрушена или приняла неприемлемые формы. Насаждавшийся атеизм завершил этот разрушительный процесс. Сегодня наши предприниматели, с одной стороны, хотят походить на западных бизнесменов, с другой стороны, копируют во многом (и далеко не лучшим) русских купцов. Такое положение заставляет предполагать, что в перспективе предпринимательство и предприимчивость могут развиваться в разных направлениях, приобрести разный культурный набор черт: «прозападный», «просоветский» или «прорусский».

Существует еще одна точка зрения, которую вполне можно назвать пятым подходом. Согласно ей, предприимчивое поведение является ответом на долгий запрет легальной деловой активности. Отмечается, что предприимчивыми людьми, предпринимателями движет жажда мести, страх, ненависть по отношению к советскому времени, когда предпринимательская активность жестоко наказывалась. Они мстят с помощью активной экономической позиции долгому запрету экономической свободы, то есть социализму.

Все вышерассмотренные способы регулирования деятельности и поведения людей могут развиваться самостоятельно и не влиять друг на друга, в то же время они могут взаимно коррелировать и дополнять друг друга, а в совокупности влиять на формирование такого поведения у личности.

Вышеперечисленные методологические подходы к изучению предприимчивого поведения целесообразно рассмотреть на практике, проведя прикладное

социологическое исследование, каковое и было проведено с августа по ноябрь 2005 года. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос.

Объектом исследования выступали руководители среднего и младшего звена на железнодорожном транспорте. В ходе исследования было опрошено 500 человек. Данные позволяют выявить мнение о качествах предприимчивого человека.

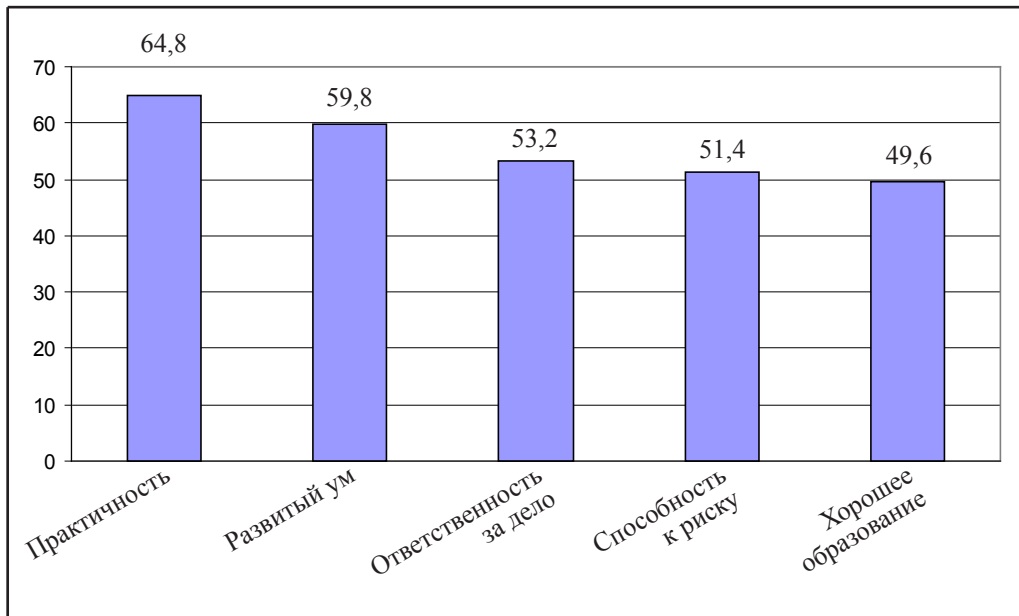

Диаграмма 1. Черты характера, наиболее свойственные предприимчивому человеку, в % от числа опрошенных

Опрошенные респонденты более всего склонны видеть предприимчивого человека практичным, каковое качество все больше становится стилем жизни, способом выживания. К практичности призывают с экранов телевизоров, обучают в школе и на предприятии.

На втором месте стоит такая черта, как развитый ум. Развитый ум связан с практичностью. Трудно проявить практичность, не будучи умным, скорее даже сметливым человеком.

Ответственность за дело прямо перекликается с определением предприимчивого поведения. Предприимчивый человек, затеявая, предпринимая что-либо, ответственен за содеянное и за вовлеченных в новое дело людей.

Респонденты склонны видеть предприимчивого человека способным к риску (51,4% ответивших). Способность к риску подразумевает авантюризм. Практичность же – поступок взвешенный, «просчитанный», конечная цель которого – максимум выгоды и пользы при минимуме затрат и риска. Возможно, не все респонденты четко понимают сущность термина «практичность».

На пятом месте стоит хорошее образование. Возможность получения хорошего образования есть сегодня далеко не у всех из-за трудности поступления на

бюджетную форму обучения. Те люди, которым все же удалось получить хорошее, востребованное образование, безусловно, выделяются на общем фоне. Образование является лифтом социальной мобильности, способом изменить свою жизнь в лучшую сторону.

Среди значимых черт и качеств предприимчивого человека опрошенные отметили такие, как «беспринципность» (6% ответивших), «использование незаконных методов в своей деятельности» (7,4%), «умение кривить душой» (2,6%). Небольшие доли таких ответов говорят о том, что респонденты склонны позитивно оценивать предприимчивого человека.

Интересно отметить, что качество «стремление стать богатым» стоит только на седьмом месте (26,6% ответивших). Исследование показало, что в массовом сознании предприимчивое поведение не всегда отождествляется с богатством.

Одной из главных задач исследования было изучение механизмов формирования предприимчивого поведения, закрепленных в массовом сознании.

На первом месте среди механизмов формирования предприимчивого поведения стоит его проявление под воздействием тяжелых жизненных обстоятельств (более чем у трети опрошенных). Пословица «хочешь жить – умей вертеться» довольно точно отражает характер их предприимчивости. Предприимчивость у большинства россиян проявляется спонтанно, в преодолении вынужденной ситуации.

На втором месте – полученное образование. Действительно, по окончании вуза у многих открываются новые перспективы и возможности карьерного роста и повышения заработной платы. Повышение в должности, как правило, сопровождается большей свободой действий в принимаемых решениях. Более того, сегодня в образовательный комплекс большинства вузов включены дисциплины экономического цикла, что, скорее всего, влияет на формирование предприимчивости, деловую культуру и бизнес-грамотность.

Среди механизмов освоения предприимчивого поведения далее указывается такая причина, как «перенял такой стиль поведения у окружающих» (11,2% опрошенных). Под окружающими обычно подразумеваются друзья, коллеги, родственники, СМИ. Действительно, предприимчивости можно научиться, наблюдая за поведением других людей. У детей можно «воспитать» предприимчивое поведение личным примером, определенным образованием. По всей видимости, люди, назвавшие такую причину, имели хороший пример для подражания.

У 12,4% опрошенных предприимчивость в процессе жизни никак не проявилась. К этой категории людей относятся те, кто не считает себя предприимчивым и не хотел бы обладать этим качеством.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в большей степени проявлению предприимчивого поведения способствуют неблагоприятные жизненные обстоятельства, которые вынуждали людей преодолевать их, «ломать» ситуацию. Это подтверждает тезис о том, что предприимчивое поведение направлено на преодоление принудительной ситуации.

Интересно отметить, что в косвенном вопросе о формировании предприимчивого поведения вообще у респондентов на втором месте после вынужденных об-

стоятельств стоит ответ «врожденное качество». Причем люди, оценивающие себя как непредприимчивые, называют этот фактор формирования предприимчивости в полтора раза чаще, чем те, которые относят себя к предприимчивым. Аналогичная ситуация с таким фактором формирования предприимчивости как «прививается и воспитывается в семье», который стоит на третьем месте (29,6% опрошенных). Предприимчивые называют этот фактор в полтора раза чаще, чем непредприимчивые. К предприимчивым себя относят в основном молодежь и люди среднего возраста. Получается, что взрослые пытаются объяснить, оправдать собственную непредприимчивость. Они как бы говорят: «С чего же мне быть предприимчивым, если в моей семье это не принято, если в семье мне с детства прививали совсем другие идеалы и образцы поведения?» Молодежь в меньшей степени, по сравнению с другими возрастными категориями, разделяет это мнение. Она видит, как перестраивается окружающая жизнь, трансформируются многие ценности, как непредприимчивым родителям приходится «подстраиваться» под современные условия и во многом меняться. Таким образом, выяснилось, что большинство респондентов согласилось с тем, что предприимчивость – поведение, сформированное в процессе жизни, под воздействием внешних, вынужденных обстоятельств.

¹ Дискин И. Е. Социокультурный базис перестройки. М., 1992. С. 47.

² Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981. С. 61

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 57.

А. В. Бехтерев

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ЛИДЕРСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ

Интеграция России в мировую экономику, формирование и функционирование рыночных хозяйственных субъектов как открытых систем, гибкое сочетание методов государственного управления и рыночного регулирования, освоение эффективных практик управления характеризуют новую парадигму управления на современных российских предприятиях.

Трансформации современного российского общества, развитие рыночной экономики предъявляют особые требования к человеку как субъекту производственного процесса, открывают новые перспективы управления на предприятиях России. В общественном сознании происходит поворот в понимании

значения работника: от навязывания ему роли безличного винтика производства до признания субъектной, акторской природы человека в хозяйственной деятельности.

Особое внимание уделяется менеджерам – качественно новой социальной группе в пространстве российской экономики. Экономическая составляющая производственной деятельности напрямую зависит от того, насколько эффективно в практике управленческой деятельности реализуется весь лидерский потенциал работников, мобилизуются все их творческие возможности и способности создавать и внедрять инновационные решения.

Актуальность изучения лидерства как социального явления и процесса определяется прежде всего тем, что последнее представляет собой один из наиболее значимых факторов групповой интеграции, способствующих достижению групповых целей с наибольшим эффектом.

Как много вопросов в нашей стране решается через преодоление неизжитых бюрократических проволочек, исходящих из засевших в головах работников стереотипов типа «если обо мне не позаботились и не поставили определенную задачу, значит, и не нужно мне ее придумывать», «если такого нет в должностной инструкции – значит, так тому и быть и меня это не касается» и «вообще, незачем выделяться лишний раз из толпы!» Организации, живущие по принципу «куда пастух (то есть руководитель) – туда и стадо (то есть весь остальной трудовой коллектив)», неизбежно теряют свои позиции на постоянно меняющемся рынке и вообще рискуют «кануть в Лету». Выживают и развиваются сильнейшие – те, в которых чувствуется постоянный приток новых мыслей, идей и где есть работники, способные осуществить самые смелые мечты.

В результате обозначились явные противоречия между необходимостью реализации своего лидерского потенциала у наиболее активной прослойки работников и отсутствием самой возможности претворить эти замыслы в практике своей организации из-за отсутствия механизмов делегирования полномочий или стереотипов высшего руководства компании; между попытками запустить такие механизмы со стороны руководства и тем, что можно назвать вялотекущим саботажем со стороны «непродвинутого» коллектива, не желающего брать на себя дополнительную ответственность.

В этом контексте подобные теоретические рассуждения хорошо было бы проверить на практике. В апреле – июне 2006 года автором этой статьи было проведено социологическое исследование, посвященное изучению проблем лидерства в организациях с различной формой собственности города Екатеринбурга. В ходе основного исследования – анкетирования специалистов – было опрошено 500 человек. Респондентам была предложена анкета, позволяющая оценить их отношение к лидерству и лидерам в современной организации и с этой точки зрения оценить соответствие их непосредственных руководителей и руководителей организаций ряду условий и требований, выдвигаемых к современным лидерам, а также выявить их самооценку по поводу принадлежности к лидерам.

На первый и очень важный вопрос анкеты «А нужен ли лидер в современной организации?» абсолютное большинство респондентов – 92% – ответили утвердительно, тогда как лишь 2% опрошенных высказались по этому поводу отрицательно. Эти данные наглядно свидетельствуют о понимании большинством респондентов необходимости присутствия знаковой фигуры в организации.

В то же время попытка определить наличие лидерских качеств (пусть даже и в субъективных представлениях людей) у непосредственных руководителей респондентов показала, что только 56% из них обладают навыками лидера, а у 37% эти навыки отсутствуют.

Респондентам также было предложено оценить наличие лидерских качеств у директоров, начальников, управляющих предприятий и организаций: по их мнению, 62% первых лиц обладают такими качествами, а 18% – нет. Такие данные позволяют сделать двоякий вывод. С одной стороны, работники воспринимают топ-менеджеров лидерами в большей степени, чем своих непосредственных руководителей. С другой стороны, далеко не во всех организациях (особенно в крупных и имеющих сложную структуру) работники могут адекватно оценить личность топ-менеджера. Они могут просто ни разу его не видеть и с ним не общаться.

Интересно мнение работников по поводу природы формирования лидерских качеств. Так, 34% опрошенных считают, что человек становится лидером самостоятельно, осознанно стремясь к этому; 22% – что лидерами рождаются; 14% – что лидерами становятся под влиянием внешних факторов (воспитание, давление руководства и обстоятельств); 29% – что лидерами становятся при удачном стечении всех вышеперечисленных обстоятельств. Такие данные свидетельствуют, что единого мнения о природе лидерства у людей нет. Три концепции – личностного роста, давления обстоятельств (в том числе обстоятельств рождения) и смешанной природы лидерства – набрали среди респондентов примерно одинаковое количество сторонников.

Интересна и субъективная самооценка соотношения работников предприятий и организаций с лидерами. Больше половины опрошенных (68%) относят себя к лидерам! И лишь 28% прямо говорят, что по своей природе являются скорее ведомыми. Подобные результаты, по нашему мнению, в полной мере отражают человеческий субъективизм. Причины этого кроются в массовой популяризации понятия «лидер», стремлении к самовыражению и чрезмерно завышенной самооценке.

В то же время важно разделить лидерство в организации, пусть даже и неформальное, и лидерство досуговое и бытовое. Из всех сотрудников, относящих себя к лидерам, таковыми в рамках своей организации являются 30,9% респондентов; в рамках общественной, политической или религиозной организации – 4,5%; в компании знакомых и друзей – 35,5%; в собственной семье – 29,1%. Таким образом, к организационным лидерам относят себя 120 респондентов (24%) из 500 опрошенных, то есть практически каждый четвертый.

Чтобы оценить возможность реализации лидерской составляющей работников с активной жизненной позицией, им был задан следующий вопрос: «Насколько реально для Вас реализовать свою потребность в лидерстве в рамках Вашей организации?». Вариант «Реально, было бы лишь у меня самого желание» отметили 185 «лидеров» (54,4%). Оставшиеся 45,6% респондентов выбрали варианты «если бы...», «нереально» или затруднились с ответом, то есть изначально указали на зависимость от обстоятельств, что свидетельствует о наличии препятствий к подобной реализации.

Общие выводы из полученных в ходе исследования данных таковы:

- 1) понятия «лидер» и «лидерство» прочно вошли в обиход работников российских предприятий и организаций, в то же время преобладающей идеи о природе лидерства и лидеров «в народе» не существует;
- 2) большинство работников понимают необходимость наличия ведущей фигуры (лидера) в своей организации;
- 3) каждый четвертый специалист чувствует себя лидером в своей организации, при этом почти половина работников с лидерской составляющей заявляют о значительных трудностях в реализации этой составляющей на своем предприятии;
- 4) руководители предприятий и организаций в большей степени предстают лидерами в сознании подчиненных, чем их непосредственные руководители.

Приведенные выше данные в какой-то мере подтверждают тот факт, что собственники и руководители множества предприятий еще только выходят на уровень осознания того огромного потенциала, который заложен в стремлении наиболее активной прослойки их собственных работников воплотить на практике лидерскую составляющую своей личности, привнести в окружающий мир новые нетрадиционные идеи, сплотить вокруг этих идей своих коллег и дать тем самым мощный импульс развитию любой организации или предприятия.

Медленно формируется парадигма управления, основанная на принципе делегирования полномочий сотрудникам всех уровней управленческой цепочки, создания действительно полицентрической системы управления в линейно-функциональной структуре организации с возможностью оперативного принятия решений работником, ответственным за выполнение конкретной задачи или ведение какого-либо проекта.

Г. Ф. Ромашкина,
Е. В. Андрианова

МОТИВАЦИЯ В СФЕРЕ ТРУДА: ИДЕАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ПОВЕДЕНИЕ

За последние пятнадцать лет в нашем обществе произошли существенные изменения. Согласно В. А. Ядову, выделившему четыре уровня социальных установок, в которых происходят изменения при переходе общества в новую социальную ситуацию, эти социальные установки являются важнейшими мотиваторами, побуждающими человека к определенному типу поведения. Социальные процессы, сопровождавшие переход России к развитому рынку, коснулись всех четырех уровней социальных установок. В этот период изменилась предметная ситуация, произошла смена сфер деятельности населения, что повлекло смену поведенческих стереотипов и ценностных ориентаций в обществе. Следствием этого явилось изменение отношения человека к труду и мотивации трудовой деятельности. По каким причинам человек сегодня сохраняет или изменяет место работы и профессию, какую работу он хотел бы иметь и почему, чем вызван конкретный выбор человека в сфере трудовой активности – эти вопросы требуют подробного изучения.

В соответствии с определением А. И. Леонтьева, мотивация – высшая форма регуляции психических процессов и поведенческих актов личности и социальной группы, выражающаяся в устойчивом (при относительно постоянных условиях) стремлении к удовлетворению актуальных потребностей определенным образом и выступающая движущей, побудительной силой деятельности человека. Мотивация труда – это стремление работника удовлетворить свои потребности, в том или ином благе посредством трудовой деятельности¹.

Рассмотрим, какие теоретические конструкции легли в основу современных концепций трудовой мотивации. Теории мотивации делятся на две группы: содержательные и процессуальные. Первые основаны на выявлении внутренних побуждений (потребностей). Наиболее известны здесь работы Абрахама Маслоу, Дэвида Мак-Клелланда, Фредерика Герцберга. Более современные процессуальные теории основаны на том, как ведут себя люди с учетом их познания и восприятия. Основные процессуальные теории: теория ожидания, теория справедливости и модель мотивации Портера – Лоулера. Все эти теории не являются взаимоисключающими, они дополняют друг друга и используются в процессе управления.

Одна из первых теорий мотивации была создана в сороковые годы Абрахамом Маслоу. Теория утверждала, что человек работает для того, чтобы получить вознаграждение и удовлетворить свои потребности. Он разделил все потребности на пять уровней. Первый – базовые, или физиологические, потребности, например в еде. Второй – потребность в безопасности, то есть в крыше над головой, социальных гарантиях и так далее. Третий – социальные (потребность в общении),

которые люди удовлетворяют на работе. Четвертый – уровень уважения. И пятый, высший, – уровень самореализации, когда человек делает что-либо только потому, что им изнутри что-то движет. Маслоу считал, что по мере удовлетворения определенного уровня потребностей включается более высокий. Позже Маслоу внес коррективы в теорию, уточнив, что для перехода на более высокий уровень потребностей достаточно частичного удовлетворения потребностей предыдущего уровня.

Д. С. Мак-Клеlland считал, что у человека есть три базовых мотиватора: потребность во власти, потребность включенности в социальную группу и потребность в достижениях. Мотивация достижения – мотивация деятельности, связанная с потребностью индивида добиваться успехов или избегать неудач. Исследования показали, что основные типы поведения, направленные на достижение или избегание успеха формируются как под воздействием родителей, так и под влиянием среды. Люди с высокой потребностью успеха любят ситуации, в которых они могут взять на себя личную ответственность за поиск решения проблемы, и хотят, чтобы достигнутые ими результаты поощрялись вполне конкретно. Такие люди лучше справляются с решением задач выше среднего уровня, предпочитают ситуации индивидуальных усилий, когда результат можно приписать самому себе. Противоположный тип людей ориентирован на избежание неудачи. Они предпочитают пониженную степень трудностей, которая сводит риск к минимуму, позволяя реализовать свой потенциал, избежав провалов. Такие люди готовы довольствоваться минимумом с целью сохранения уже имеющегося.

Процессуальные теории не оспаривают существование потребностей, но считают, что поведение людей определяется не только ими, но также восприятиями и ожиданиями, связанными с возможными последствиями выбранного типа поведения. Лайман Портер и Эдвард Лоулер разработали комплексную процессуальную теорию мотивации. В их модели фигурируют пять переменных: затраченные усилия, восприятия, полученные результаты, вознаграждения, степень удовлетворения. Согласно их модели, достигнутые результаты зависят от приложенных сотрудником усилий, его способности и характерных особенностей, а также от осознания им своей роли. Уровень приложенных усилий будет определяться ценностью вознаграждения и степенью уверенности в том, что этот уровень усилий действительно повлечет за собой вполне определенный уровень вознаграждения. Система социальных диспозиций, регулирует поведение личности в пограничных социальных ситуациях, а социальные установки (личностные диспозиции) являются важнейшим мотиватором, побуждающим человека к определенному типу поведения.

Данные, представленные в работе, получены на основе материалов службы государственной статистики по Тюменской области² и социологического исследования, проведенного в 2006 году в Тюменской области по методике «Социологический портрет региона», разработанной под руководством Н. И. Лапина³; объем выборки 4000 человек, репрезентирующих население Тюменской области по половозрастной структуре, ошибка выборки составила 3,5%.

Рыночные отношения в сфере труда – это данность настоящего времени. В Тюменской области структура занятых в отраслях экономики приобрела стабильность еще в 1998 году, за последующие восемь лет существенных изменений не произошло, только в сельском хозяйстве доля занятых сократилась на 4%. На фоне стабилизации отраслевой структуры занятости населения кардинально изменилась структура собственности. Доля населения, работающего в частном секторе экономики, стабильно растет, и за период с 1998 по 2004 год выросла на 12%, тогда как доля занятых на предприятиях смешанной формы собственности упала на 9%, а на муниципальных предприятиях – на 4%.

Насколько изменение структуры собственности предприятий, на которых работает занятое население, отразилось на мотивации трудовой деятельности? В нашем исследовании респондентов спрашивали, на предприятиях какой формы собственности они работают и на предприятиях какой формы собственности хотели бы работать. Оказалось, что значительная часть респондентов желала бы работать на предприятиях другой формы собственности. Наиболее высока доля респондентов, которые хотят работать на предприятиях, находящихся в государственной собственности (28,7%), а также находящихся в частной собственности (21,8%). При этом если доля желающих работать на госпредприятиях практически совпадает с долей работающих там, то доля желающих работать в личных фирмах превышает более чем в семь раз долю работающих в них. В то же время на частных предприятиях и в обществах с ограниченной ответственностью работает почти в три раза больше респондентов, чем желающих там работать. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс приватизации предприятий, прошедший в указанный период, не лучшим образом отразился на удовлетворенности работников местом своей работы. Так, среди тех, кто работает на государственных или муниципальных предприятиях, хотели бы на них работать 67% (самая высокая доля по выборке), еще 16% хотели бы работать на своих частных предприятиях. Среди тех, кто работает на акционерных предприятиях с участием государства, удовлетворенных местом работы уже 45%. Работники акционерных предприятий без государственного участия еще меньше удовлетворены своим местом работы, и среди них еще больше тех, кто хотел бы работать на своем или на государственном предприятии. Наименее удовлетворены своим местом работы работники частных предприятий и обществ с ограниченной ответственностью.

Анализ данных о смене профессии, специальности, места работы позволяет рассмотреть структуру трудовой мотивации населения нашего региона в годы экстремальных изменений системы трудовых отношений. По данным нашего исследования, в 1990 году работу имели 77% опрошенных, 27% не работали либо потому, что еще не вступили в трудовой возраст, либо потому, что выбыли из трудового процесса по пенсионному возрасту, либо по другим причинам. Среди тех, кто работал в 1990 году, свою специальность и место работы сохранили только 47%. Доля тех, кто имел работу в 1990 году и сменил организацию или специальность, составляет 53% респондентов. Как видим, за годы реформ произошел всплеск трудовой мобильности населения: более половины населения включи-

лись в поиск на рынке труда нового места работы, более адекватного рыночным условиям.

Рассмотрим причины сохранения работы, профессии после 1990 года. Ведущей причиной сохранения места работы и профессии в Тюменской области явилось привыкание к своей работе и коллективу («мне некуда уходить, другой работы у меня нет»). В группу тех, кому некуда уходить, входят либо люди, «привязанные» к своему месту работы ведомственными квартирами, общежитиями, удобным для них по тем или иным обстоятельствам графиком работы, либо люди, занимающие пассивную позицию. Среди причин изменения места работы или профессии основной является появление более интересной работы, далее следуют недовольство уровнем оплаты и сокращение кадров.

Согласно классификации Дэвида Мак-Клелланда, эти варианты ответов относятся к двум типам мотивации: мотивация достижения успеха (1-й тип) и мотивация избегания неудачи (2-й тип). Среди причин сохранения работы ответы распределились следующим образом: первый тип мотивации – «я привык к своей работе, к коллективу» (25%), «мне некуда уходить, другой работы у меня не было» (22%), «мне так спокойнее» (5%); второй тип мотивации – «работа интересная» (21%), «работа хорошо оплачивается» (12%), «работа почетная, престижная, приносит пользу людям» (9%). Затруднились ответить 27% опрошенных. Среди причин смены работы, профессии распределение ответов таково: первый тип мотивации – «появилась возможность более интересной работы» (20%), «работа плохо оплачивалась» (18%), «на новой работе я имею больше возможностей проявить себя» (12%), «работа не пользовалась уважением» (4%); второй тип – «были сокращения, предприятие было закрыто» (17%), «работа по моей специальности сейчас не нужна» (4%). Затруднились с ответом 39% респондентов.

Если придерживаться объяснительной модели трудовой мотивации Д. С. Мак-Клелланда, одной из основных потребностей человека является потребность в достижении, которая находится в противоборстве с потребностью избегания неудач. Проще говоря, одни люди склонны к мотивации достижения, готовы к риску и ответственности, решают задачи повышенной сложности; другие, желая успеха, больше боятся потерпеть неудачу, отсюда их основная мотивация – избегание неудачи. Такие люди более осторожны в принятии решений, не готовы действовать без гарантий, согласны довольствоваться меньшим, при этом сохраняя стабильность. Наше исследование показало, что в процессы трудовой мобильности были вовлечены в основном те, кто стремится к успеху, и поведение этих людей отличается от поведения тех, кто сохранил свою работу. Люди с мотивацией избегания неудач занимают пассивную позицию и чаще сохраняют работу и профессию, но и среди них оказалось достаточно много вовлеченных в процессы трудовой мобильности.

В исследовании был задан вопрос: «Какую работу вы бы предпочли, если бы могли выбирать?». Желали бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне 37%. К этой группе в основном относятся люди с низкими доходами и средним уровнем образования. На втором месте респонденты,

которые готовы много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее (23%). Это респонденты с высшим образованием, молодого и среднего возраста. Третья значительная группа – люди, желающие иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск (16%). Среди ответов на вопрос: «Какую работу вы бы предпочли, если бы могли выбирать?» – ответы первого типа мотивации дали 39%, а второго типа – 46% респондентов. Среди тех, кто сохранил свою работу, профессию за последние десять лет, 53% ответов относятся к типу «избегания неудач», остальные – выказывают стремление к достижению успеха. Среди опрошенных, кто сменил работу или профессию, мотивированных на «избегание неудач» оказалось уже только 21%, а стремящихся к достижению успеха – 53%. Сравнение этих данных с тем, какую работу люди выбрали бы в идеальной ситуации, позволяет заключить, что доля людей, имеющих мотивацию достижения, в реальности существенно превышает долю респондентов, которые хотели бы ее использовать в идеале (39%). Тогда как в случае идеального выбора мотивы избегания неудач указали 46% респондентов.

Большинство населения было вынуждено приспосабливаться к тем переменам, которые произошли в обществе. Под давлением обстоятельств произошла смена типа трудовой мотивации людей. Налицо смещение мотивации в сторону типа «достижения успеха», явно не артикулируемого и, более того, зачастую неодобряемого самим человеком. Этот факт не может не вызывать озабоченности, поскольку для развития общества необходимо, чтобы в обществе одобрялось и поддерживалось поведение, ориентированное на достижение успеха. По отношению к риску выделяются две группы: люди, готовые рисковать без особых гарантий на будущее (39%), и люди, согласные на минимум при сохранении уверенности в завтрашнем дне (46%).

Рассмотрим теперь, какова иерархия потребностей в системе мотивации трудовой деятельности и насколько они удовлетворены. Перечень потребностей был составлен на основе теории мотивации А. Маслоу. Считается, что степень удовлетворения этих потребностей оказывает влияние на мотивацию трудовой деятельности. Респондентам был предложен список из двадцати потребностей согласно классификации А. Маслоу.

Наиболее значимые потребности: хороший заработок, гарантии стабильности, постоянной занятости, социальной защищенности и уверенности в будущем, возможность обеспечить достаток в доме, приобретать, что захочется. Эти три потребности, соответствуют первым двум уровням пирамиды потребностей. При этом по степени удовлетворенности они занимают 17, 16, 19-е места соответственно, уступая только наиболее острой по степени неудовлетворенности потребности в получении жилья. Наиболее удовлетворенными являются: возможность общения с людьми, взаимопонимание в отношениях с начальством и коллегами, интересная работа, доставляющая удовольствие. Таким образом, наиболее благополучно обстоит ситуация с потребностями третьего уровня пирамиды, но они не являются актуальными для наших респондентов.

Итак, сегодня сложилась ситуация, когда меньшая доля населения готова работать так, как того требует рыночная экономика, и получать адекватное вознаграждение. Эта группа состоит в большей степени из мужчин, лиц молодого и среднего возраста, образованных, причем горожан среди них примерно столько же, сколько жителей села. Среди людей, предпочитающих небольшую, но твердую оплату за работу, предоставляющую к тому же много свободного времени, преобладают лица с низким уровнем дохода и образования. Прочие признаки не оказывают заметного влияния. Особенностью региона является наличие значительной доли населения, нацеленной на карьерный рост и инновационный характер работы.

Работа выполнена при поддержке гранта № РГНФ 06-03-00566а
«Социокультурный портрет региона»

¹ Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1988.

² Статистический ежегодник. Сб. в 4-х частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2005; Статистический сборник. Социально-экономические показатели. М., 2005.

³ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 2006.

Г. Р. Кадырова

ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРЫ И ЛИЧНОСТИ

Внутренний мир каждого человека индивидуален, но, бесспорно, он не свободен от влияния природных и социокультурных феноменов и в значительной степени определяется ими. Действительно, от рождения на каждом этапе своего развития человек усваивает культурные традиции окружающего его социума.

Первые серьезные научные исследования взаимосвязи личности и культуры начались в 1930-х годах. Этнографы и психологи, увлекшиеся этой проблематикой, создали научную школу, которую так и назвали – «Культура и личность».

Американский этнопсихолог М. Мид (одна из основательниц школы) и ее коллеги – психоаналитик А. Кардинер, антропологи Р. Линтон и К. Дюбуа – стали изучать обычаи, обряды и верования людей, принадлежавших к разным культурам, с целью выявления особенностей структуры их личности. Исследования привели к выводу об определяющем влиянии культуры. Ученые предположили, что в каждой культуре есть доминирующий тип личности – базовая личность.

По мнению Р. Линтона, базовая личность – особый тип интеграции человека в культурную среду. Такой тип включает в себя особенности социализации членов данной культуры и их индивидуально-личностные характеристики. По определению А. Кардинера, базовая личность – это «... техника размышлений, система безопасности (то есть стиль жизни, посредством которого человек получает защиту, уважение, поддержку, одобрение), чувства, мотивирующие согласованность (то есть чувство стыда или вины) и отношение к сверхъестественному»¹. Базовая структура личности передается из поколения в поколение через воспитание и в какой-то мере определяет судьбу народа. Например, миролюбивый характер племени зуни, по мнению Кардинера, обусловлен закрепленным в структуре туземного общества сильнейшим чувством стыда. Это чувство – результат жесткого семейного воспитания: дети целиком зависят от настроения родителей, подвергаются наказанию за малейший проступок и т. д. По мере взросления страх перед наказанием трансформируется в страх не добиться успеха в социуме, что сопровождается чувством стыда за свои осуждаемые обществом поступки. Линтон объяснял агрессивность и воинственность туземцев из племени танала репрессивным характером их культуры. Вождь и племенная верхушка подавляли любое проявление самостоятельности, жесточайшим образом преследуя тех, кто нарушал установленные нормы и правила поведения.

И Линтон, и Кардинер подчеркивали, что изменение социальной организации неизбежно ведет к изменению базового типа личности. Подобные трансформации случаются, когда внедряются новые трудовые технологии, расширяются контакты с соседними племенами, заключаются межплеменные браки и т. п.

Позже понятие базовой личности дополнили понятием модальной личности. Последняя – наиболее часто встречающийся в культуре тип личности, обнаруженный эмпирическим путем.

Пытаясь выявить модальную личность у того или иного народа, исследователи использовали данные наблюдений, биографические сведения, результаты психологических тестов. В основном применялись так называемые проективные тесты (интерпретируя неопределенные изображения, человек невольно раскрывает свой внутренний мир): тест Роршаха (интерпретация причудливых чернильных пятен), тест незаконченных предложений. Тест Роршаха на время стал «любимой забавой» психологических антропологов. Ученые надеялись, что он будет особенно полезен в работе с народами, принадлежащими к бесписьменным культурам. В конце 1940-х годов Энтони Валлас с помощью этого теста провел одно из самых ранних исследований модальной личности в общине американских индейцев тускарора. Валлас работал с 70 взрослыми индивидами. Что же за личность ему открылась? Характерными особенностями индейцев оказались бессознательная зависимость от других; страх быть отвергнутым соплеменниками; компенсаторное желание стать гипернезависимым, агрессивным, самодостаточным; неспособность реалистически оценивать окружающую среду, приверженность стереотипам. Данные, полученные Валласом, не поддавались однозначному объяснению. Тест, не свободный от влияния культуры, в которой появился, мог оказаться

достоверным лишь для европейцев; внутренний мир людей не только не свободен от влияния природных и социокультурных феноменов, но и в значительной степени определяется ими.

Логическим продолжением исследования взаимосвязей и взаимовлияний между культурой и личностью стало изучение национального характера. В сознании каждого народа в стереотипной форме живут представления о типичных чертах той или иной нации: англичане консервативны, французы возбудимы и легкомысленны, немцы аккуратны и трудолюбивы, испанцы горды и т. д. Таким образом, широко распространена точка зрения, что представители одной нации имеют общие черты, отличающие их от других народов.

Традиции житейского и литературного описания национальных характеров восходят ко временам античности (труды древнегреческого философа Теофраста и римского историка Тацита). В XX столетии эта тема живо увлекала Л. Барцини, писавшего об итальянцах, философа Н. О. Лосского (1870–1965), исследовавшего характер русского народа, и других мыслителей. Особенно активно занимались проблемой национального характера в США во время Второй мировой войны. Понимание психологии врагов и их лидеров могло оказаться полезным и при планировании военных операций, и при реализации послевоенной государственной политики. Многие известные антропологи (Р. Бенедикт, К. Клакхон и др.) переехали в Вашингтон, чтобы принять участие в изучении национальных характеров (прежде всего японцев и немцев).

Япония была самым экзотичным противником в этой войне. Действия японского правительства, да и простых солдат, часто ставили американцев в тупик. Например, поражал фанатизм – слепая преданность императору и готовность покончить с собой в случае неудачи. Еще больше удивляло поведение пленных японцев. Они проявляли готовность вступить в американскую армию, снабжали врагов детальной информацией, с энтузиазмом работали и т. п. Подобным фактам попытался дать истолкование К. Клакхон. По его мнению, военнопленные воспринимали себя «социально мертвыми» (отношения с семьей, друзьями, страной они считали законченными), но физически были живы и надеялись войти в новое общество. Американские антропологи сделали вывод, что мораль японского общества обусловлена ситуацией. Р. Бенедикт в книге «Хризантема и меч», написанной под впечатлением от общения с японскими военнопленными, объяснила их необычайную лояльность и послушность идеей обязанностей перед группой. Слова пленного японца: «Если нет общества, человек не должен сохранять самоуважение», определили понимание автором книги личности японцев. Бенедикт пришла к выводу, что они нуждаются во внешней санкции на самоуважение. Эту особенность национального характера многие американские исследователи сочли свидетельством отсутствия у японцев морального ядра личности.

Другие американские антропологи называли стержнем характера взрослого японца долг или обязанность, поскольку японцы среднего возраста имеют гораздо меньше личной свободы, чем дети или старики². (В американском обществе все наоборот: у детей и стариков меньше личной свободы, чем у людей в расцвете лет.)

Немецкий национальный характер изучал немецко-американский психолог Э. Фромм. Он попытался понять: почему немецкий народ поддался диктаторскому режиму Гитлера? Появление нацистского движения в Германии Фромм объяснял тем, что в стране преобладает авторитарный тип личности. Люди подобного склада обязательны и услужливы по отношению к вышестоящим, но с подчиненными ведут себя в повелительной и презрительной манере. Они тревожно реагируют на демократические институты и демонстрируют сильную тенденцию «бегства от свободы» в авторитарные системы, где ощущают себя более комфортно.

После войны ученых заинтересовал русский национальный характер. Британский антрополог Д. Горер выдвинул «пеленочную» гипотезу. Развила и популяризировала ее М. Мид, а Э. Эриксон изложил основные идеи концепции в статье «Легенда о юности Максима Горького». Русские вплоть до середины XX века следовали традиции туго пеленать младенцев (иногда до полутора лет). Лишь на короткое время детей освобождали от пеленок, мыли и активно с ними играли. Эта практика, полагал Горер, приводила к тому, что малыши росли сильными и сдержанными. Антрополог образно связал данную традицию (длительные периоды неподвижности и короткие периоды мускульной активности и интенсивного социального взаимодействия) с некоторыми чертами русского национального характера и внешней политики России.

Многим русским, по его мнению, свойственны сильные душевные порывы и всплески социальной активности между долгими периодами депрессии и «самокопания». Та же тенденция определяет и политическую жизнь общества: целые эпохи покорности внешним авторитетам перемежаются яркой, интенсивной, однако непродолжительной революционной активностью. Правда, Горер ни в коей мере не утверждал, что именно практика тугого пеленания породила авторитарные политические институты (царизм, сталинизм) и сформировала основу маниакально-депрессивной базовой личностной структуры русских. Скорее он хотел отметить сходство культурных моделей поведения в разных сферах жизни: тугое пеленание как один из способов общения родителей с детьми осуществляло передачу идеи о необходимости сильного внешнего авторитета. В настоящее время «пеленочная» гипотеза не столь популярна, но до сих пор встречается во многих отечественных и зарубежных учебниках.

Российская исследовательница К. Касьянова в своей книге «О русском национальном характере» сравнивает личности американцев и русских³. Чем русские отличаются от американцев? Например, большей импульсивностью и в то же время склонностью подавлять свои эмоциональные реакции, медлительностью «вхождения в работу». Назвав самые явные отличия, Касьянова выдвинула стройную и интересную концепцию узловых моментов русского национального менталитета. Особое внимание она уделила социальным архетипам, которые на бессознательном уровне определяют поведение в типичных для нашей культуры социальных ситуациях. Например: самопожертвование во имя ценностей культуры, самоограничение ради благополучия других людей, жажда праздника, апелляция к личности (царю, правителю), акцентирование души человека в противовес

внешнему деланию, или труду. Автор отметила, что труду в системе ценностей русской культуры отводится явно подчиненное место. Труд невозможно перевести в другой разряд, не нарушив всей системы.

Восклицание поэта: «Чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел?», обращенное к русскому народу, исследовательница посчитала верхом непонимания своей культуры. «Терпение для нас, – пишет Касьянова, – не способ достигнуть лучшего удела, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения...».

Личность не остается неизменной. Она меняется с изменением общества и культуры. Переместившись из одного общества в другое, человек поневоле перенимает его нормы, а в какой степени он подвергается его влиянию, уже зависит от личных качеств индивида. Изменение культуры возможно и без изменения общества. Хотя культура всегда суть продукт общества, она всегда обладает весьма значительной долей самостоятельности. Уже передача культуры от одного поколения членов общества к другому – это процесс отличный от процесса развития общества. В основе изменения социальной сущности личности лежит преобразование социально-экономической структуры общества, замена одних социально-экономических отношений другими.

¹ Этнология в США и Канаде. М., 1989.

² Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения. М., 1991.

³ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1999.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

**Ю. Р. Вишнеvский,
Н. О. Миронова,
В. Т. Шапко**

ПРОГНОЗ Л. Н. КОГАНА О РАЗВИТИИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ДО 2000 ГОДА И СОВРЕМЕННОСТЬ

На рубеже 1960–1970-х годов в творчестве Л. Н. Когана на первый план вышли проблемы социального планирования. Причем и здесь проявилось своеобразие его подхода – акцент на социокультурные аспекты планирования. Под его руководством сектор социологии культуры Института экономики УНЦ провел в 1966–1972 годах исследования по изучению потребностей и пожеланий трудящихся Среднего и Южного Урала в сфере культуры.

В разработке программы исследований и, особенно, в обобщении и интерпретации их результатов проявилась типичная для Когана-социолога черта – единство теоретического и эмпирического анализа. Конкретно-социологическое изучение деятельности учреждений культуры (клубы, библиотеки, театры, кинотеатры и т. д.) и их аудитории опиралось на серьезную теоретическую разработку общих проблем культуры и ее различных структурных элементов. И наоборот, обобщение результатов эмпирических исследований позволяло развить теорию культуры. На этой основе было не только предложено инновационное понимание культуры (как меры реализации сущностных сил человека), но и разработаны долгосрочные перспективные планы и прогнозы ее развития¹.

Будучи реалистом, Лев Наумович понимал и подчеркивал, что долгосрочное планирование в сфере культуры особенно сложно, ибо перспективы развития духовной культуры неразрывно связаны с перспективами развития человека, ростом его духовных потребностей и интересов. Определение перспектив развития культуры на период до 1990–2000 годов он соотносил с дальнейшим изменением

функций и содержания деятельности учреждений духовной культуры. Их функции меняются в результате новых духовных потребностей людей. В то же время эти учреждения сами формируют и направляют духовные потребности масс. Конечно, определение перспектив развития учреждений культуры, по его мнению, отнюдь не исчерпывало всех задач, стоящих перед исследованием перспектив развития культуры, хотя и являлось необходимой составной частью этой работы. Оно должно было быть дополнено анализом перспектив развития культурных потребностей населения.

Приступая в 1972 году к работе над разделом о духовной культуре в «Комплексном плане развития Свердловской области до 1990–2000 годов», Л. Н. Коган сформулировал ряд соображений о направлениях развития учреждений культуры на ближайшие 20–30 лет². При этом он исходил из понимания несостоятельности простой экстраполяции на перспективу тех функций и направлений, которые были присущи этим учреждениям. Ставя сравнительно узкую задачу – планирование развития культуры в масштабе региона, – уральские социологи не ограничивались региональным масштабом, но стремились выявить общие для всей страны тенденции.

Спустя три десятилетия авторы провели исследование культурных запросов населения Свердловской области³. Конечно, за это время в стране произошли огромные изменения во всех сферах жизни. Нельзя сбрасывать со счета и различие методик. И все-таки представляется правомерным и продуктивным сравнение результатов этих исследований. По крайней мере, они позволят – со всеми поправками на время – выявить, что же в прогнозах Л. Н. Когана реализовалось и в какой мере⁴.

Свой прогноз Л. Н. Коган начинал с кино. Искусство кино, по его оценке, сохранит свое значение на протяжении прогнозируемого периода. В то же время он не исключал возможности ряда тенденций:

– некоторое снижение числа посетителей кинотеатров в связи с распространением телевидения, резким подъемом значения туризма и ростом числа посетителей клубов;

– рост домашнего проката фильмов через домашние кинопроекторы и телевидеопись. Развитие домашнего проката фильмов станет важной статьей использования свободного времени и прочно войдет в жизнь;

– значительный рост в прокате доли научно-популярных и документальных фильмов, повышение роли учебного кино, особенно в связи с развитием системы самообразования. Появятся больше новых киноустановок учебного и научного фильма на предприятиях, в школах, техникумах, вузах, ИПК, в сети политпросвещения. Должна резко возрасти доля учебного и научного фильма в производстве фильмов.

С учетом этих тенденций предлагалось вести строительство новых кинотеатров (особенно в средних и малых городах и сельской местности) с таким расчетом, чтобы они могли одновременно выполнять и функцию концертных залов. Отмечалась целесообразность (в связи с развитием туризма) создания летних

кинотеатров при турбазах и в местах отдыха. Обосновывалась задача сплошной кинофикации школ, техникумов, вузов и учебных комбинатов предприятий. Финансовый ущерб от возможной потери некоторого количества зрителей кинотеатров предполагалось возместить за счет организации платного домашнего проката фильмов и увеличения продажи киноаппаратуры.

В нашем исследовании кино было рассмотрено в двух аспектах – личностном и институциональном. В первом аспекте внимание акцентировалось на интересах, вкусах, предпочтениях кино- и телезрителей. Во втором – на первый план выходят проблемы кино- и видеопроката, киноиндустрии. В личностном аспекте особый интерес вызывают жанровые предпочтения кинозрителей. Основной вывод: интерес зрителей к киноискусству остается высоким – лишь 4% смотрят кинофильмы редко. Таким образом, прогноз Когана, разводившего интерес к кино (который будет сохраняться) и частоту посещения кинотеатра (которая будет снижаться), оправдался.

Гораздо сложнее ситуация с жанровыми предпочтениями. Пятерка приоритетных жанров достаточно традиционна. На первом месте – вне конкуренции – интерес к комедии (56%). Опыт показывает, что чем труднее жизнь людей, тем сильнее их стремление весело отдохнуть, компенсировать усталость и стрессы, восполнить бедность и ограниченность эмоциональной жизни. Этим же, очевидно, объясняется и довольно высокий интерес к мелодрамам (28%). Интерес к историческим фильмам (37%) находится в русле общего интереса к историческому прошлому. Следующие рейтинговые места за киноклассикой (26%) и детективом (23%). Причем в их соотношении появилось нечто новое: вероятно, впервые за многие годы киноклассика обогнала детектив. Это обстоятельство находится в вопиющем противоречии со структурой производства и проката кинофильмов: новых, современных фильмов, достойных заменить в массовом восприятии киноклассику, выпускается крайне мало, преобладают фильмы с криминальными сюжетами, детективы.

После волны массового увлечения (в 1990-х годах) пошел на спад интерес к таким жанрам, как фильмы ужаса, триллеры, фантастика, эротика, фильмы с демонстрацией приемов восточных единоборств. Ответы респондентов отразили и негативные тенденции – не столько в интересах кинозрителей, сколько в структуре производства и проката кинофильмов, влияющих на эти интересы. Крайне низким оказался интерес к музыкальным, научно-популярным и, особенно, документальным фильмам. В этой части, наиболее подверженной изменениям, прогноз Когана не осуществился. От чего развитие вкусов кинозрителей существенно пострадало.

Наиболее негативно из учреждений культуры социокультурные изменения сегодня сказались на работе кинотеатров. И хотя это не отразилось на снижении интереса к киноискусству, проблема оптимизации деятельности кинопроката (сохранение частоты посещаемости кинотеатра) является острой.

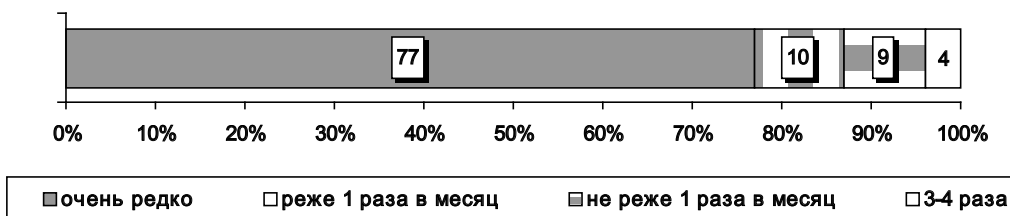

Диаграмма 1. Частота посещения кинотеатров, в % от числа опрошенных

В целом полученные данные типичны для сегодняшней ситуации в кинопрокате. Лишь один из восьми респондентов в целом по массиву более или менее регулярно (не реже одного раза в месяц) посещает кинотеатры. Такой вариант посещения среди мужчин встречается в два раза чаще, чем среди женщин, интерес которых к киноискусству в целом выше, но женщины удовлетворяют его преимущественно в домашних условиях.

С возрастом частота посещений сокращается. Надежда на возрождение былых традиций, когда фильмы просматривались именно в кинотеатре, связана прежде всего с молодежью. Хотя и в этой группе три человека из каждых четырех посещают кинотеатр редко.

Из общей картины несколько выбиваются, хотя и по-разному, жители крупных и малых городов. В крупных городах, где в последние годы появились современно оборудованные кинотеатры и кинозалы, доля посещающих кинотеатры регулярно сравнительно высока – каждый пятый. Относительно малых городов можно говорить о формировании группы «новых» киноманов: каждый восьмой посещает кинотеатры (те немногие кинотеатры, которые сохранились от старых времен) достаточно часто – почти еженедельно. Для этой группы посещение кинотеатра становится важной формой досугового поведения. И она требует к себе особого внимания со стороны работников кинотеатров.

Можно выделить следующие факторы, мешающие посещать кинотеатр чаще:

- личностные, субъективные причины – нехватка свободного времени (35%), усталость после работы (13%);
- сложившаяся у человека структура досуга – предпочтение смотреть фильмы по телевидению (32%), другие увлечения (17%);
- институциональные причины, связанные с теми или иными недостатками в работе кинотеатров.

Оценки респондентами этих причин представляют особый интерес. Большая часть претензий обращена к репертуару, его качеству («мало хороших фильмов») (22%) и недостаточной гибкости («мало новых фильмов») (16%). Но для каждого седьмого причина недовольства – некомфортабельные условия просмотра. Последнее обстоятельство превращается в серьезную проблему, тем более что сегодня у 96% респондентов имеется телевизор, у 57% – видеоманитофон, у 10% – видеокамера. В этих условиях привлечь зрителя из дома в кинотеатр можно, только обеспечив ему повышенную (с помощью разнообразной аппаратуры) комфортабельность.

Для Когана, как «человека театрального», важное место в прогнозе занимал театр. Основной его вывод: при всех обстоятельствах театр, безусловно, останется одним из главных учреждений культуры на весь перспективный период. В прогнозе отмечались следующие тенденции развития театра:

– возникнет необходимость создания театров в выросших за последнее время городах с тем расчетом, чтобы каждый город с населением 80 тысяч и более имел бы свой театр;

– среди театров будет расти доля музыкальных (опера, балет, оперетта). Очевидно, целесообразно в городах, где есть один театр, иметь в нем две труппы – драматическую и музыкальную. Это гораздо экономнее, чем создание нового второго театра. При наличии большого количества клубных залов можно чередовать проведение спектаклей каждой из трупп на постоянной сцене с выездными – в клубах города и примыкающих к нему районов;

– необходимо резкое развитие сети передвижных театров для обслуживания городов и районов, не имеющих своего театра. Мы полагаем, что каждая крупная область обязательно должна иметь свой передвижной театр;

– в общем количестве театров должна резко возрасти доля театров для детей и юношества, в особенности передвижных. Стоит подумать об увеличении театров-студий на базе народных коллективов;

– резкого изменения можно ожидать от системы театральных гастролей. Обмен театрами между городами (гастрольные поездки) стоит практиковать не только летом, но и зимой во время сезона. Практика показывает, что это может значительно увеличить число зрителей и повысить интерес к искусству театра.

Прогноз Когана в отношении перспектив театра подтвердился лишь отчасти. В рамках инерционных, эволюционных изменений в обществе и культуре (на что он был рассчитан и на что единственно мог быть сориентирован) этот прогноз оказался предвестником того «театрального бума», который возник в конце 1980-х годов. Подобно тому как «оттепель» ассоциируется с популярностью поэзии, начало перестройки может соотноситься с бумом интереса к театру в условиях падения цензуры. Однако переход к рынку и коммерциализация культуры оказали на развитие театра сложное и противоречивое действие.

Возможно, с этим и связан один из важных результатов нашего исследования: театральная аудитория оказалась (по частоте посещения театра) – в сравнении с другими учреждениями культуры – наиболее разнородной.

Вырисовывается достаточно грустная, но реальная картина. Для довольно значительной части населения театр практически выпадает из активной культурной жизни. Половина (52%) бывают в театре очень редко (по крайней мере, не были в театре в течение нескольких лет). К ним можно добавить и тех, кто бывает в театре реже одного раза в год (20%). Несколько раз в год в театре бывают 12% респондентов, и еще 16% – минимум раз или два. В итоге – двое из трех респондентов исключают театр из сферы своих досуговых интересов.

Для этого есть и объективные причины: в малых населенных пунктах театров просто нет, как нет и передвижных театров, на которые Коган возлагал большие

надежды. Да и получившие в последние годы распространение антрепризные спектакли имеют преимущественно коммерческий характер и не появляются там. Поэтому преимущества большого города здесь наиболее четко выражены. Более или менее активных театралов в крупном городе в 1,5 раза больше, чем в среднем, и в 3 раза больше, чем в малом. Но нельзя все сводить к объективным причинам, многое зависит и от установок личности. Характерно, что среди респондентов-селян тех, кто посещает театр несколько раз в году, вдвое больше в сравнении с жителями малого города.

Негативно сказывается на интересе к театру и изменение репертуарной политики телевидения: из телепрограмм, к сожалению, в последние годы практически исчезли передачи о театральном искусстве (за исключением программы «Театр + TV») и телеспектакли. И тем значимее выявить мотивацию выбора зрителями театральных спектаклей.

Таблица 1. Мотивы выбора спектакля, в % от числа опрошенных

Жанр	32
Актеры, режиссер	29
Советы друзей и знакомых	25
Название, тематика	22
Книга, пьеса по которой поставлен спектакль	15
Реклама, афиша	13
Рецензии, статьи	9
Стараюсь смотреть новые спектакли, премьеры	3
<i>Смотрю без разбора</i>	<i>11</i>

Во многом мотивы выбора спектакля близки к мотивам выбора фильма. Правда, в отношении спектаклей возрастает доля случайного, ситуативного выбора. В рамках отношения к самому спектаклю прослеживается цепочка: жанр – создатели (актеры, режиссеры) – тематика – литературная основа. Менее значимым оказывается эффект новизны, что для большей части жителей области достаточно объяснимо. Сказываются и внешние факторы, определяющие выбор спектакля: советы друзей и знакомых, реклама, рецензии и статьи в прессе. Недооценка мнения профессионалов даже еще большая, чем в отношении кино.

В 1970-е годы для значительной части населения страны важнейшим учреждением культуры был клуб. Не случайно клуб был объектом пристального внимания со стороны сектора социологии культуры. Характерно, что прогноз перспектив развития клубных учреждений Коган начинал с их полифункциональности:

– клуб – центр идеологического воспитания, агитационно-пропагандистской работы;

– клуб – центр самостоятельной творческой деятельности трудящихся, способ приобщения миллионов людей к участию в духовном производстве;

– клуб – центр общения, «общественный домашний очаг», место дружеских встреч во внесемейной обстановке;

– клуб (особенно в деревне, поселке и малом городе) – центр организации концертов, проката фильмов, место общественных заседаний, конференций.

По оценке Когана, последняя функция, собственно говоря, не является имманентно присущей клубу, однако фактически она занимает большое место в работе каждого клубного учреждения. В небольшом населенном пункте клуб – чаще всего единственное место, где жители могут посмотреть кинофильм, выступление профессиональных и самодеятельных артистов. Вся культурная жизнь такого поселения сосредоточена в клубе. Однако и в большом городе клубы, дома и дворцы культуры имеют стационарные киноустановки и выполняют функции «профсоюзного кинотеатра». Клубы, работающие при крупных предприятиях, предоставляют свои залы для заводских собраний, заседаний, конференций, митингов.

Прогноз на ближайшую перспективу предполагал, что клуб сохранит все указанные функции. Ожидалось, что создание стационарных кинотеатров и концертных залов постепенно приведет к сокращению последней из указанных функций, но не ликвидирует ее, а остальные функции получат свое дальнейшее развитие. Соотнося клубы 1970-х и 1930-х годов, социологи отмечали устойчивость функций клубов, но подчеркивали изменение содержания каждой из них и предполагали, что они будут меняться и в дальнейшем. Эти изменения связывались с новыми условиями работы клуба:

– во многих городах за эти годы будет построена значительная сеть кинотеатров, концертных филармонических залов, что создаст возможность несколько сократить «прокатную» функцию клубов;

– рост количества профессиональных работников искусства позволит увеличить число гастрольных концертов в разных типах поселений, даст возможность людям чаще общаться с профессиональным искусством;

– появление и массовое распространение телевидения, магнитофонов и радио не только даст возможность дома воспринимать новости искусства, регулярно видеть лучших артистов страны, но и сократит часть свободного времени, которая отдавалась клубу;

– определенную «конкуренцию» клубу составит широкое распространение спорта, туризма, спортивных зрелищ (включая спортивные телепередачи);

– рост образовательного и культурного уровня посетителей клубов повысит их требовательность к массовым клубным мероприятиям, и особенно к художественной самодеятельности, к руководителям кружков, коллективов;

– значительно расширится диапазон творческой деятельности трудящихся, их занятия фото- и кинолюбительством, коллекционированием, композиторским и поэтическим творчеством, живописью, прикладным искусством, что потребует расширения традиционного набора кружков;

– значительно увеличится свободное время трудящихся (особенно в связи с переходом на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями);

– в связи с распространением домов политического просвещения, партийных кабинетов, лекториев общества «Знание» лекционная массовая работа перестанет концентрироваться в клубе.

По прогнозу новые условия работы клубов отнюдь не приведут к понижению их значения в жизни нашего общества, но потребуют определенной перестройки их работы:

а) по линии идеологической функции клуб должен стать центром стационарных долговременных форм идеологического воспитания, дополняющих работу сети политического просвещения. Именно при клубе, по прогнозу социологов, будут открываться народные университеты, а там, где нет домов политпросвещения и парткабинетов, – и университеты марксизма-ленинизма, постоянные лектории и кинолектории, выставки и народные музеи, экономические и научно-технические лектории. В клубах будут функционировать объединения атеистов, происходить массовые политические мероприятия, встречи, собрания и митинги;

б) значительно возрастет функция клубного общения. Клуб станет основным центром внесемейного общения. Предполагалось, что все клубы в городах должны быть разделены на две группы:

– большие профсоюзные дворцы, предназначенные в основном для массовых мероприятий, зрелищ и кружковой работы;

– сеть небольших недорогих клубов, где главным станет не зрительный зал, а кафе, уютные общественные читальни и комнаты для семейных и товарищеских вечеров. В такой клуб люди смогут прийти в свободное время, чтобы встретиться в неофициальной обстановке с друзьями, поговорить, почитать новые газеты и журналы, отметить семейное торжество. По оценке Когана, потребность в таких небольших клубах есть в каждом микрорайоне, но при планировании они обычно не закладывались. Предполагалось, что все эти клубы должны быть в подчинении государственных органов культуры. Если в клубах первого типа общение будет организовываться преимущественно в масштабе большого коллектива, то в клубах-кафе оно должно ограничиваться сравнительно небольшими группами трудящихся. Такие клубы станут центрами работы по месту жительства. Это очень важно, ибо в большом городе люди нередко живут далеко от места своей работы и своего профсоюзного клуба, что, как показали исследования, препятствует более частому его посещению;

в) значительно возрастет роль клуба как организатора творческой деятельности трудящихся. При этом предполагалось, что:

– наряду с художественной самодеятельностью все профсоюзные клубные учреждения будут иметь любительскую техническую самодеятельность (речь идет не о подмене рационализаторской работы на предприятиях, а о создании любительских объединений, занятых конструированием и изготовлением любительских приемников, телевизоров, магнитофонов, автоматических

приспособлений, автомашин, моторных лодок, планеров, аэросаней). Профсоюзные клубы при предприятиях смогут обеспечить такие любительские объединения руководителями из числа ИТР завода и необходимыми материалами. За счет фондов предприятия несложно обеспечить их и необходимым оборудованием и инструментом;

– существенно изменится и художественная самодеятельность клубов: изменится соотношение исполнительских и авторских ее форм за счет постепенного увеличения роли последних (объединения самодеятельных поэтов, художников, композиторов, сценаристов и режиссеров). При клубах будут широко функционировать литературные объединения, народные изо- и киностудии, объединения самодеятельных композиторов, театральных и кинокритиков. Естественно, развитие таких объединений будет постепенным – по мере подготовки кадров руководителей, что потребует изменения учебных планов подготовки клубных работников в институтах культуры;

– клубная самодеятельность должна быть в большей, чем сейчас, мере ориентирована на исполнение репертуара не только профессиональных авторов, но и участников своих клубных авторских самодеятельных объединений, что повысит интерес к самодеятельности (обычно даже лучшие исполнители в самодеятельности копируют репертуар ведущих профессиональных артистов, существенно проигрывая им в качестве исполнения). Речь, конечно, идет не о полном исключении репертуара профессионалов из клубной самодеятельности, а о разумном соотношении репертуара профессионального искусства и своих самодеятельных авторов;

– далеко не вся самодеятельность будет ориентирована на публичные выступления, как это происходит сейчас. В каждом клубе наряду с наиболее опытными и талантливыми участниками самодеятельности, которые будут готовиться к смотрам и публичным концертам, часть членов кружков будет заниматься студийной работой, овладевая тем или иным видом искусства «для себя», для развития своей личности. Эти члены кружков и объединений уже не будут «самодеятельными артистами», если, конечно, сами не пожелают принять участие в публичных выступлениях;

г) серьезному изменению должна подвергнуться и система управления клубной работой. Полновластным и решающим органом управления клубом должно стать его выборное правление. Администрация клуба, по мнению Когана, должна выполнять исполнительские функции, реализуя решения правления (естественно, директор и художественный руководитель клуба должны входить в правление). Клубы должны стать школой общественного самоуправления, средством приобщения трудящихся к управлению культурным строительством в стране.

И сегодня в ряду учреждений культуры, подведомственных органам отраслевого управления культурой, особое место занимают клубные учреждения (клубы, дома и дворцы культуры, культурно-досуговые центры). Именно здесь сосредоточена основная часть работников учреждений культуры, да и основная работа по культурному обслуживанию населения. Клубные учреждения являются интегративным институ-

том культурного досуга и развития населения, предоставляя посетителям довольно широкий и разнообразный набор занятий и клубных формирований (кружков, студий, секций, коллективов, любительских клубов по интересам). Какие же занятия и мероприятия в клубах наиболее предпочтительны для наших респондентов?

Таблица 2. Посещение клубных мероприятий, в % от числа опрошенных

Массовые представления	42
Концерты художественной самодеятельности	37
Гастрольные концерты и спектакли	34
Вечера отдыха, дискотеки	26
Кружки художественной самодеятельности	9
Беседы, лекции, дискуссии	7
Любительские клубы и объединения	6
Кружки технического творчества	2
<i>Посещаю клуб, ДК редко</i>	32

Первый вывод из результатов опроса – реальная клубная аудитория неоднородна. Она достаточно четко делится на две группы: те, кто посещают клуб постоянно, регулярно, периодически, и те, кто посещает клуб от случая к случаю, ситуативно. Среди наших респондентов соотношение этих групп – 2:1. Среди случайных, ситуативных посетителей доля мужчин выше, чем в среднем. Сходная ситуация и по жителям крупных городов, где выбор учреждений культуры гораздо шире. Уровень образования практически не оказывает влияния на этот параметр, что еще раз подтверждает личностный характер выбора.

Другой срез аудитории – посетители клубных мероприятий (зрители, слушатели) и активные участники клубных коллективов художественного и технического творчества. Тут соотношение менее благоприятное – 9:1 в пользу посетителей. Было бы абсолютно неверным недооценивать работу с посетителями, особенно – с участниками массовых мероприятий. Ведь для этих людей уже сам факт прихода на какое-либо клубное мероприятие – определенное культурное событие.

Какие клубные мероприятия сегодня наиболее посещаемы? В первую очередь это массовые представления, концерты и вечера отдыха, дискотеки. При всей развлекательной направленности этих мероприятий важно отметить, что интерес к концертам собственной художественной самодеятельности и к гастрольным концертам фактически одинаков. Чем это объяснить? Растущим уровнем мастерства самодеятельных артистов, интересом к своим знакомым? Или ограниченными возможностями выступления гастролеров (к тому же нередко недооценивающих возросший уровень запросов провинциальной публики)?

Практически – в сравнении с предшествующим периодом – в клубах оказалась свернутой культурно-просветительная работа. Лишь 7% респондентов приходят

в клуб на лекции, беседы и дискуссии. Тем самым именно в отношении идеологической функции клуба происшедшие в обществе перемены не позволили прогнозу реализоваться. Ясно, конечно, что в 1972 году (и даже в 1990-м) предвидеть масштаб и радикальность этих перемен не мог никто. Но в деятельности клубов отчетливо проявилось одно из важнейших свойств культуры – инерционность, устойчивость.

Конечно, нельзя оценивать эффективность работы клуба только по числу активных, постоянных участников. Но одновременно надо понимать, что перспективы клубной работы связаны именно с этой – активной, самостоятельной – группой. В ее развитии тоже немало проблем. Сохраняется и даже усиливается недооценка роли клубов в развитии технического творчества (сохраняется стереотип, когда самостоятельность рассматривается лишь как «художественная»). И тут можно отметить, что прогноз в отношении перспектив технической самостоятельности не оправдался. Более того, в годы реформ фактически рухнула система рационализаторства и изобретательства, что негативно сказалось и на техническом творчестве в целом. Парадоксально, но основная доля участников кружков технического творчества в клубах приходится на жителей сел и ПГТ. Медленно поворачиваются клубы и к развитию любительских объединений.

Перспективы развития клубной работы связаны с учетом двух взаимопереплетающихся, но не сводимых друг к другу групп факторов:

- то, что препятствует, мешает чаще посещать клубные учреждения;
- то, что могло бы привлечь в клуб новых посетителей или участников.

Результаты нашего исследования этих проблем приведены в таблице.

Таблица 3. Факторы, мешающие частому посещению клубов, в % от числа опрошенных

Недостаток свободного времени	39
Другие увлечения	26
Предпочтение телепередач	19
Состояние здоровья	9
Усталость после работы	4
Удаленность клуба, дворца культуры от дома	14
<i>Неудовлетворенность условиями проведения мероприятий или занятий</i>	<i>10</i>
<i>Недостаток новых фильмов, концертов, спектаклей, мероприятий</i>	<i>10</i>

Все препятствия, мешающие чаще посещать клубные учреждения, можно разделить на личностные (связаны с самим человеком) и институциональные (связаны с работой учреждения культуры). Соотношение этих препятствий, судя по ответам респондентов, 5:1 в пользу личностных. Среди них традиционные ссылки на нехватку свободного времени, усталость после работы, плохое состояние здоровья, территориальную отдаленность клуба от дома. Тут работники учреждений куль-

туры вряд ли могут что-нибудь изменить. Но нельзя не обратить их внимание, что каждый четвертый сослался на «другие увлечения», а каждый пятый – на предпочтительность домашнего досуга. У учреждений культуры появляется определенный неиспользованный ресурс – дать возможность реализовать свое увлечение в клубе, в клубном формировании, искать пути сближения домашнего и клубного досуга за счет развития различных форм семейного досуга в клубных учреждениях.

Не должно успокаивать то обстоятельство, что только двое из пяти респондентов, посещающих клубы, в качестве препятствующего фактора отметили недостатки в деятельности клубного учреждения. Причем чаще свои претензии высказывают люди с более высоким уровнем образования и жители малых городов. Речь идет о посетителях учреждений культуры.

Проблема возможности более широкого привлечения в клубные учреждения требует выделения разных групп факторов, способных повлиять на стремление человека в той или иной форме включиться в организованную (учреждениями культуры) культурно-досуговую деятельность. По мнению наших респондентов, разные группы факторов соотносятся следующим образом:

- устранение препятствий для посещения учреждений культуры (4%);
- улучшение имеющихся форм и видов клубной деятельности (49%);
- расширение спектра культурных услуг и развитие новых форм и видов клубной деятельности (47%).

Таблица 4. Факторы привлечения посетителей в клубы, в % от числа опрошенных

Устранение препятствий:	
– близость к дому	6
Совершенствование традиционных форм работы:	
– массовые праздники, представления	33
– дискотеки, танцы	17
– более благоприятные условия для семейного отдыха	19
Расширение спектра услуг:	
– более широкий набор услуг, хотя бы и платных	17
– ярмарки, выставки продажи, аукционы	13
– диспуты, встречи с деятелями науки, культуры	10
– игральные автоматы, компьютерные игры	10
– разнообразный выбор любительских клубов	10
– вечера национальной культуры, фольклорные праздники	6
– условия для научно-технического творчества	2
<i>Я и так часто посещаю</i>	26
<i>Вряд ли они меня могут чем-нибудь привлечь</i>	12

Заметно, что люди не склонны перекладывать на плечи учреждений культуры свои собственные проблемы. Что же касается самих клубных учреждений, то мнения респондентов разделились практически поровну между ориентацией на совершенствование традиционных форм и видов культурно-досуговой деятельности и ориентацией на расширение спектра услуг, освоение качественно новых форм.

Четко выделяются разные *группы клубной аудитории*:

– первая – это активные посетители, участники художественной самодеятельности, кружков, объединений, творческих коллективов. Они считают, что и так часто посещают клубные учреждения. Их удельный вес в рамках нашего исследования – каждый четвертый. Это свидетельствует о возможности более интенсивной работы учреждений культуры по переводу случайных, ситуативных посетителей в число активных, постоянных;

– вторую группу составляют те, кто не рассматривает клуб как учреждение культуры для себя, посещает его редко. Таких, по исследованиям прошлых лет, до 30%. В нашем исследовании их почти в три раза меньше. Они не считают, что клуб может чем-то их привлечь;

– наиболее многочисленную группу (три пятых) составляют ситуативные посетители. Их более частый и регулярный приход в клуб возможен, но при определенных условиях. Как наиболее посещаемые из традиционных форм чаще всего отмечают массовые праздники и представления, так что это направление работы и в перспективе должно оставаться приоритетным, особенно – в клубах сел, поселков городского типа и малых городов, где они нередко являются единственным центром массового общения людей. Именно яркая зрелищность может привлечь потенциальных посетителей в клуб. Поэтому ориентир на сочетание более или менее регулярной кружковой работы с активными посетителями и массовых зрелищных мероприятий, аудитория которых непостоянна, является наиболее оптимальным;

– сохраняется привлекательность дискотек и танцев – особенно для людей с более низким общеобразовательным уровнем;

– как весьма перспективное рассматривается респондентами (каждым пятым) развитие и совершенствование семейного досуга. И тут от учреждений культуры потребуется немало усилий, чтобы дополнить ставший привычным дифференцированный подход к аудитории (когда мероприятия проводятся отдельно – для детей, для подростков и молодежи, для людей среднего или старшего поколения) различными мероприятиями, направленными на семью в целом. Сегодня ориентация на семейный досуг преобладает у женщин (они в полтора раза чаще мужчин отмечали эту форму досуга как способную привлечь их в клуб). Но, возможно, развитие семейного досуга сможет положительно повлиять и на позицию мужчин;

– совершенствоваться должен и сам дифференцированный подход. Его разделение на возрастные группы должно быть дополнено ориентацией на группы по интересам – расширение выбора любительских клубов (на это особенно со-

риентированы люди с высшим и средним профессиональным образованием) и кружков технического творчества, вечера национальной культуры и т. д. Важно при этом иметь в виду, что без квалифицированных руководителей такие формы работы не могут быть долговременными и успешными. Между тем именно они пользуются все большим спросом;

– в переориентации клубных учреждений важно учитывать и готовность определенной части респондентов (это отметил каждый шестой) принять и платные услуги, если спектр этих услуг будет расширяться. В этом же ряду стоит и пожелание (каждый одиннадцатый) шире использовать возможности клубов для установки игровых автоматов и компьютерных игр (это особенно заинтересовало бы посетителей-мужчин, вдвое чаще, чем женщины, отмечавших данный параметр);

– о необходимости для клубов активно включаться в новые рыночные отношения говорит и желание каждого восьмого респондента прийти в клуб на ярмарку, выставку-продажу, аукцион.

Таким образом, в главном, существенном – в рамках логики развития культуры современного ему общества – прогнозы Когана были весьма точными. Более того, пренебрежение некоторыми из них (в частности идеей клуба-кафе, сети небольших специализированных кинотеатров, передвижных театров, круглогодичных гастролей и т. д.) существенно затормозило развитие культурно-досуговой сферы, способствовало неэффективному расходованию и без того небольших ассигнований на культуру. Обратим внимание и на реализм этих прогнозов. В условиях, когда достижения НТР лишь начинали использоваться в сфере культуры, Л. Н. Коган обращал внимание на возможность появления и массового внедрения новых технических средств производства и распространения культуры (доступность видеотелезаписи для клубов и отдельных лиц; новый вид искусства, связанный с успехами голографии; внедрение цветомузыки и др.). Но при этом подчеркивал: «Более конкретно сказать о социальных последствиях их возникновения и внедрения пока, пожалуй, невозможно». И в таком подходе – важный и для современных социологов культуры методологический урок.

¹ См.: Коган Л. Н. Основные направления развития учреждений культуры на перспективу до 2000 г. Свердловск, 1972.

² См.: Коган Л. Н., Вишнеvский Ю. П. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972.

³ Исследование проводилось в рамках Федеральной целевой программы «Культура России 2001–2005 гг. (см.: Вишнеvский Ю. П., Шапко В. Т., Коробейникова А. П. Культурные запросы населения и оптимизация управления деятельностью учреждений культуры. М., 2005).

⁴ В исследованиях сектора культуры изучались и проблемы образования, туризма, СМИ. Мы ограничимся сравнением лишь по отдельным учреждениям культуры (кинотеатры, театры, клубы), сохраняя при этом логику анализа, избранную Л. Н. Коганом.

**В. А. Давыденко,
Л. К. Габышева,
А. Н. Тарасова**

НЕФОРМАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Авторская концепция неформальной занятости

Господство неформальных отношений между работниками и работодателями смягчало издержки переходного процесса, снижая одновременно его темпы. Роль неформальной занятости неоднозначна. С одной стороны, неформальная занятость ведет к таким явлениям, как деформация трудовых отношений, возможность нарушения трудовых прав, недополучение государством социальных и налоговых платежей. С другой стороны, занятые неформально демонстрируют большую активность на рынке труда, что способствует включению населения в рыночные отношения. В настоящее время неформальная занятость стала восприниматься как норма трудовых отношений.

В последние годы сфера «теневых» отношений в России расширилась. «Теневое» поведение наблюдается в сфере политики, образовании, медицине, культуре, превращаясь в итоге в системный фактор социальной реальности. Р. Рывкина жестко констатирует: «Тот сектор экономики, который принято назвать „неформальным“, охватывает целый комплекс социальных сфер экономики – от труда и занятости до экономики домашних хозяйств. Все это позволяет считать, что российское общество начала XXI века в немалой мере является теневой социально-экономической системой»¹.

Общего определения того, что следует понимать под неформальной экономической деятельностью и неформальной занятостью, до сих пор не существует. Не выработано и общего взгляда на причины этого явления. Многообразие позиций обусловлено, как правило, различиями в характере решаемых авторами теоретических и прикладных задач, а также в методологии и методике исследования. В методологическом отношении к исследованию неформальной занятости различаются экономический, социологический, кибернетический и правовой подходы. А институциональный уровень анализа ставит в центр социально-экономические институты неформальной занятости – саму систему формальных и неформальных правил поведения, санкционный механизм, закономерности их развития. Развивается также междисциплинарный комплексный подход.

Не имея собственной научной традиции в изучении интересующего нас явления, российские исследователи в основном используют теоретические подходы и понятийный аппарат западных ученых, которые еще с начала 1970-х годов начали проявлять пристальный интерес к неформальной экономике и неформальной занятости в развивающихся странах.

Поэтому и в отечественной науке понятия неформальная экономика и неформальная занятость были приняты как базовые обозначения хозяйственной деятельности, разворачивающейся за пределами действующих юридических норм – вне регистрации и фискального учета.

Анализ работ, посвященных феномену «неформальная экономическая деятельность» и «неформальная занятость», показал, что один и тот же термин применяется зачастую для обозначения хотя и близких по смыслу, но все-таки не совпадающих явлений. И напротив, для описания одного и того же феномена разные авторы используют различную терминологию. Определения «неформальная», «теневая», «скрытая», «неофициальная», «серая», «подпольная», «незарегистрированная», «недекларируемая», «ненаблюдаемая», «черная» и т. п. могут выступать как синонимами одного и того же явления, так и характеристиками разных форм занятости.

В рамках данного исследования «неформальная занятость» определена как занятость, осуществляемая без официального оформления трудовых отношений.

Особенность использованного нами подхода состоит в применении концепции неформальной занятости, основанной на характеристиках отношений занятости (нерегистрируемый наем и регистрируемая самозанятость). Это позволяет исследовать неформальную занятость как в неформальном, так и в формальном секторах. Кроме того, мы проводим анализ как основной, или первичной, неформальной занятости, так и вторичной. Неформальная занятость является первичной, если она является основной трудовой деятельностью, приносящей человеку основной (трудовой) доход, и вторичной, если выступает дополнительной занятостью для получения дополнительного дохода. В нашей трактовке измерение первичной неформальной занятости дает минимальную оценку неформальной занятости как совокупности тех индивидов, чей труд в целом выпадает из пространств трудового и социального законодательства, а также статистического и налогового учета.

Распространение неформальной занятости в Тюменской области

Респонденты отмечали, что продолжается участие в неформальной (как правило, временной или дополнительной) занятости, хотя и отмечается небольшое сокращение числа регулярно работающих без трудового договора. Вместе с тем говорить о наличии тенденции сокращения неформальной занятости еще рано. Небольшое сокращение неформальной занятости в выборке 2006 года по сравнению с выборкой 2004 года может быть следствием того, что в выборку исследования 2006 года попало меньше работающих на частных предприятиях.

Для сравнения: в 2004 году 37,1% респондентов работали на частном предприятии, а в 2006 году лишь около 20% опрошенных отметили, что они работают на частном предприятии или в обществе с ограниченной ответственностью, на предприятии, находящемся в личной собственности, а также занимаются

индивидуальной трудовой деятельностью. А ведь известно, что именно в этих сферах наиболее распространена неформальная занятость.

Респонденты справедливо отмечали, что трудовая деятельность, осуществляемая без заключения трудовых договоров, является по сути незаконной и влечет за собой множество негативных социальных, экономических и правовых последствий, однако шли на эту «незаконную» деятельность, так как в ином случае для них ситуация складывалась бы еще хуже, опускаясь до уровня элементарного выживания.

В отраслевом разрезе можно выделить группы, для которых практически не свойственна неформальная занятость. Этими профессиональными группами являются инженерно-технические работники, госслужащие и средний управленческий персонал, преподаватели, работники культуры, врачи, юристы, а также военнослужащие и работники правоохранительных органов.

Социально-демографические характеристики неформально занятых

Аналогично данным исследования 2004 года, исследование 2006 года показало, что мужчины работают в неформальном секторе чаще, чем женщины (работали без оформления трудового договора более 30% мужчин и лишь около 22% женщин). Причем данная тенденция является устойчивой не только для Тюменской области (по материалам исследования 2004 года риск стать неформально занятым у мужчин в полтора-два раза выше, чем у женщин), но и для других регионов России. Вместе с тем, по сравнению с 2004 годом, в 2006-м году в Тюменской области этот разрыв несколько сократился.

Одной из наиболее значимых характеристик неформально занятых является возраст. Чаще оказываются неформально занятыми люди до 30 лет. Отметим, что в нашем исследовании 2006 года по сравнению с 2004 годом наблюдается значительное сокращение участия в неформальной занятости лиц старше 50 лет. Возможно, что это связано с резким улучшением социально-экономического положения и повышением уровня благосостояния граждан Тюменской области. Но, скорее всего, данный результат отражает общую тенденцию вытеснения лиц пенсионного возраста с рынка труда.

Что касается образования, то велика доля часто или постоянно работающих без трудового договора среди лиц, имеющих неоконченное среднее образование (15,9%), среднее образование (14,6%) и неоконченное высшее (10,5%). У нас не выявилась зависимость между неформальной занятостью и уровнем образования, хотя в других исследованиях отмечалось, что подобная зависимость существует: чем выше образование, тем реже человек оказывается неформально занятым. Зато выявилась зависимость между неформальной занятостью и семейным положением. Так, оказалось, что женатые/замужние несколько реже работают без трудового договора. Для сравнения: регулярно работают без трудового договора среди женатых/замужних 7,8%, среди холостых – 11,1% и среди разведенных – 12,5%. Скорее всего, при наличии семьи гарантия занятости становится более значимой.

Важно подчеркнуть, что полученные нами данные приблизительно совпадают с данными других опросов социологических служб России по другим ее регионам. В частности, графики, полученные по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (1998, 2000, 2002 и 2003 годы, выборка 4500 домохозяйств – свыше 10 тыс. респондентов)² и Московского центра Карнеги (ноябрь 2000 года, выборка 5000 домохозяйств)³, практически идентичны представленным в нашем исследовании долям регулярно работающих без трудового договора среди разных возрастных групп.

Среди работающих пожилых горожан лишь единицы не имеют контракта. Небольшой скачок – в несколько процентов – в Тюменской области неформально занятых в самой старшей возрастной группе по сравнению с данными из других регионов России вызван, скорее всего, особенностью Тюменского региона: как правило, люди старшего возраста выезжают с Севера на «Большую землю» и находят там новую, как правило, не оформляемую официальным договором работу (с очевидной целью сохранения высокой северной пенсии).

Внутригрупповой анализ совокупности неформально занятых показал, что регулярные формы такой занятости и особенно регулярная работа самозанятых, предпринимателей, индивидуальных работодателей тяготеет к средним возрастным группам, а случайные подработки более характерны для крайних возрастных групп – самых молодых и самых пожилых работников.

По материальному положению среди неформально занятых в Тюменской области в исследовании 2006 года были выделены два кластера:

1) лица со средним и высоким уровнем доходов, в возрасте до 40 лет, как правило, руководители, предприниматели, работники сферы быта и услуг;

2) лица с низким и средним уровнем дохода, не моложе 35–40 лет, преимущественно со средним общим и средним специальным образованием, в основном рабочие, врачи, преподаватели, отчасти ИТР.

Нарушаемость прав неформально занятых и официально трудоустроенных

Известно, что психологически ощущение угрозы, равно как и чувство защищенности, в значительной степени являются результатом интериоризации личного опыта взаимодействия человека с окружающей действительностью. Когда такого взаимодействия нет, нет и ощущения угрозы. В этом плане представляют интерес ответы респондентов по проблемам практического отстаивания их нарушенных прав и свобод.

Как и следовало ожидать, показатели нарушаемости по всем правам и свободам значительно выше у неформально занятых: в среднем на 10 процентных пунктов. Если у официально трудоустроенных нарушаемость прав и свобод составляет в среднем 23,6%, то у неформально занятых – 33,7%.

Структура нарушаемости прав и свобод примерно одинакова, не зависит от участия в неформальной занятости. Эти ранги следующие: на первом месте

равенство перед законом, на втором – право на безопасность и защиту личности, на третьем – право на труд.

Вместе с тем оказалось, что интенсивность (доля тех, кто отстаивал нарушенные права среди тех, кто сталкивался с нарушениями) и успешность защиты (доля тех, кому удавалось отстоять нарушенные права среди тех, кто отстаивал нарушенные права) у неформально занятых несколько выше, чем у официально трудоустроенных (0,63 и 0,61 в сравнении с 0,58 и 0,51 у официально трудоустроенных).

При проведении исследования в 2004 году выдвигалась гипотеза о том, что неформально занятые более активны на рынке (эта гипотеза была подтверждена). Похоже, что полученные данные вновь это подтверждают.

При более частом нарушении прав и свобод неформалы вынуждены активнее бороться за них. Поэтому более высокий показатель интенсивности защиты в общем-то объясним. На кого чаще нападают, тот чаще и обороняется. Исключением является право на миграцию – интенсивность его защиты минимальна.

Вероятно, что более активная жизненная позиция неформально занятых, необходимость бороться за свои права ведут к накоплению, во-первых, самого опыта отстаивания прав, во-вторых, нужных связей, контактов, то есть социального капитала. Все это, скорее всего, способствует тому, что успешность защиты своих прав и свобод у неформально занятых выше, чем у официально трудоустроенных, в среднем на 10 процентных пунктов.

Зачастую для защиты своих прав им приходится пользоваться опять же неформальными способами. Так, на вопрос: «Как часто вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?» – только 37% неформально занятых ответили, что они не сталкивались лично с такими фактами (для сравнения: 53% официально трудоустроенных), изредка сталкивались 34% (соответственно 31%), часто 9% (6%), остальные затруднились с ответом. По этим показателям наблюдается максимально значимая, но слабая зависимость.

Естественно, более низкая защищенность неформально занятых оборачивается несколько большей готовностью принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека).

Так, среди официально трудоустроенных выразили готовность принять участие в акциях протеста 44,5%, а среди регулярно работающих без трудового договора – 48,3%. Согласно ответам респондентов, уровень активного протестного движения достаточно высок. Коэффициент корреляции между этими показателями хоть и очень слабый, но максимально значимый.

Доверие (недоверие) региональным органам управления

Уровни доверия населения региональным институтам власти определяют характер и степень участия конкретного человека в политических, экономических, социальных процессах в обществе и, в конечном счете, являются определяющими для развития страны.

Как показало исследование, среди регулярно работающих без трудового договора уровень недоверия населения региональным институтам власти выше, чем у работающих по трудовому договору. По всем предложенным девяти региональным институтам этот уровень недоверия среди регулярно работающих без трудового договора на 2–8 процентных пункта выше, чем у тех, кто практически не работает без трудового договора.

При этом рейтинги доверия/недоверия у всех трех групп практически одинаковы.

По рейтингу доверия: на первом месте доверие губернатору, затем – суду, на третьем месте у официально трудоустроенных – прокуратура (у неформалов она стоит лишь на пятом месте), а у работающих без трудового договора – СМИ.

Рейтинг недоверия: на первом месте по недоверию – милиция, на втором – региональные отделения политических партий, на третьем – СМИ.

Таким образом, представители неформальной занятости оказывают сильное влияние на степень доверия/недоверия к основным региональным институтам власти, в основном, как правило, усиливая кризис доверия власти.

Данные, полученные в ходе анализа ответов на вопрос о доверии, согласуются с данными о степени защищенности. Так, результаты показывают, что люди мало доверяют правительству и милиции, что видно из низкого коэффициента защищенности от произвола милиции, чиновников. Суд же, являясь инстанцией защиты от этого явления и защиты от преступности, заметно выигрывает в доверии населения Тюменского региона.

Включенность в социальные сети, зависимость от других

Ответы на вопрос: «Как вы считаете, в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит от вас самих, от близких родственников и др.?» – могут быть интерпретированы как ориентация респондентов на собственные силы, на свои социальные связи или на помощь каких-то руководителей, властей. У регулярно работающих без трудового договора прослеживается ориентация на социальные связи, они чаще отмечали, что улучшение их жизни зависит от близких родственников, друзей, земляков. Это еще раз подтверждает то, что они активнее используют свою социальную сеть.

Неформально занятые больше зависят от прихоти работодателя, ведь устный наем «лидирует» по многим видам нарушений трудовых прав.

По данным исследования С. Ю. Барсуковой, при неформальной занятости режим труда и техника безопасности не соответствует принятым нормам в полтора раза чаще, чем при официальной. Необходимость работать во время болезни встречается среди устно нанятых почти вдвое чаще, чем среди официально принятых. При неформальной занятости почти в два раза более распространена ситуация, когда работник или вообще не имеет оплачиваемого отпуска, или оплата частичная. Отсутствуют также отчисления в пенсионный фонд, гарантированные пособия по уходу за ребенком и т. д.⁴ Несмотря на все это, работающие без

трудового договора отмечают, что улучшение их жизни зависит от начальника по работе значительно реже, чем официально трудоустроенные. Вероятно, потому, что последние в большей степени дорожат своей работой (и гарантированными правами), чем неформально занятые.

Зависимость улучшения жизни от властей оценивается группами с разным опытом неформальной занятости примерно одинаково, у неформально занятых она лишь чуть ниже. Учитывая высокую нарушаемость прав неформально занятых и низкое доверие к официальным институтам по обеспечению этих прав, понятно, что неформалы реже связывают улучшение жизни с деятельностью городских, областных или общероссийских властей.

В анкете имелся вопрос: «В какой мере вы чувствуете свою близость или отдаленность с такими людьми, как: жители поселения, в котором живете, жители областного центра и др.?» (всего шесть утверждений). Для анализа была использована оценка средней. Несмотря на отмеченную ориентацию на социальные связи, неформально занятые по шкале «свое – чужое» в среднем дали оценки ближе к «чужое» по сравнению с официально трудоустроенными. Значит ли это, что вывод о большей включенности неформалов в социальную сеть ошибочен? Думаем, что нет. Работающие без трудового договора не воспринимают жителей поселения, в котором они живут, или всей области как нечто однородное, целое, близкое для себя. Для них есть близкие люди (друзья, соседи, единомышленники и т. п.), на которых они могут надеяться, которые могут оказать им помощь, остальные – чужие.

Также нами рассматривалась такая актуальная тема: среди каких людей респонденты встречают наибольшее взаимопонимание. Традиционно большая доля опрошенных находят его в семье. Но если среди тех, кто практически не работает без трудового договора, доля ответивших таким образом составила 63%, то среди неформально занятых – только 51%. Если вспомнить, что неформальная занятость мало распространена среди женатых/замужних, то эта разница становится вполне понятной и закономерной.

Естественно, что доля тех, кто находит взаимопонимание на работе, среди работающих без трудового договора меньше – 3,6% (среди официально трудоустроенных – 5,7%). В компании друзей находят взаимопонимание 22,3% (среди официально трудоустроенных – 19,7%), среди соседей – 2,9% (1,4%), в кругу единомышленников – 2,6% (1,4%). Среди неформально занятых высока доля тех, кто вообще затруднился с ответом – 13,3% (6,3% среди официально трудоустроенных).

Таким образом, можно сделать эмпирический вывод о том, что неформально занятые чаще используют такой ресурс, как социальный капитал. Индекс ориентации на социальные связи у неформально занятых составляет 0,198 (>0), в то время как у официально трудоустроенных он всего лишь -0,118 (<0). Именно поэтому у неформально занятых окружающие более дифференцированы на «своих» и «чужих», где своих небольшая группа, а остальные – чужие. Именно поэтому средние оценки смещаются к полюсу «чужое». Причем в эту социальную сеть доверия работодателя, как правило, не включаются.

Социальные сети в «неформально-адаптационном» режиме

Второе направление нашего исследования привязано к проблематике социальных сетей, которая обусловлена трансформацией современного социального пространства России и, как следствие, протекания социальных процессов, включая хозяйственную деятельность предприятий, в «неформально-адаптационном» режиме. Исследованы промышленные предприятия, демонстрирующие наибольшую динамику развития и проявляющие конкурентное поведение в современной рыночной среде. При этом обращались к тем отраслям, внешняя среда которых в той или иной степени приобретала черты сети. Исследование проводилось на девяти предприятиях машиностроительной и перерабатывающей отраслей Тюменского региона. За концептуальную основу взяты идеи современных американских социологов Х. Уайта (концепция структурной эквивалентности) и В. Бейкера (концепция сплоченности). Социальная сеть понималась как множество акторов, занимающих определенные статусные позиции, и различные связи между ними. В рамках сети экономические агенты группировались на основе сходства занимаемых позиций, связей и по типу ресурсов, циркулирующих между данными позициями. Основные компоненты, описывающие сеть с точки зрения этой концепции – структурный и ресурсный. Структурный компонент подразумевает конфигурацию акторов и обусловленные этой конфигурацией связи между ними. Ресурсный компонент – это тип обмениваемых ресурсов и дифференциация позиций на основе такого обмена. К данной концепции близко определение сети как социального капитала, данное Дж. Коулманом. Социальный капитал – вид ресурса, распределенного между структурными позициями акторов (наряду с материальными и другими ресурсами, с которыми социальный капитал может комбинироваться и приумножаться). Способ перемещения капитала определяется видом структуры и ее свойствами.

Социальный капитал продуктивен, способствует достижению целей, облегчает действия экономических агентов внутри структуры. Под социальной сетью понимается множество статусных позиций, отношений между ними и потоков циркулирующих ресурсов. Сети социальных взаимодействий состоят из структурной совокупности социальных акторов и набора связей между ними. В качестве социальных акторов могут выступать индивиды, принимающие стратегические решения, социальные группы, события и т. д. Под связями понимаются не только коммуникации между акторами, но и связи по обмену ресурсами и деятельностью, включая конфликтные отношения. В обществе функционируют и находятся в непрерывной трансформации множество многомерных сетей. Вопрос в том, как эти сети трансформируются и под действием каких факторов формируются значимые взаимодействия. В исследовании многомерные сети проецировали на соответствующие плоскости анализа, вскрывая тем самым *латентные структуры* наиболее значимых, но отнюдь не единственных процессов. В данном исследовании развивались четыре направления: структурное, ресурсное, нормативное и динамическое.

Рассматриваемые в широком смысле сети по логике их развития носят *неформальный характер* в дополнение к формальной иерархической организационной структуре предприятия (внутренняя сеть) или иерархии отношений между предприятиями (внешняя сеть). *Социальная сеть в форме неформальной структуры выступает как неявное знание – знание в действии, приводящее к реальному результату*. Включенность предприятия в ту или иную сеть взаимодействий обуславливает различный социальный капитал, который одним предприятиям позволяет получить новые рыночные ниши, а другим – просто выжить.

Структурный подход рассматривает социальную сеть с позиции ее геометрической конфигурации, изучая интенсивность взаимодействий. Вершинами графа являются акторы. Особое внимание уделяется взаимному расположению вершин, центральности, транзитивности взаимодействий. Сети различаются конфигурацией. Они могут быть открытыми (разомкнутыми) и закрытыми (замкнутыми) в зависимости от того, насколько легко в них допускаются иные (вновь прибывшие) участники. Барьеры для вступления в сеть определяются ограничениями или препятствиями, тормозящими вход новичка в сеть.

Новичок должен обладать таким редким ресурсом, который был бы востребован участниками сети. Сеть выступает как объективная структура с определенной формой регулирования отношений, которую все ее участники вынуждены усваивать, если хотят работать в ней или встроиться в нее. Поскольку социальный капитал в сети распределен неравномерно, нужно подчеркнуть, что перед любым новичком сама сеть выступает как барьер, который нужно преодолеть для успешного вхождения в эту структуру. Высота барьера вхождения в сеть для новичка определяется уровнем его понимания и принятием им соответствующих правил и тех практик, которые функционируют в сети. Проведенное нами исследование в рамках структурного подхода основано на материалах Тюменской области. Исследованы семь предприятий машиностроительной отрасли, что позволило утверждать следующее: на территории Тюменского региона межорганизационные отношения существуют и развиваются посредством социальных связей, сетей, понимаемых как основа выживания и развития предприятий в современных условиях.

Применение структурного подхода к полученным в ходе исследования данным позволило визуализировать *неформальную сеть* взаимодействий исследуемых предприятий. Анализ силы структурной позиции позволил объяснить различия в результатах деятельности акторов, определяя данные различия неравенством ресурсов. Доминирующий актор, называемый также центральным, имеет большую по сравнению с другими вероятность получить информацию, циркулирующую в сети, и контролировать распространение этой информации. Анализ структуры сети также позволяет выявить причины, по которым данный актор занимает доминирующее положение, в то время как не обнаружены существенные различия в ресурсах, статусе, ближайшем окружении между данным актором и остальными участниками сети, что позволяет демонстрировать перспективность использования сетей для углубленного понимания социальных

явлений и процессов. В нашем случае выявление доминирующего актора позволяет рассматривать его как головное предприятие потенциальной формально функционирующей структуры.

На основании данных экспертного опроса проведен анализ деятельности семи машиностроительных предприятий региона. Выбор в качестве объектов исследования машиностроительных предприятий обусловлен сложившейся тенденцией: крупные предприятия распадаются на более мелкие, бывшие цеха становятся независимыми, технически оснащенными заводами. В дальнейшем небольшие заводы на взаимовыгодной договорной основе создают объединения, в рамках которых осуществляется дальнейшая хозяйственная деятельность, образуются равностатусные промышленные сети.

На основе собранных данных была построена модель сети в виде ненаправленного графа, вершинами которого стали предприятия. Ребрами связаны вершины – предприятия-партнеры. Произведенная оценка силы структурной позиции позволяет говорить о том, что представленная сеть – это неформальная сеть взаимодействия *неравностатусных партнеров*, так как наибольшей силой структурной позиции (ресурсным потенциалом) по сравнению с другими обладает первый актер, которому принадлежит доминирующая позиция в сети. В меньшей степени по сравнению с первым доминирующими сетевыми позициями обладают шестой и третий актеры соответственно. В отношении ряда предприятий отмечены избыточные (вторичные) связи.

Детальное изучение этих взаимодействий, определение направленности связей способствует устранению излишних контактов, направлению ресурсов на поддержание первичных связей, в результате чего усовершенствованная модель отношений в большей степени будет соответствовать оптимальной сетевой модели.

В рамках *ресурсного подхода* рассматривались возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей, что позволяет дифференцировать акторов, находящихся в идентичных структурных позициях социальной сети, по их ресурсам. В качестве индивидуальных ресурсов выступали знания, престиж. Под сетевыми ресурсами нами понимаются влияние, статус, информация, капитал. Нами было визуализировано множество типов сетей, выделенных по разным основаниям. В качестве *приоритетного сетевого ресурса* был выделен *информационный*. Реконструкция модели сетевого информационного обмена позволила вскрыть латентные структуры, функционирующие в данном информационном поле и позволяющие предприятиям выжить. Визуализация встраивания социальных сетей в процесс хозяйственной деятельности предприятия представлена совокупностью взвешенных графов, где весовыми показателями являются статистически значимые линейные коэффициенты корреляции Пирсона (r), отражающие тесноту и направление связи между двумя коррелирующими признаками (характеристиками) в случае наличия между ними линейной зависимости. Значения коэффициентов корреляции указаны на ребрах графа, соединяемые ребром вершины графа являются связанными признаками.

В экспертном опросе приняли участие 220 экспертов, являющихся руководителями предприятий перерабатывающей и машиностроительной отраслей Тюменского региона.

Модель сети информационного обмена выявила следующие способы взаимодействия предприятий и характер циркулирующей информации: через общих деловых партнеров и друзей; через представителей руководства предприятия; через специалистов разного уровня; в ходе частной беседы; в виде письменного договора. Чаще же всего партнерам предоставляется разнообразная информация, позволяющая обучаться.

Интерпретация связей в описываемой модели сети позволяет утверждать, что предприятия включены в партнерские организационно оформленные сети делового взаимодействия, чему довольно часто предшествует включенность в *неформальные сети* межличностных коммуникаций – через общих партнеров, друзей. Руководители взаимодействующих предприятий контактируют на формальном уровне, что влечет заключение в официальном порядке письменных договоров. Как показывает характер связей в представленной сети, участие в партнерских организационно оформленных сетях посредством взаимодействия руководителей предусматривает предоставление (а значит, и получение) полного объема информации о совместном проекте, при этом специфика информации такова, что не предусматривает возможности обучения в процессе общения. Иного рода характеристика информационного обмена в *неформальных сетях межличностных коммуникаций* специалистов контактирующих предприятий. Включенность в *неформальные профессиональные сети* способствует получению необходимого уровня специальной информации, позволяющей обучаться в процессе общения, повышать профессиональный уровень, а значит, и уровень выполняемой работы. Анализ характера связей не установил закономерности, выявляющей то, как частота участия предприятий в организационно оформленных сетях делового взаимодействия сказывается на включенности в неформальные профессиональные сети межличностных коммуникаций квалифицированных специалистов. Выявление данной закономерности представляется возможным лишь для отдельно взятого частного случая.

Проведенное исследование подтвердило предположение о том, что *неформальная сеть взаимодействующих предприятий* способна генерировать конкурентные преимущества, распределяемые между всеми участниками сетевого взаимодействия. Сеть – это источник особого дохода, создаваемого совместно в процессе обмена отношениями, который не может быть создан отдельно взятым предприятием.

Вырабатывая конкурентную стратегию, руководство опирается на знание и понимание как внешних, так и внутренних факторов развития предприятия. По мере изменения природы развития экономических процессов закономерной становится трансформация конкуренции из экономического процесса в социально-экономический.

Признавая приоритетность профессионального управления, эксперты предприятий-участников сетевого взаимодействия большое внимание уделяют таким

факторам конкурентоспособности, как обновление и улучшение качества ассортимента выпускаемой продукции (18%), стабильность финансового состояния (12%), профессиональная компетентность управленческого состава (32%). Характерным преимуществом конкурентной стратегии является внимание к уровню профессиональной компетентности сотрудников предприятия (26%). Среди внешних приоритетных факторов, оказывающих воздействие на конкурентную среду предприятия, эксперты отметили рост благосостояния жителей региона (54%), темпы развития рыночных процессов (28%).

В рамках *нормативного подхода* нами рассматривался уровень доверия между акторами, правила и нормы, влияющие на поведение в сети, при этом сетевой капитал нами рассматривался как совокупность преимуществ, которые могут быть получены акторами для достижения цели. В рамках нормативного направления анализа *неформальных социальных сетей* был рассмотрен уровень доверия представителей руководящего звена предприятий. Модель сети доверия выявила следующих акторов сетевого взаимодействия: 1 – непосредственный начальник; 2 – руководитель предприятия; 3 – технический персонал и инженеры; 4 – рабочие предприятия; 5 – представители партнерских предприятий.

Итак, для *неформальной сети доверия* характерно наличие большего количества связей из числа возможных, причем это связи прямого характера. Иными словами в представленной сети отсутствуют звенья разрыва, что является удовлетворительным результатом. Наименее сильной является связь (1 – 4), то есть связь между уровнем доверия к непосредственному начальнику и рабочим предприятия является менее очевидной по сравнению с другими.

Дальнейшим направлением наших исследований предполагается сделать изучение динамики социальных сетей и неформальных практик.

Перспективы исследования

Для целей нашего анализа важно отметить, что на практике существование неформального сектора тесно связано и с формальным сектором, и с формальным регулированием. Любые предприятия неформального сектора могут выступать поставщиками, субподрядчиками предприятий формального сектора, образуя единую производственную цепочку, и наоборот. В итоге само их существование может быть обусловлено неспособностью соответствовать нормам действующего законодательного или иного регулирования. Предприятия формального сектора могут – если захотят и/или если их к этому принудят – действовать вопреки формальному регулированию. Практики сокрытия части зарплаты или устного найма распространены как в неформальном, так и в формальном секторах. Напротив, часть занятости на предприятиях неформального сектора может осуществляться в полном соответствии с действующим административным, трудовым и налоговым законодательством. Лишь несколько лет назад прежний дуалистический подход оказался вытеснен новым подходом к определению неформальности. В его основе – трактовка неформальных отношений как некоего континуума, распространяющегося

на все сектора хозяйства⁵. Если мы соглашаемся, что неформальные отношения не связаны с определенным сектором экономики или формами производственных единиц, становится очевидной необходимость перехода к определению неформальной занятости с «подходом на основе характера занятости» (employment-based definition).

В центре этого подхода оказываются индивидуальные особенности занятости. Это дает возможность выделить несколько состояний занятости по степени соответствия ее условий законодательству. На одном полюсе будет находиться работа, осуществляемая в полном соответствии с условиями письменного трудового договора, абсолютно соответствующего действующему законодательству. На другом – занятость на основе устных договоренностей. Между ними – широкий спектр работ, выполняемых с некоторыми нарушениями законодательства, будь то в части декларируемого размера заработка или режима труда, отпусков и пр.

Неформальная занятость охватывает все формы оплачиваемой занятости – по найму и не по найму, которые формально не зарегистрированы и, следовательно, не учитываются статистикой предприятий и налоговыми органами, не подлежат регулированию и не защищены существующими правовыми или регулируемыми структурами. Если использовать терминологию системы национальных счетов, неформальная занятость охватывает недекларируемую, нерегистрируемую занятость в трех секторах: формальном, неформальном и в секторе домашних хозяйств. Для целей настоящей работы мы сузили определение неформальной занятости, исключив из него сектор домашних хозяйств, насколько это возможно.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-03-03-368
«Неформальные практики на рынке труда (на примере юга Тюменской области)»
и гранта РГНФ № 06-03-00566а
«Социокультурный портрет региона (Тюменская область)»

¹ Рывкина Р. Российское общество как теневая социально-экономическая система // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 4. С. 46.

² Методика обследования описана в работе: *Средние классы в России: экономические и социальные стратегии* / Под ред. Т. М. Малевой. М., 2003.

³ Мониторинг экономического развития России. 2000 (см.: www.sofist.ru).

⁴ Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // *Социологические исследования*. 2003. № 7. С. 6.

⁵ Синявская О. В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. М., 2005.

Е. И. Перина

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Преобразования в России сталкиваются не только с политическими, экономическими, региональными, этническими, но и со специфическими факторами политико-культурного и аксиологического толка. Эти факторы становятся в ряде случаев барьером на пути изменения общественной структуры общества и государства. Политическая культура – это не только один из важнейших институтов, составляющих общественное сознание. Это одновременно и система ценностей, формирующих идентичность нации, единство российского государства, это феномен, влияющий на все сферы государственного и гражданского бытия.

Политическая культура российского общества стала активно изучаться в 1990-х годах, что было обусловлено становлением новой политической системы. За это время появилось немало научных статей, докладов, посвященных различным аспектам проявления политической культуры, которые обозначили новый уровень осмысления данного феномена. С точки зрения теоретической детерминации понятие «политическая культура» – одно из самых сложных, трудноуловимых научных понятий. В наиболее общей форме его характеризуют как субъективное измерение общественных основ политической системы.

Политическую культуру мы рассматриваем прежде всего как процесс/механизм/способ формирования и реализации сущностных сил человека (знаний, умений, навыков, ценностей) в ходе его политической деятельности¹.

Российская политическая культура является достаточно противоречивым феноменом, чтобы его можно было охарактеризовать в терминах «гражданской» или «тоталитарной» культуры. На наш взгляд, некорректно говорить в общем о политической культуре общества, «низкой» политической культуре или об «отсутствии» в России политической культуры. Безусловно, мы не можем сказать, что люди никогда и ничего не думают о политике и политиках. Характеризуя политическую культуру, мы можем отмечать проявления политического сознания и поведения различных социальных слоев российского общества, разделяемых ценностях и формах участия.

В современных дискуссиях о постсоветской политической культуре противостоят друг другу две точки зрения: инновационная и традиционная². Сторонники первой настаивают на новизне культурных норм и ценностей, которые еще только формируются. Традиционалисты же утверждают, что культурно-политические установки продолжают советские традиции, которые оцениваются неоднозначно. По мнению этих авторов, постсоветские культурно-политические нормы воспроизводят эгалитаризм, авторитаризм и национализм, которые

присущи русским. Здесь уместно принять обе точки зрения, поскольку мы используем тезис о динамике политической культуры. Следовательно, можно говорить о традиционных элементах политической культуры и появляющихся новых феноменах в ее структуре, адекватных меняющейся среде. Таким образом, для более точной характеристики необходимо синтезировать традиционный и инновационный подходы. И хотя политическую культуру современной России пока нельзя назвать демократической, ее движению в этом направлении способствуют как элементы наследия, так и инновации, которые связаны с возникновением новых институтов и форм поведения.

Наиболее показательными в плане анализа политической культуры являются данные социологических исследований. Интерес к этому феномену с точки зрения рассмотрения данных социологических исследований обусловлен тем, что замеры и толкование различных параметров политической культуры стали существенным элементом анализа специфики развития нашей страны, прогнозирования его перспектив. В настоящей работе будут использованы данные проведенного нами в 2006 году исследования, в ходе которого было опрошено 350 жителей города Екатеринбурга. Сбор информации осуществлялся посредством анкетирования. Выборка респондентов строилась пропорционально численности жителей города. Опрос проводился по заданной квоте.

Состояние политической культуры современной России будет рассмотрено нами посредством следующих блоков:

- 1) интерес к политике, основные источники получения информации о политических событиях;
- 2) оценка политической ситуации (положительных и отрицательных тенденций) в стране и выделение респондентами причин, влияющих на нее;
- 3) политическая активность;
- 4) политические ценности.

В рамках первого блока рассмотрим такие эмпирические параметры политической культуры, как *интерес к политике, политическим событиям, оценка их значимости*.

Исследователи отмечают, что интерес к политике и политическим событиям является необходимым условием развития и институализации демократии³. Данные проведенного нами исследования показывают, сегодня интерес к политике проявляют 37% опрошенных, равнодушных существенно больше – 62%. Можно сказать, что интерес к политике связан не столько со стремлением людей разобраться в политической ситуации, сколько с желанием понять, как различные политические события повлияют на их ближайшее будущее. Самый общий индикатор интереса к политике – *внимание к политическим темам в средствах массовой информации*. Чаще всего источником политических новостей выступают передачи центрального телевидения (88%), на втором месте – местное телевидение и газеты, затем в порядке убывания следуют радио, рассказы знакомых и родственников. Здесь нужно отметить, что получение информации о событиях политической жизни идет в фоновом режиме – впер-

мешку с прочими новостями. К тому же список источников информации свидетельствует о виртуальном характере присутствия политики в жизни людей: о непосредственных контактах с представителями тех или иных политических сил (участие в собраниях, митингах, личные беседы политиками) не упомянул никто.

Социологические данные, касающиеся *оценки политической ситуации* и влияющих на нее причин, выделены нами в качестве отдельного блока. Мы получили следующие данные, касающиеся оценок политической ситуации.

Таблица 1. Оценка респондентами политической ситуации в стране, в % от числа опрошенных

Политическая ситуация	
стабильная	14
внешне стабильная	48,1
нестабильная	24,2
затрудняюсь ответить	13,7

Как видно из представленной таблицы, самая большая часть опрошенных характеризует политическую ситуацию в стране как «внешне стабильную, с возможными проявлениями протестов». Значительное влияние на такие высказывания оказывают, на наш взгляд, факторы объективного порядка: экономическая ситуация и политика государства.

Следующий выделенный нами блок социологических данных связан с анализом *потенциала политической активности населения*. В этом случае мы имеем в виду исследование различных форм политического участия. Сегодня в России сложились те же формы, что и на Западе: участие в выборах, в деятельности политических партий, общественных организаций и т. д. По результатам нашего исследования, 55% опрошенных считают участие в выборах одним из средств, с помощью которого можно способствовать изменению политики. На втором месте – участие в политических партиях, далее – участие в митингах, демонстрациях (26%). Однако 47% не принимают участия в политике и не считают это возможным.

Следует отметить, что отмеченные формы политической активности распределены в обществе неравномерно: для различных социальных групп характерны свои виды политического участия. Человек выбирает форму участия, исходя из соотношения имеющихся у него ресурсов (деньги, время, информация), затрат на участие, потенциальной полезности.

Рассмотрим такой показатель, как *политические ценности*. Именно изучение изменений политических ценностей в период трансформации общества позволяет выявить тенденции развития политической культуры общества. Данные проведенного нами исследования показывают следующее.

Таблица 2. Политические ценности современного российского общества, в % от числа опрошенных

Политические ценности	
Свобода	44
Сильная власть	41
Безопасность	37
Демократия	37
Стабильность	30
Законность	24
Соблюдение прав	23
Равные возможности	17

Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

В этой таблице мы отразили наиболее популярные ответы, полученные в ходе нашего исследования. Интересным является факт, что первые две строки занимают, казалось бы, противоположные ценности. С одной стороны, респондентами отмечается ценность личной свободы, реализации прав и свобод (44%) – явно демократическая характеристика. С другой – высоко ставится ценность сильной власти (элемент патернализма). Безусловно, в качестве основы системы ценностей современного российского общества нужно рассматривать советскую систему ценностей. Некоторые исследователи отмечают, что последняя явилась результатом компромисса идеологии, реальной жизни и патерналистского сознания (государство всегда рассматривалось в качестве источника благ, прав и обязанностей)⁴. Мы можем сказать, что сегодня составляющие этого «компромисса» несколько модифицированы: место идеологии заняла общественно-экономическая ситуация в стране, остались элементы патерналистского сознания и добавилась «ностальгическая доминанта» (как, например, потребность в сильной власти).

Итак, мы рассмотрели выбранные нами эмпирические индикаторы политической культуры современного российского общества. Они позволяют заключить следующее. Политическая культура современной России – довольно сложный феномен, который нельзя охарактеризовать в терминах западных типологий и исследований политической культуры. Ее состояние характеризуется комплексностью и противоречивостью. Выделенные в ходе нашего исследования и изучения литературы особенности, безусловно, можно объяснить сложной социально-психологической и экономической обстановкой трансформирующегося общества, объясняющей поляризацию сознания и поведения людей.

¹ См.: Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. С. 88.

² См.: Шевченко Ю. Д. Политическое участие в России // Pro et contra. 1998. Т. 3. № 3. С. 92.

³ См.: *Кертман Г. Л.* Интерес к политике по-русски: мотивы явные и скрытые // Политические исследования. 2005. № 1. С. 94.

⁴ См.: *Пантин В., Лапкин В.* Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 2. С. 146.

А. Н. Дронишинец

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О РАЗВИТИИ ЯДЕРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ И ЯПОНИИ

В настоящее время Россия и Япония – две из тридцати мировых держав, являющихся производителями ядерной энергии, и общественное мнение в этих странах начинает играть все более и более значимую роль в развитии атомной энергетики.

Япония начала использование ядерной энергии совершенно в других условиях, чем Россия. Она является единственной нацией, которая пострадала от ядерного оружия, что и породило уникальное представление об опасности ядерной технологии. С начала 1950-х годов в Японии шел бурный экономический рост, фактически выступавший объединяющей идеей, целью, которую пыталась достичь страна. По мере достижения экономикой и обществом достаточно высокой степени зрелости материальное благополучие становится менее важным фактором для японцев, чем проблемы качества жизни и окружающей среды, что нашло отражение в общественном мнении, а также в СМИ: изменилось содержание передовиц, выросло беспокойство относительно перспектив безопасного развития ядерной энергии.

В течение 1970–1980-х годов правительство Японии продолжало интенсивно развивать ядерную энергетику при огромной поддержке общественного мнения. Авария на Трехмильном острове в США в 1979 году породила некоторые опасения и увеличила беспокойство, но не привела к возникновению оппозиции. Япония развивала ядерную энергетику более настойчиво, чем США или Западная Европа (за исключением Франции), хотя авария в Чернобыле значительно усилила тревогу общества. Перед Чернобылем японские СМИ вообще избегали обсуждать ядерную опасность, особенно по сравнению с западными СМИ. Изменения начались после 1986 года, когда освещение в печати стало более критическим и проведенные опросы впервые показали, что большинство японцев выступает против развития ядерной энергии.

К 1988 году антиядерное движение чрезвычайно выросло. Такая активность потрясла центральные власти, а энергетические компании ответили на

выступления общественности крупномасштабными пиаровскими кампаниями. Первый «День ядерной энергии» был проведен в октябре 1989 года, а в 1990 году правительство Японии потратило 4 млрд иен на формирование позитивного общественного мнения относительно развития ядерной энергетики. Новый подход к общественному мнению требовал работы со средствами массовой информации и налаживания связей с группами активистов – противников развития ядерной промышленности. Эти усилия дали сомнительный эффект. Социологический опрос 1990 года показал, что большинство японцев доверяет телевидению, радио и газетам больше, чем правительству¹.

В отличие от ряда промышленных стран, твердый ответ Японии на возражения общественного мнения заключается в том, чтобы не прекращать развитие ядерной промышленности и не изменять государственную индустриальную политику. Центр усилий сосредоточивается на пиаровских компаниях, призванных снизить беспокойство общественности и сформировать положительное мнение о развитии ядерной промышленности. Япония, бедная природными ресурсами, имеет немного внутренних резервов для устойчивого развития, и вместо того чтобы реагировать на критику общественного мнения и менять долгосрочные планы, правительство начало обширную кампанию, способствовавшую формированию позитивного общественного мнения о развитии ядерной энергетики.

В 1990-е годы ряд все более и более серьезных ядерных аварий и несчастных случаев на АЭС подверг сомнению знание, опыт и мудрость правительственных ядерных экспертов и чиновников. Проведенные расследования, сообщения ученых и административные меры, все стандартные правительственные ответы, направленные на ослабление общественных опасений, не могли решить проблему. Печально, но каждая последующая авария на ядерных объектах была более серьезной, чем предыдущая, и те же самые проблемы безопасности вставали снова. В результате – организованные протесты, референдумы, социологические исследования, научные публикации, показывающие, что японцы выражают сильные сомнения относительно любых оправданий дальнейшего развития ядерной энергетики.

В то же время опросы, проводимые правительством Японии, СМИ и различными организациями, показывают, что значительное число японцев выступает за развитие ядерной энергетики. Это отражено как в национальных, так и в международных социологических исследованиях. Согласно нашему опросу общественного мнения, проведенному в октябре–ноябре 2005 года в городах Токио, Сендае, Хиросиме, Тайджири, доля японцев, считающих, что нужно обязательно развивать ядерную энергию, составляет 32%, демонстрируя относительно высокий уровень (табл. 1) по сравнению с российскими респондентами. В то же время только 10% опрошенных нами японцев считают, что не нужно дальше развивать атомную промышленность при современных условиях безопасности. Также 10% респондентов полагают, что нет необходимости развивать атомную промышленность ни при каких условиях.

Таблица 1. Необходимость дальнейшего развития атомной промышленности в вашей стране, в % от числа опрошенных

	Японцы	Россияне
Да, обязательно	32	6
Да, на основе современных технологий	13	32
Да, если будут использоваться технологии, повышающие уровень безопасности	35	58
Считаю ненужным дальше развивать атомную промышленность при современных условиях безопасности	10	3
Считаю ненужным развивать атомную промышленность ни при каких условиях	10	2

Большинство россиян считает, что необходимо развивать ядерную энергетику, если будут использоваться технологии повышающие уровень безопасности. Те японские респонденты, кто считает ядерную энергию небезопасной, указывают на то, что отсутствует активное сотрудничество с другими странами, имеет место более низкая организация контроля за процессом производства, а также возможны человеческие ошибки и невысокий уровень профессионализма работников (табл. 2).

Опрошенные россияне совсем в ином свете видят причины более низкой безопасности отечественных АЭС. Так, 30% респондентов связывает это с отсутствием новых средств безопасности, а 29% – с использованием устаревших технологий.

Таблица 2. Причины низкой безопасности отечественных АЭС, в % от числа опрошенных

	Японцы	Россияне
Использование устаревших технологий	4	29
Отсутствие новых средств безопасности	6	30
Невысокий уровень профессионализма работников	25	7
Более низкая организация контроля за процессом производства	25	13
Отсутствие активного сотрудничества с другими странами	28	6
Отсутствие активно действующих общественных организаций, контролирующих АЭС	3	8
Другое	9	7

Здесь важно выяснить, на чем люди основывают свои суждения, высказываясь по проблемам безопасности. Инженеры и специалисты, например, основывают свои оценки просто на технологической безопасности, и среди них такой образ мышления является общим. Однако для широкой общественности достаточно сложно строить суждения на основе технологической безопасности. Поэтому она

склонна давать свои оценки на основе иных факторов, в первую очередь социальных и психологических.

Реальные опросы общественного мнения дают противоречивые результаты. Респонденты отвечают, что считают ядерную энергию «необходимой», и в то же время говорят, что она опасна. Хотя мы можем предположить, что те, кто считает ядерную энергию опасной, выступают против ядерной энергетики, зачастую мы видим, что на самом деле они одобряют ее развитие. Другими словами, общественное мнение в отношении развития ядерной энергии не может быть просто определено лишь на базе категорий «необходимости» и «безопасности». Мы должны понимать, что люди не основывают свое мнение исключительно на логике и эти кажущиеся противоречия и нестабильные тенденции в общественном мнении являются проявлением беспокойства населения. Для того чтобы глубже понять это противоречие, необходимо добавить еще один фактор – беспокойство. Тогда обнаруживается существенная корреляция между степенью беспокойства и оценками одобряю/не одобряю в отношении развития ядерной энергетики.

Результаты наших исследований демонстрируют, что большинство опрошенных россиян и японцев обеспокоены возможностью ядерных аварий. Такая обеспокоенность людей («будет ужасно, если случится авария», «авария может стать реальностью») составляет сущность их беспокойства, которое играет значительную роль в определении структуры одобрения или неодобрения развития ядерной энергии. Кроме того, важным предметом анализа является то, в отношении чего люди проявляют беспокойство, включая «страх перед радиацией», «разочарование и недоверие системе развития ядерной энергетики» и «неопределенность ответственности». Как показывает анализ, неуловимый и двусмысленный фактор, каковым является категория «беспокойство», в действительности играет решающую роль в определении позиций и мнений общественности о развитии ядерной энергетики.

Наше исследование показывает, что более половины опрошенных россиян и японцев считает, что ядерная энергия не получила общественной поддержки. Что касается источников информации, позволяющих объективно представить развитие атомной промышленности, то исследование выявило значительное различие между японскими и российскими респондентами. Если для опрошенных японцев газеты и журналы являются важным источником информации (27 и 23% соответственно), то всего лишь 5% россиян назвали их в качестве такового. Такое различие можно, вероятно, объяснить тем, что для японцев независимость прессы, ее относительно высокая степень объективности, демократические традиции, сложившиеся в обществе, являются глубоко укоренившимися ценностями.

В то же время полностью доверяют информации о работе предприятий атомной промышленности только 7% российских респондентов, а японских – 2%. Совсем не доверяют 16% российских респондентов, японских – 4%. Доверяют частично 77 и 94% соответственно. Из тех, кто не доверяет, 56% российских и 74% японских респондентов считают, что государство не заинтересовано в объективной информированности населения, 19 и 10% – что руководство предприятий не жела-

ет этого делать, 25% российских и 16% японских респондентов утверждают, что отсутствует контроль общественности за деятельностью этих предприятий.

Проведенный анализ говорит о том, что как в Японии, так и в России существует общественный консенсус относительно того, что ядерная энергетика развивается правительством и энергетическими компаниями в одностороннем порядке, без достаточной информационной открытости, и такая оценка общественности служит причиной возникновения у многих людей чувства недоверия и разочарования действиями политиков.

В этих обстоятельствах общественности сложно склониться к позитивному восприятию усилий правительства по развитию ядерной энергетике. В демократическом обществе граждане имеют право знать о действиях правительства, политиков и компаний, равно как и о причинах и последствиях таких действий. Более того, люди имеют право выражать собственное мнение, делать личные выводы и принимать или отклонять определенные направления деятельности власти. Необходимо помнить, что именно общество, в котором прилагаются максимальные усилия для реализации таких прав граждан, называется демократическим обществом.

¹ Zyl. N. van. Nuclear Power: Government policy and public opinion in the United States and Japan // Sustainable Energy. 2001. 1 May. P. 8; Dauvergne P. Nuclear Power Development in Japan // Asian Survey. 1993. Vol. 33. № 6. P. 576–591.

О. В. Хрущев

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОФСОЮЗНЫХ РАБОТНИКОВ

До сих пор в отечественной и западной социологии не существовало единого подхода к понятию «информационная культура». К тому же до сих пор, к сожалению, как не хватает исследований, пытающихся выяснить, чем же является информационная культура в понимании представителей различных социально-профессиональных групп. Как отмечает ряд социологов, иногда исследователь и респонденты разговаривают, не понимая друг друга, так как не определен основной предмет разговора. Вместе с тем высокий динамизм развития современного общества ярко высвечивает ряд экономических, политических, социальных, экологических и других проблем. Недостаточный уровень развития информационной культуры многих специалистов, в том числе и профсоюзных работников, стал

одной из существенных причин их появления. Поэтому в современной России встает проблема формирования информационной культуры личности.

Для дальнейшего анализа необходимо рассмотреть вопрос о том, какой смысл профсоюзные работники вкладывают в понятие информационной культуры.

Исследование показало, что содержание понятия «информационная культура профсоюзного работника» респондентами интерпретируется достаточно широко, причем независимо от уровня имеющегося образования: 37,6% опрошенных связывают информационную культуру профсоюзного работника с «широким запасом информации, знаний, необходимых для решения профессиональных задач», 30% – «с умением воспринимать и понимать информацию», а 20,7% – с «изучением различных источников информации для того, чтобы больше знать». Как видим, в этом случае респонденты не уловили главную сущность данного понятия – качественную характеристику информационной культуры: знания, информация необходимы для социального взаимодействия, а это значит, что человеку необходимо не только обладать знаниями, но и использовать их в повседневной жизни. Для 12,1% опрошенных информационная культура понимается как «степень овладения профессиональной информацией и трансляцией ее в практику», что является, на наш взгляд, адекватным отражением содержания информационной культуры профсоюзного работника. Близка к пониманию сущности и такая интерпретация информационной культуры, как «сбор, хранение, переработка, передача какой-либо информации». На это указали 11,2% респондентов. В целом же мы можем сделать вывод о том, что большинство профсоюзных работников, как и ряд других социально-профессиональных групп (педагоги, государственные служащие), недостаточно четко представляют содержание данного понятия¹.

Приведенные данные говорят также о том, что понятие информационной культуры не нашло пока еще воплощения в профессиональной деятельности профсоюзных работников. Так, 74,1% респондентов испытывают дефицит информации для эффективного осуществления своей профессиональной деятельности. Исследование показало, что существуют объективные и субъективные причины информационного голода. Среди объективных причин были названы дефицит времени (58,4%); удаленность от источников информации (17%); отсутствие сети Интернет (53%). Субъективные причины связаны с отсутствием навыков ориентации в потоке информации (13,9%); навыков пополнения обработки и систематизации информации (13,9%). Как видим, на разные субъективные причины указало одно и то же число респондентов. Можно предположить, что это одни и те же лица. Такая причина, как «дефицит времени», в современной России может выступать как объективным, так и субъективным фактором. С одной стороны, профсоюзные работники вынуждены решать свои экономические проблемы за счет подработок в свободное время, поэтому они действительно оказываются в условиях дефицита времени. С другой стороны, многие профсоюзные работники не умеют рационально использовать свое свободное время, отдавая предпочтение таким источникам информации, как телевидение, радио, газеты. Стоит заметить, что большая

часть респондентов причину дефицита информации связывают с объективными (внешними) обстоятельствами и лишь 13,9% видят причину в самих себе.

Одной из важных составляющих информационной культуры являются навыки владения современными методами сбора, анализа и обобщения информации. Исследование показало, что 53,3% опрошенных весьма посредственно владеют этими навыками, 30,3% – владеют хорошо, 9,5% – владеют плохо, а 7,9% – не владеют совсем. Между тем у 44,8% респондентов на работу с информацией уходит до 20% рабочего времени, а у 37,8% – до 50,0%. Недостаточная квалификация сотрудников, по мнению экспертов, мешает сократить время получения необходимой информации.

В настоящее время наметилась тенденция к уменьшению использования монографической и справочной литературы по проблемам трудового законодательства, социального партнерства и т. д., хотя информация, проходящая через профсоюзные комитеты, в основном нормативная (до 80,0%) и законодательная (до 70%).

Исследование показало, что способы представления информации, которые чаще всего используются профсоюзными работниками, остаются традиционными – «текст» отметили 63,2% респондентов, однако 25,8% опрошенных считают, что наиболее оптимальным способом передачи информации являются Интернет и электронная почта, что свидетельствует об инновационной составляющей информационной культуры.

Информационную культуру профсоюзного работника невозможно представить без коммуникативной составляющей – культуры общения, которая является средством обеспечения эффективной профессиональной деятельности. Однако, как показывает исследование, сегодня основными средствами и формами взаимодействия профсоюзных работников с членами профсоюзной организации остаются традиционные, такие как передача письменных документов (19,6%), регулярный прием граждан (63,4%), выступления в различных аудиториях (30,3%), электронная почта (44,8%), видеоконференции (6,3%), публикации материалов в СМИ (13,9%). Недостаточное внедрение в практику современных методов общения: видео-, интернет- и телеконференций, электронной почты свидетельствует о преобладании традиционных элементов информационной культуры профсоюзных работников, что не соответствует формирующемуся информационному обществу.

Исследование также показало, что информационная деятельность профсоюзных работников развита еще недостаточно. Уровень информационных потребностей большинства из них (до 70%), а также навыки получения необходимой информации и работы с ней не соответствуют современным требованиям.

¹ Василенко А. А., Рыбакова И. Н. Информационная культура в системе государственного управления. М., 2004; Герцог Г. А. Информационная культура инженерно-педагогических работников в современной России. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995; и др.

В. Г. Захаров

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА К РЕКЛАМЕ

Возвращение России к рыночной экономике обусловило особую актуальность исследований в области социологии рекламы. В докладах и выступлениях на всероссийских социологических конгрессах ученые говорили о том, что в области социологического дискурса рекламы существует большое количество «белых пятен». Отношение общества к рекламе хотя и является общепризнанной проблемой социологии рекламы, все еще нуждается в дальнейшем изучении.

В странах с развитой рыночной экономикой проблема отношения общества к рекламе исследуется достаточно давно. Так, например, в США общественная критика рекламы строится в основном вокруг следующих тезисов: «Реклама нарушает нормы языка»; «Реклама делает нас слишком материалистичными»; «Реклама манипулирует нами, заставляя делать ненужные покупки»; «Избыток рекламы»; «Оскорбительный характер рекламы и ее дурной вкус»; «Реклама утверждает стереотипы»; «Лживый характер рекламы»¹. Наиболее раздражающим видом рекламы во всех странах считается телереклама. Французская служба СОФРЕС установила, что 71% телезрителей страны считают, что в передачах слишком много рекламы; 74% согласны с создателями фильмов, протестующими против рекламных вставок, а 40% аудитории эти вставки не смотрят, отвлекаясь на другие дела². В ведущих странах Запада хорошо осознают, что реклама может приносить вред как личности, так и обществу в целом, а потому тщательно регулируют рекламную деятельность. Так, из всех рекламных материалов, проанализированных Федеральной торговой комиссией США, 97% были признаны удовлетворительными³.

О негативном отношении многих россиян к рекламе свидетельствуют такие факты: в Москве предпринималась попытка инициировать референдум о полном запрете на рекламу; в Уфе ряд граждан подали судебный иск на рекламу в средствах массовой информации, обвинив ее в создании социальной напряженности, влиянии на рост алкоголизма, наркомании и т. д. Среди пожилых россиян бытует мнение, что затраты на рекламу производители товаров и услуг компенсируют за счет взвинчивания цен на свою продукцию и что источник стрессов и неврозов небогатых граждан – реклама дорогих товаров и красивой жизни. Им вторит и ряд экспертов и специалистов в области рекламы: реклама – «пир во время чумы»; набор манипулятивных психотехник; не учитывает российские традиции и менталитет; малокультурна; навязывает чуждые ценности; в депрессивных городах не нужна и является социальной бестактностью⁴. Основоположник российской рекламы О. А. Феофанов считал, что спецификой современного отечественного рекламного рынка являются невежественность рекламодателей, непрофессионализм рекламистов, неразборчивость СМИ и удивительная доверчивость потребителей⁵.

Недовольство большинства россиян рекламой – это не только теоретическая, но и практическая проблема. Эксперты считают, что одной из причин случившегося во второй половине 1999 года кризиса в отдаче от традиционных средств рекламы является негативное отношение людей к рекламе.

По отношению к рекламе потребители подразделяются на три группы: «негативисты» (в России их 34%, они неприязненно относятся к рекламе); «рационалисты» (их 27%, они лояльны к рекламе и воспринимают ее как неизбежный атрибут рыночной экономики); «пожиратели» (их 39%, они активно и благожелательно потребляют рекламную продукцию)⁶. Существует и другой подход. Взяв за основание классификации внимание к СМИ и рекламе, а также степень вовлеченности в потребление последней, выделяют три типа людей:

– *вовлеченные*; они находятся под влиянием рекламы, реагируют на нее в СМИ и зависят в своем потреблении от рекламы. Их 24%;

– *любопытные*; это те, кто проявляет интерес к рекламе и СМИ, но это не отражается на их потребительском поведении. Они составляют 65%;

– *непробиваемые*; люди, принадлежащие к этой группе, не обращают внимание на СМИ и рекламу, безразличны к ним. Соответственно, реклама и СМИ не оказывают никакого воздействия на их потребительскую активность. Таких 11%⁷.

В России в целом более благожелательно относятся к рекламе дети и молодежь, люди с высоким уровнем дохода, немосквичи, граждане без ученой степени. Хуже относятся к рекламе пожилые люди, люди с низким уровнем дохода; москвичи, граждане с ученой степенью, коммунисты, верующие⁸. В странах с высоким уровнем жизни население более позитивно настроено к рекламе. Исследование, проведенное в разных регионах мира, выявило, что с суждением «Товаропроизводители дают достоверную информацию» согласились всего 9% респондентов в странах бывшего СССР и 23% – в странах Центральной Европы, а в странах Западной Европы и Северной Америки соответственно 30 и 43% опрошенных⁹.

Интересные результаты в ходе исследования рекламы получены социологами ВЦИОМ в 1995 году. На вопрос: «Насколько часто наша реклама вводит в заблуждение или преувеличивает пользу продукта для здоровья?» – 31,9% опрошенных ответили: «очень часто», а 42,1% – «довольно часто» (в сумме 74%). На вопрос: «Насколько часто реклама побуждает к правильным действиям, полезному поведению?» – 40,9% респондентов ответили: «не очень часто», а 30,7% – «почти никогда» (в сумме 71,6%)¹⁰. Красноречивые данные о негативном отношении россиян к рекламе были получены Gallup Media в 1999 году: 29,5% опрошенных реклама совсем не нравится, а еще 41% она не нравится в общем. Для сравнения: исследование, проведенное в 22 экономически развитых странах мира, показало, что население этих стран к рекламе относится более позитивно, и выявило всего от 10 до 20% недовольных рекламой¹¹.

Наиболее широкий спектр негативных и позитивных мнений жителей России о рекламе был выявлен в результате контент-анализа некоторых характеристик рекламы по результатам опросов людей методом «незаконченных предложений» в период с 1995 по 2000 год. Приведем негативные высказывания респондентов

о рекламе. Реклама отрицательно влияет на *экономическую ситуацию и жизнь людей*, так как «обманывает людей, экономически необоснованно перераспределяет деньги (из карманов трудящихся они попадают к проходимцам), создаются финансовые пирамиды и т. п., способствует тому, что товары стоят намного дороже, так как затраты на рекламу включаются в цену товара»¹². Реклама отрицательно влияет на *культурную жизнь людей*, так как «разрушает сложившуюся за десятилетия, а может быть, столетия структуру ценностей, создает ситуацию, когда информация о научных открытиях, способных повлиять на будущее человечества, воспринимается людьми как менее интересная и важная, чем информация о выпуске, например, новой бытовой техники или стирального порошка; сегодня дети хуже запоминают стихи, чем рекламные слоганы, и не видят разницы между ними; реклама на телевидении, прерывая художественные фильмы, вызывает негативные эмоциональные реакции и может приводить к эмоциональным расстройствам; такая реклама лишает человека способности чувствовать, сопереживать, разрушает его эмоциональный мир»¹³. Реклама отрицательно влияет на *эстетические ценности*, так как «в ней часто используются малохудожественные поделки, для привлечения внимания рекламисты прибегают к демонстрации примитивной пошлой эротики, агрессии, используют приемы грубого психологического давления, лишают людей художественного вкуса; низкопробная наружная реклама ухудшает внешний вид городов, памятников старины и архитектурных сооружений»¹⁴. Реклама отрицательно влияет на *индивидуальное и интеллектуальное развитие человека*, так как «транслируется в большем объеме и подается более ярко, чем любые культурные, научные, публицистические и другие развивающие передачи; зрители вынуждены чаще смотреть примитивные развлекательные программы, чем познавательные, расширяющие их кругозор; появилось большое количество играющих на доверии граждан финансовых авантюристов, лжепророков, бездарных честолюбивых людей, рвущихся наверх, использующих нечестно нажитые деньги, связи и доступ к средствам массовой информации»¹⁵.

Весьма интересными и перспективными нам представляются исследования отношения к разным видам и типам рекламы представителей различных рекламных аудиторий, выделенных по ряду социальных, психологических и демографических характеристик. Наиболее негативно россияне оценивают рекламу на телевидении и радио, менее негативно – в прессе. Москвичи положительно относятся к рекламным газетам и крайне негативно к звуковой рекламе в метро, наземном транспорте и на улице через мегафон, к рекламным листовкам в почтовом ящике¹⁶. Многочисленные претензии к наружной рекламе, в частности к растяжкам, связаны с необходимостью обеспечения безопасности автомобильного движения (водителей подобная реклама отвлекает) и эстетическими соображениями (наружная реклама зачастую портит архитектурный облик города).

В последнее время в России получили развитие теория и методика психотехнического анализа рекламы. Оказывается, что даже самая безупречная в правовом и нравственном отношении реклама может не пройти тест на психологическую безопасность и спровоцировать у потребителя различные психогенные наруше-

ния поведения, сознания или общения, а также вызвать ухудшение физического состояния. Многие зрители, и не только пожилые, отмечает Е. Е. Пронина, испытали дискомфортные, даже пугающие ощущения при просмотре рекламного ролика: «Шелл: сердце вашей машины», где вид сокращающегося сердца-мотора сопровождался многократно усиленным звуком затрудненного сердцебиения. Воздействие этого рекламного ролика способно вызвать тахикардию, другие нарушения сердечного ритма, вплоть до фатального исхода¹⁷. Принцип корректности рекламы «требует в практической плоскости ставить вопрос о разработке методики по выявлению случаев нарушения психологической безопасности, а также гарантиях защиты психического здоровья как фундаментального права человека»¹⁸. На коварность деструктивного психологического воздействия рекламы на личность указывал Вильсон Кей в книге «Подсознательное обольщение»: «Телевизионная реклама выглядит глуповатой, топорной и неэффективной специально. Она делается такой на уровне осознания, чтобы сознательно быть отвергнутой и высмеянной. Целью же ее в человеческом мозгу является бессознательное. Настоящее сообщение, то, которое продает, тайно имплантируется в бессознательное зрителя»¹⁹.

На первый взгляд, есть такой тип рекламы, как социальная реклама, которая уже по своей сущности, направленности на пропаганду общезначимых социальных ценностей не может нанести вред ни гражданину, ни обществу. Вспомним «первую ласточку» социальной рекламы в России – телевизионный видеоролик «Позвоните родителям!». Но, на наш взгляд, и с социальной рекламой не все обстоит так просто. Например, некоторые европейские видеоролики, направленные против ношения одежды из шкур «братьев наших меньших» удивляют агрессивностью и крайне оскорбительны для тех, кто предпочитает носить шубы из натурального меха. Социальный рекламный видеоролик, посвященный борьбе с наркотиками, в котором годовалый ребенок берет огромный кухонный нож и собирается засунуть его себе в рот, был признан в результате экспертизы опасным для психического здоровья.

Часто давая оценку рекламе, приходится оговаривать, относится ли эта оценка только к коммерческой, политической или также и к социальной рекламе. Размышляя над этим, я пришел к выводу, что многие образцы рекламы, относимые к социальной, сущностно отличаются от традиционной рекламы. Как известно, реклама входит в систему маркетинга. Обратимся к классическому определению маркетинга Ф. Котлера: «Маркетинг – социальный и управленческий процесс, с помощью которого отдельные лица и группы лиц удовлетворяют свои нужды и потребности посредством создания товаров и потребительских ценностей и обмена ими (курсив мой. – В. З.) друг с другом»²⁰. По нашему мнению, реклама, родовым образом принадлежа к маркетингу, несет в себе и его родовую черту – способствует обмену, причем в ситуации свободного выбора. С коммерческой рекламой ясно: «Товар – деньги». В политической рекламе кандидат или партия предлагают избирателям отстаивать их интересы, решать их проблемы, прося в обмен оказать доверие и отдать свои голоса. Даже такая сугубо некоммерческая

организация, как церковь, обращаясь к социальной рекламе (речь идет о западной практике), предлагая более удобные условия и качественное удовлетворение религиозных потребностей и интересов, стремится увеличить количество своих прихожан, «конкурируя» с другой церковью (приходом). А теперь вернемся к так называемой социальной рекламе – телевизионному видеоролику «Позвоните родителям!». По нашему мнению, это не реклама, а ценностный посыл: не забывать родителей, – умноженный на силу телевидения (частые повторы в эфире), безадресно направленный в социальное пространство. Он не имеет конкретного рекламодателя, не предполагает обмена ценностями, оценки коммуникативной эффективности (сколько граждан в результате просмотра видеоролика позвонили родителям, а сколько уклонились от выполнения нормы), то есть всего того, что имеет традиционная реклама, отвечающая сути этого понятия.

Тезис о возможности и желательности полного запрета на рекламу мне пришлось недавно услышать на одной из конференций из уст довольно уважаемых ученых. Развернутая аргументация ложности этого утверждения должна, на наш взгляд, выглядеть следующим образом. Реклама – элемент маркетинговых коммуникаций, а последние являются неотъемлемой частью комплекса маркетинга. Маркетинг, в свою очередь, важнейшая «ветвь» менеджмента, справедливо характеризуемая как философия бизнеса. Производство и распределение материальных благ (отчасти и некоторых духовных) немислимо без современного менеджмента. Таким образом, в современном мире существование такого важнейшего социального института, как экономика, без рекламы невозможно.

Претензии к рекламе: «она нас обманывает», «вводит в заблуждение» – не совсем по адресу. Обманывают нас, используя рекламу, вполне конкретные люди, другие люди – законодатели и представители надзорных органов в сфере рекламы – порой позволяют им это делать (да и нам самим не следует быть такими легковверными). Реклама может быть элементом обмана, его «надводной» частью и доводить причину до следствия, то есть входить в состав причины обмана, но не быть самой причиной. Реклама по своей сущности не является порочной. Используя мощные социально-психологические технологии, реклама может быть сильным оружием, направленным как во зло, так и во благо. В ноябре 2002 года в Нигерии проходил конкурс «Мисс мира». Одна из газет в попытке подогреть интерес к конкурсу написала, что его участницы так прекрасны, что даже пророк Мухаммед не отказался бы взять их в жены. Это переполнило чашу терпения многих мусульман, оскорбленных уже самим фактом проведения подобного конкурса. Итог оскорбления их религиозных чувств печален: сотни убитых и раненых, сожженные дома и магазины. Финал конкурса его устроители были вынуждены перенести в Великобританию. А вспомним мощную рекламу потребления пива, которая только в последнее время была законодательно несколько ограничена. И это только после того, как употребление пива в России увеличилось в четыре раза и остро встала проблема пивного алкоголизма, в том числе среди детей.

На наш взгляд, не бесспорно и нуждается в обсуждении следующее положение из статьи «Реклама» в «Социологической энциклопедии»: «Рекламу мож-

но рассматривать в настоящее время как социальный институт. Этот институт упорядочивает процесс формирования индивидуальных, групповых и общественных представлений об идеальной модели социальной практики в сфере потребления, а также предлагает социально одобряемые пути реализации этой модели»²¹. Анализ институционального статуса рекламы не входил в задачи этой статьи, а вот положения об «идеальной модели социальной практики в сфере потребления» и «социально одобряемых путей реализации этой модели» есть желание оспорить. Много лет, читая газету «Телесемь», справа от телевизионной программы я постоянно нахожу рекламу различных магов и «духовных целителей». Но что-то удерживает меня прибегнуть к их услугам: снять венец безбрачия, заглянуть в будущее, обрести надежную защиту от злых людей, воспользоваться любовной магией, приворожить очаровательную коллегу и т. д. А ведь по логике авторов статьи «Реклама» из социологической энциклопедии это бы вполне соответствовало социально одобряемой и идеальной модели социальной практики в области потребления. А если это не так, то почему подобная реклама годами занимает самые дорогие рекламные места российских газет и журналов? С точки зрения врачей и хорошего вкуса, если уж употреблять алкогольные напитки, то лучше обратить свое внимание на красные и белые сухие вина. И много рекламы сухого вина вы видели? А вот рекламой пива да еще с красочной демонстрацией его употребления прямо из горлышка бутылки – на ходу, развернув козырьки кепок назад, – недавно был забит весь телевизионный эфир. Так, значит, социально одобряемая и идеальная модель потребления алкогольных напитков – пиво, а питье сухого вина – далекая от идеала и социально отсталая модель потребления? А на деле получается, что моду и стиль потребления диктует получаемая от товаров прибыль и объем рекламных инвестиций в эти группы товаров. К слову сказать, рекламное законодательство и рекламные практики в разных странах отличаются, а следовательно, польза и вред от рекламы, как и оценка рекламы потребителями, различны еще и по этой причине. Так, например, рекламу в Германии, в отличие от России, нельзя упрекнуть в том, что она формирует психологические установки больных на самолечение, бездумное употребление лекарств, так как в СМИ широко могут рекламироваться только витамины и общеукрепляющие средства, а лекарственные препараты рекламируются в специальных профессиональных медицинских изданиях, рассчитанных на врачей.

Обоснованным и практически важным представляется изучение отношения к рекламе потребителей различных рынков, в том числе региональных (финансового рынка, рынка труда, рынка услуг мобильной связи, рынка недвижимости и т. д.). Автором этой статьи совместно с С. Я. Сухаревым в Тюмени впервые были проведены социологические опросы «Реклама регионального рынка недвижимости в оценке потребителей» на основе квотной ступенчатой выборки в 2002 и 2005 годах (более 1600 респондентов). Приведем некоторые результаты этого исследования. (Часть из них этих вошли в наши доклады на всероссийских социологических конгрессах²².)

«Доверяете ли вы рекламе в целом?» На этот вопрос ответы распределились следующим образом: «да, вполне доверяю» – 8% в 2002 году и 9% в 2005 году; «не совсем доверяю» – 69% в 2002-м и 67% в 2005 годах; «не доверяю» – 23% в 2002-м и 24% в 2005 годах.

Принципиально важным для нашего опроса был вопрос о доверии рекламе в сфере недвижимости. На вопрос «Доверяете ли вы рекламе в сфере недвижимости?» в 2002 году утвердительно ответили лишь 15% опрошенных, а в 2005-м – 12%. Большинство респондентов – 69% в 2002 году и 68% в 2005 году – не совсем доверяют рекламе в сфере недвижимости. Не доверяли рекламе в сфере недвижимости 16% в 2002 году и 20% в 2005 году. (Наиболее высок процент не совсем доверяющих рекламе в сфере недвижимости среди тех потребителей, кто самостоятельно, без помощи посредников покупал квартиру, – 71%. Нам представляется, что ответы людей, практически столкнувшихся с рекламой недвижимости и на собственном опыте проверивших ее объективность, особенно достоверны.) В целом с 2002 по 2005 год уровень доверия к рекламе в сфере недвижимости несколько понизился.

Преобладающей оценкой объема рекламы в сфере недвижимости является оценка: «рекламы достаточно» – 50% в 2002 году и 48% в 2005 году. Некоторые из опрошенных считают, что ее даже слишком много: 11% в 2002 году и 14% – в 2005 году. Мнение, что рекламы слишком мало, разделяли 19% респондентов в 2002-м и 16% в 2005 годах.

Просьба к потребителям оценить качество рекламы и достаточность средств и носителей рекламы в сфере недвижимости дала следующие результаты. Лишь по 2% ответивших в 2002 и в 2005 годах оценили рекламу в сфере недвижимости как рекламу высокого качества, 50% ответивших в 2002 году и 47% ответивших в 2005 году воспринимали ее как рекламу среднего качества, 21% респондентов в 2002 году и 20% – в 2005 году оценили рекламу в сфере недвижимости как рекламу низкого качества. 32% респондентов в 2002-м и 26% – в 2005 году считали, что используется недостаточно средств и носителей рекламы, а 29% в 2002-м и 30% в 2005 году полагали, что их «вполне достаточно». То есть ответы распределились практически поровну. Существенно разнятся ответы на этот вопрос тех, кто покупал, и тех, кто продавал собственную квартиру. Среди тех, кто покупал квартиру, 43% считают, что в рекламе недвижимости используется недостаточно средств и носителей рекламы. Среди тех, кто продавал квартиру, таких 23%. Это отражает ситуацию на рынке недвижимости, когда потребителю купить квартиру искомого качества (планировка, район, этаж, инфраструктура и т. п.) было труднее, чем владельцу квартиры ее продать.

Больших изменений за три года в структуре отношения респондентов к объему, качеству и носителям рекламы в сфере недвижимости не произошло, но можно сделать вывод об общем неблагоприятном развитии картины в динамике. Негативных оценок стало незначительно больше, тогда как количество позитивных оценок практически не изменилось. Только 2% стабильно отвечают, что реклама в сфере недвижимости имеет высокое качество.

Доверие к рекламе в целом в 2005 году достаточно низкое, но в сфере недвижимости несколько выше, что, скорее всего, обусловлено тем, что жилье относится к насущным человеческим потребностям и, используя современный сленг, его не надо «впаривать». Заметно критическое отношение к качеству рекламы, при этом количественный объем рекламы потребителя вполне устраивает.

Спектр точек зрения на более развернутый вопрос о качестве рекламы в сфере недвижимости следующий: «реклама объективная и правдивая» – 3% в 2002 году и 4% в 2005 году; «неправдивая реклама встречается, но очень редко» – 14% в 2002 году и 16% в 2005 году; «в большинстве своем реклама является ложной» – 9% в 2002 году и 11% в 2005 году; «встречается не то что ложная, а скорее неточная и устаревшая информация о продаваемых объектах недвижимости» – около 32% в 2002 и 2005 годах. Интересно, что оценку «встречается не то что ложная, а скорее неточная и устаревшая информация» дали 43% из числа тех, кто покупал квартиру, и 34% из числа тех, кто продавал квартиру самостоятельно. В целом, ответы на этот вопрос показывают, что реклама в сфере недвижимости соответствует скорее удовлетворительной оценке.

Среди тех, кто не совершал сделок с недвижимостью, в среднем в два раза больше тех, кто не доверяет рекламе в этой сфере и кто считает, что такой рекламы слишком много. Опыт покупки-продажи недвижимости несколько улучшает оценку этими потребителями рекламы в сфере недвижимости.

По каким параметрам в нашем исследовании структурируется отношение респондентов к рекламе вообще и к рекламе на рынке недвижимости в частности? Оказалось, что женщины более терпимы ко всем видам рекламы, чем мужчины. Распределение по полу максимально значимо связано с доверием к рекламе. Мужчины не доверяют рекламе в среднем почти в два раза чаще, чем женщины.

Возраст и образование, по данным нашего опроса, не повлияли на доверие к рекламе. Вторым статусным параметром, влияющим на доверие к рекламе, оказалось материальное положение.

Доверие к рекламе растет с ростом материального благосостояния. Чем более затруднительное материальное положение респондентов, тем меньше их доверие к рекламе. Оценки достаточности объема рекламы в сфере недвижимости оказались значимо связаны только с возрастом опрошенных. Критичность к объему рекламы («рекламы слишком много») растет с возрастом. Молодые люди в два раза чаще, чем пожилые, считают, что рекламы достаточно.

Оценки качества рекламы в сфере недвижимости становятся более низкими с увеличением возраста, ростом материального положения и образовательного уровня респондентов.

¹ Бове К., Аренс У. Современная реклама / Под ред. О. А. Феофанова. Тольятти, 1995. С. 45–54.

² Федотова Л. Н. Социология рекламной деятельности. М., 2002. С. 191–192.

³ Бове К., Аренс У. Указ. соч. С. 55.

- ⁴ Александров Ф. РОРы, ИРы и российский креатив // Рекламные технологии. 2001. № 3. С. 14–17.
- ⁵ Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России. СПб., 2000. С. 39.
- ⁶ КОМКОН информирует // Реклама. 2000. № 2. С. 11.
- ⁷ Школьник Л. С. Уроки рекламных королей. М., 1998. С. 99.
- ⁸ КОМКОН информирует. С. 9–11.
- ⁹ Федотова Л. Н. Указ. соч. С. 191–192.
- ¹⁰ Школьник Л. С. Указ. соч. С. 189.
- ¹¹ Там же. С. 190.
- ¹² Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. СПб., 2002. С. 328.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 329.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Наружная реклама глазами москвичей-2 // Рекламные технологии. 2000. № 1, С. 5.
- ¹⁷ Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. М., 2002. С. 17–18.
- ¹⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁹ Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М., 2000. С. 355.
- ²⁰ Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д., Вонг В. Основы маркетинга. Москва; Санкт-Петербург; Киев, 1998. С. 22.
- ²¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 329.
- ²² Захаров В. Г., Сухарев С. Я. Неформальные практики в сфере рекламы на рынке недвижимости // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М., 2006. Т. 7. С. 48–51.

О. Н. Шестопалова

ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В процессе своей жизнедеятельности каждый человек стремится найти некие устойчивые образы, формы и шаблоны, которые помогли бы упорядочить, систематизировать и объединить его опыт. Именно эти обобщенные образы и действия, поведение и сознание, повторяясь и вызывая к себе устойчивое отношение людей, ученые называют стереотипами¹. Их роль сегодня все возрастает, так как они позволяют быстрее ориентироваться в жизни, при этом в какой-то степени сокращаются затраты умственной деятельности, они по праву становятся существенными элементами как индивидуального, так и общественного сознания.

Стереотип – это приспособительная реакция организма к ситуациям, повторяющимся множество раз. Социальный стереотип возникает в процессе совместной, устойчивой, повторяющейся деятельности людей и обеспечивает ее воспроизводство, выражаясь в привычно выполняемых действиях, правилах, нормах, традициях, обычаях общественной жизни. Социальный стереотип выражает типичное, закрепленное в сознании и поступках человека отношение к многообразным явлениям общественной жизни, другим людям и их общностям. Он аккумулирует предшествующий опыт индивида и различных социальных групп, сложившийся

под влиянием социально-исторических условий, других компонентов социальной среды в своеобразный алгоритм отношения к соответствующему объекту.

Стереотипы характеризуют развитие сознания в разных его проявлениях, на любом уровне (индивидуальном, групповом и массовом, научном и обыденном, равно как и вненаучном и антинаучном). В каждом из этих случаев стереотипы имеют свои особенности. Чем больше развито знание и развернуто обоснование фиксируемых в нем отношений реального мира, тем шире, подвижнее, гибче лежащие в его основе обобщенные и устойчивые формы. И наоборот, узость и поверхностность сознания являются базой для узости и абстрактности его стереотипов и в то же время приверженности к ним.

Чтобы уяснить особенности и характер действия стереотипов в различных условиях, необходимо прежде всего учесть многообразие их форм. Попытка классификации стереотипов была предпринята Л. Гуслияковой, она выделила пять оснований для типологии². На наш взгляд, данная классификация может быть уточнена и дополнена. В результате такой аналитической работы выделяются следующие логические основания.

1. *Направленность, или степень адекватности стереотипов.* В соответствии с этим можно говорить об *истинных* или *ложных* стереотипах («положительных» и «отрицательных»). К «положительным» можно отнести облегчение возможности быстро ориентироваться в окружающей действительности, обретение способности к обобщению, синтезу, концентрации внимания. В основе формирования таких стереотипов лежит здравый смысл. «Отрицательные» обуславливают большую степень консервативности (условия меняются, а стереотипы остаются прежними), упрощают подходы к оценке тех или иных явлений, людей (примерами могут служить всевозможные предрассудки).

Вопрос об адекватности стереотипов имеет свою историю. Одной из характерных черт ранних исследований, посвященных стереотипам, является то, что к ним относились лишь как к неадекватным обобщениям. В дальнейшем в результате многих экспериментальных исследований было показано, что стереотипы могут быть как неадекватными, так и адекватными. Для проверки стереотипов на адекватность в основном использовался анкетный метод и изучение определенных документальных материалов. Взгляды различных авторов на проблему адекватности стереотипов не раз анализировались в литературе (А. А. Бодалев, П. Н. Шихирев, Г. Оллпорт и др.).

2. *Субъект формирования стереотипов.* Одни из них складываются бес-субъектно, или *стихийно*, в зависимости от индивидуального опыта, от разнообразных случайных переплетений его с опытом общественным. Такие стереотипы в достаточной мере устойчивы в самых различных условиях, они сходны в целом с чувствами симпатии и антипатии. Они часто могут быть узколичностными и, наоборот, весьма широкими, и в то же время нейтральными, связанными больше всего с традицией, обоснование которой скрыто временем и давним происхождением.

Другие стереотипы формируются *сознательно* в результате воздействия различных факторов: идеологических, культурных, национальных и др. Они имеют

достаточно четкую направленность, которая в случае реакционности идеи может быть вполне искусно завуалирована. Стереотипы «приживаются» в том случае, если субъектом учитывается специфика и природа уже имеющихся стереотипов. Существуют ситуации, когда стихийно сформированные стереотипы, например национальные предубеждения, сложившиеся на основе воспитания и общения в семье или группе, подвергаются целенаправленному воздействию и превращаются в националистические предрассудки. В результате стереотипы могут быть и разнонаправленными, если они возникают под воздействием различных систем идей (например, в обществе сталкиваются враждебные друг другу мировоззрения различных классов).

3. *Объект стереотипизации.* Стереотипы могут быть направлены как на отдельного человека, так и на представителей каких-то определенных социальных групп или просто на массу людей. Следовательно, можно говорить об *индивидуальных, групповых и массовых* стереотипах. Первые формируются в ходе неповторимого житейского опыта под влиянием самых разнообразных, порой совершенно случайных факторов. Они способны принимать весьма причудливую форму и выступать в качестве различного рода предубеждений, распространяясь на любые явления и процессы, реализуясь через установки, выражаясь в привычках. Чаще всего они носят нейтральный характер в том смысле, что в них проявляется лишь индивидуальный опыт, лишенный окраски классовых, национальных и других социальных особенностей. Но они способны и усиливаться под воздействием других сознательно вносимых стереотипов, которые, в свою очередь, придают им определенную направленность.

Групповыми стереотипами можно назвать те закрепившиеся в сознании и повторяющиеся образы, которые разделяются и воспроизводятся любым членом какой-либо социально организованной группы. Например, различные национальные стереотипы или профессиональные стереотипы, своеобразие которых определяется спецификой трудовой деятельности, не принятой в другой социальной группе. К ним относятся и классовые стереотипы, определяющиеся местом данного класса в системе производства того или иного общества. Особый интерес представляют массовые стереотипы. Они могут принадлежать представителям любого класса, любой национальности. Формы их проявления различны, они существуют даже в том случае, когда толпа анонимна.

4. *Сфера проявления стереотипов.* Можно выделить стереотипы *мышления* (через стереотипы-образы и стереотипы-оценки) и *поведения*. Стереотипы-образы порой могут выступать в виде идеологических построений, через которые в сознание личности, группы, общества в целом вносится чаще всего предвзятое отношение к различным социальным, политическим, экономическим или другим явлениям, процессам, лидерам, странам (например, стереотипы восприятия таких образов, как «враг народа», «железный занавес», «свободный мир», «свободный рынок» и др.). Стереотип поведения – это система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение путем сигнальной наследственности, специфичная для каждого социального коллектива, общности. Стереотип поведения складывается

в процессе адаптации к окружающей среде. Собственный стереотип поведения воспринимается членами определенной социальной общности как единственно возможный, нормальный стандарт взаимоотношений, образа жизни и действия людей.

5. *Степень изменчивости стереотипов.* В одних случаях они могут быть *стабильными, консервативными*, в других – *подвижными*. А. В. Меренков указывает, что устойчивость социальных стереотипов определяется двумя факторами. Во-первых, соответствием стереотипа условиям жизнедеятельности конкретного индивида (или группы). Чем чаще его использование приводит к дисфункциональным последствиям, тем интенсивнее он будет изменяться, то есть здесь подчеркивается фактор личностного, индивидуального опыта. Во-вторых, временем возникновения: чем старше культурные традиции использования данного стереотипа, чем раньше он возник, тем труднее будет происходить процесс трансформации. Здесь выделяется социокультурный фактор, влияние общества на индивида³.

6. *Характер осмысления действительности и взаимодействия с ней* позволяет выделить три вида стереотипов: *восприятия, осмысления информации и практического действия*⁴. Стереотипы восприятия представляют собой программу первичной обработки тех сигналов внешней действительности, которые воздействуют на органы чувств. Они создают некую модель, на основе которой происходит сравнение запечатленного образа с тем, что человек получает во всех последующих случаях. Тем самым стереотипы восприятия позволяют очень быстро выделить известные предметы среди многообразия внешнего мира и сформировать готовность для оперирования ими. Стереотип осмысления действительности представляет собой наиболее сложный вид оперирования устойчивыми программами анализа, поскольку приходится постоянно выделять самые существенные характеристики предмета познания и соединять их в определенном порядке. Они, в свою очередь, определяют содержание и направленность будущего стереотипа практической преобразовательной деятельности.

7. *Функциональное значение стереотипов.* Здесь можно выделить *созидательные и разрушительные*. Это стереотипы, в которых заложена созидательная или разрушительная модель поведения. Одни формируют определенную программу действий соответственно принятым и поддерживающим целостность группы представлениям и образам; другие, напротив, разрушают ее.

8. *Содержание стереотипов* позволяет разделить их на две категории: стереотипы, характеризующие людей *как членов определенных групп* (национальных, социальных, политических), и стереотипы, характеризующие *личностные особенности людей* по их поведению, физическим качествам, оформлению внешности и т. д. В настоящее время изучены такие виды стереотипов, как национальные, этнические, ролевые, гендерные, возрастные, статусные и некоторые другие.

По мнению всех изучающих стереотипы, главной их характеристикой является то, что они связаны с процессами функционирования социального субъекта, обеспечивают воспроизводство уже имеющихся форм сознания и поведения индивидов.

Таким образом, в представленной типологии стереотипов можно найти критерии анализа их сущности, причины и следствия. Это позволяет научно объяснить поведение людей, особенности их взаимодействия.

¹ *Меренков А. В.* Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001; *Гуслякова Л.* Что такое стереотип и надо ли с ним бороться? // Покушение на незыблемое или...?: Стереотипы социально-политического сознания и перестройка / Под ред. Т. Шмелевой. Барнаул, 1990; *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М., 1999; *Ядов В. А.* Социальный стереотип // Философская энциклопедия. М. 1970; *Рождественская Н. А.* Роль стереотипов в познании человека человеком // Вопросы психологии. 1986. № 4 С. 69–76; *Семендяева О. Ю.* Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: Дис. ... канд. соц. наук. М., 1986; *Коробов В. К.* Теоретико-методологические основы стереотипов образа жизни // Образ жизни в условиях перестройки. М., 1992; *Ванина О. Н.* Исследование феномена социального стереотипа: социально-психологический и социологический подходы. Самара, 1997; и др.

² См.: *Гуслякова Л.* Указ. соч. С. 5–8.

³ *Меренков А. В.* Указ. соч. С. 8–30

⁴ Там же. С. 42–52.

Н. Б. Хазова

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Рыночные преобразования в России за последние пятнадцать лет так и не дали ожидаемого эффекта в развитии экономики. Экономическая политика государства не отвечает в полной мере интересам граждан. Проблема заключается в том, что до начала реформ у населения существовали определенные идеализированные представления о последствиях утверждения принципов рыночной экономики. Эти взгляды строились на стереотипах восприятия западной экономики. Люди видели результаты развития производства, но имели смутные представления о том, как они были достигнуты, поэтому весь период утверждения рыночных принципов в нашей стране представлял собой противоречивый процесс столкновения экономических стереотипов с реальностью. Экономические стереотипы представляют собой устойчивые программы людей в сфере производства, распределения и потребления материальных и духовных благ. Они всегда являются некой схемой осмысления экономических процессов и осуществления поведения человека на производстве, при приобретении благ и их использовании.

Экономические стереотипы формируются в процессе воспроизводства всей системы экономических отношений социального субъекта. Они отражают тенден-

ции развития этих отношений и определяют соответствующее поведение. Понимание сущности экономических стереотипов, их роли в экономической деятельности людей определяется основными закономерностями функционирования социально-экономических явлений как воспроизводства определенной экономической системы. Развитие и многообразие экономических стереотипов, а также их эффективность проявляется в процессе усложнения хозяйственной жизни общества.

Механизм формирования стереотипов невозможно понять без учета природных инстинктов, сформировавшихся десятки и сотни тысяч лет, определяющих эмоциональную основу всякого, в том числе и экономического, поведения. В основе экономического стереотипа – природный инстинкт удовлетворения базовых потребностей. В первобытном обществе чувство голода подвигало людей на охоту и собирательство, а трудности добычи необходимого количества пищи способствовали коллективной деятельности. Иерархия, а значит, определенное социальное неравенство, и распределение ресурсов основывались на господстве самых сильных, ловких, зорких, смелых и т. п. – то есть на природных качествах. Устойчивые факторы среды обитания вызывали появление нужных стереотипов (инстинктов): инстинктов «индивидуализма» – питания, продолжения рода, самосохранения, присвоения, агрессии; инстинктов «развития» – свободы, соревновательности, игры, охотничьего, любознательности, творчества; инстинктов «социалитета» – справедливости, сочувствия, подражания, группового (стадного), иерархического.

Однако если социальные стереотипы и «вырастают» из природных инстинктов, то отличаются они тем, что «формируются как устойчивые, добровольно осуществляемые в процессе осознания их смысла, содержания и форм реализации»¹. Кроме того, эти стереотипы обеспечивают воспроизводство отдельных видов и деятельности общности в целом. Главный принцип жизнестойкости экономической системы – это соответствие природным основам человеческой психологии и вековым традициям социальной общности. От темпов изменения общественной жизни зависит устойчивость существующих стереотипов не только в экономической, но и в других сферах жизни человека. Содержание экономических стереотипов раскрывается через экономические нормы и ценности, потребности, мотивы и интересы социальных субъектов, участвующих в производстве, распределении, потреблении.

Противоречие возникает при столкновении групповых и индивидуальных экономических стереотипов. Выделяют три основные формы взаимодействия групповых и индивидуальных стереотипов². Первая характеризуется тем, что приоритет отдается индивидуальным стереотипам, в которых господствует природное начало, отрицающее какие-либо социальные требования, смысл, содержание и способы реализации. В экономической жизни это проявляется, например, в уклонении от уплаты налогов. Преобразование природной основы индивидуально-группового стереотипа путем освоения норм и правил, в которых выражаются групповые стереотипы, – вторая форма взаимодействия. Чтобы конструктивно действовали инстинкты и самосохранения, и соревнования, и справедливости, хозяйственная

система должна сочетать механизмы реальной хозяйственной борьбы, угрозы вытеснения с механизмами экономического социального страхования и поддержки. В последней форме личность полностью руководствуется целями и интересами социума. Однако стереотип «альтруистического» поведения чаще вытесняется «эгоистическим», так как эгоизм – более устойчивое чувство, основанное на природных началах.

Стереотипы возникают, когда экономическая деятельность в содержании и формах ее осуществления практически не меняется. Примером этого может быть организация патриархального хозяйства. Работники, занятые производством сельскохозяйственной продукции, воспроизводили одни и те же приемы работы и пользовались давно созданными орудиями труда, руководствовались едиными нормами и правилами взаимодействия между работниками.

В основе экономической деятельности лежит потребление, а стереотипы по поводу потребления – самые устойчивые, так как в них заложен природный механизм воспроизводства человека как биосоциального существа. Изначально *oecopomía* – принцип домашнего хозяйства, который состоит в производстве для удовлетворения собственных потребностей. Раньше независимо от того, что именно составляло самодостаточную хозяйственную единицу – семья, поселение или феодалное поместье (организмы весьма несходные по своей природе), – в основе ее лежал один и тот же принцип: производство необходимых продуктов и обеспечение физического воспроизводства членов данной группы для удовлетворения потребностей членов данной группы.

Рациональность стереотипов потребительского поведения определяется и тем, что они должны обеспечить защиту и воспроизводство определенной системы ценностей, на основе которых функционируют конкретные потребительские ячейки. Речь идет о системе традиций и образцов поведения, которые репрезентируют социальную матрицу домашних хозяйств, делая ее конкретной и относительно самостоятельной культурной единицей. Последняя, базируясь на определенных ценностях и предпочтениях, сохраняет и транслирует конкретные стереотипы потребительского выбора, передаваемые другим поколениям.

Влияние различных социальных норм на экономическое поведение человека сильнее всего проявляется в сфере распределения товаров и услуг. Распределение в традиционном обществе тесно связано с эгалитаризмом и иерархизмом традиционного социума и сознания. С одной стороны, все члены традиционного общества могли претендовать на соответствующую их статусу долю общественного продукта. С другой стороны, эта доля была строго определена и фиксирована. Вследствие ограниченности ресурсов и средств существования, а также традиционной рутинности орудий труда и технологий, объем производимого продукта был стабилен и представлялся неизменным, поэтому стереотипы по поводу распределения всегда тесно связаны с социальной структурой общества и имеют явно выраженную морально-нравственную оценку.

Стереотипы трудовой деятельности, связанные с использованием орудий труда, технологий создания различных товаров и услуг, оказываются наименее

устойчивыми в условиях ускорения темпов технического и технологического обновления производства.

Тип экономики того или иного общества определяется в первую очередь характером базовых экономических институтов. Один из таких институтов – институт собственности, а в рыночной экономике – институт частной собственности. Переход к рыночной экономике в России характеризовался отсутствием в сознании людей тех стереотипов поведения, которые обеспечивают успешное владение требованиями, предъявляемыми самой частной собственностью, формами распределения продуктов, зависимостью от материального достатка. У подавляющего большинства населения сформировались экономические стереотипы при господстве общественной собственности на средства производства, поэтому им было трудно адаптироваться к новой экономической ситуации. Но радикальные перемены в краткосрочной перспективе негативно сказываются на восприятии людей. Поэтому они продолжают воспроизводить старые стереотипы в новых условиях, что не позволяет им успешно адаптироваться.

Проведенные нами в 2006 году исследования свидетельствуют о том, что до сих пор существует феномен раздвоенности сознания. С точки зрения психологии можно говорить о том, что осознание необходимости реформ опережает динамику ценностных установок, которые более инерционны и связаны с бессознательным, архетипическим. Противоречие в самом содержании общественного сознания, где экономические реформы и персоны, их проводящие, оцениваются как несправедливые, а атрибуты прежней социалистической государственности – как достаточно справедливые, ведет к воспроизводству в той или иной форме представлений, характерных для социализма. Люди хотят, чтобы государство продолжало помогать им в поиске работы, обеспечении приемлемой зарплаты, строительстве жилья и т. д. Неприятие капитализма как социально-экономической системы выражается в углублении дифференциации, росте цен, нестабильности власти, борьбе элит, экономической преступности. По-прежнему присутствует негатив к проводникам рыночной экономики – владельцам капитала, но скорее не к самим собственникам, а к формам и методам их ведения бизнеса. По результатам недавнего опроса 55% опрошенных считают, что предприниматели «создают рабочие места и дают людям возможность заработать», а 38% респондентов полагают, что предприниматели используют прибыль не только для себя, но и для развития производства. У сотрудников, занятых на государственных предприятиях, сложился стереотип предпринимателя как эксплуатирующего чужой труд, получающего прибыль нечестным трудом и использующего ее исключительно в своих целях; для людей, работающих в частной сфере, это человек, который создает рабочие места, развивает производство и способствует удовлетворению многообразных потребностей людей.

Существуют также противоречивые оценки государственной и частной собственности. За «государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан», выступают 40% респондентов. Раздвоенность сознания

выражается в том, что большинство людей выступает за доминирование государственной формы собственности при очевидных слабостях и провалах государства в экономической и социальной сферах. Существует надежда, что государство преодолеет все последствия кризиса и будет и дальше представлять интересы граждан. Об этом говорит значительное число людей, которые считают, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семье будет сложно выжить (48%). Однако в большей степени так полагают сотрудники государственных предприятий. Другая группа респондентов рассчитывает самостоятельно обеспечить себя и свою семью – надеются на государство только 25% «частников».

Предпочтение предприятия государственной формы собственности объясняется стереотипами: оно «дает в большей степени уверенность в завтрашнем дне» («частники» – 56%, «государственники» – 98%), социальные гарантии, здесь соблюдаются законы об условиях и оплате труда и технике безопасности. Однако, по мнению большинства людей, на частном предприятии лучше стимулируется эффективный труд, выше удовлетворенность результатами труда, но все это требует полной самоотдачи. Еще одно достоинство предприятия частной формы собственности заключается в возможности построить карьеру и реализовать свои возможности. Противоположные оценки дают респонденты относительно соблюдения трудовой дисциплины, ответственности в работе. Стереотип о строгой дисциплине на частном предприятии разделяют 70% «частников», и 30% «государственников» поддерживают это мнение. Обратная картина наблюдается на государственном предприятии.

Труд для большинства выступает как средство обеспечения семьи, но также как сфера реализации профессиональных способностей, сфера самореализации и способ достижения определенной свободы и независимости, возможность построения карьеры. Особенно это важно для людей, работающих в частном секторе. У «государственников» труд в большей степени является средством выживания. Восприятие труда как привычки, удовольствия, времяпровождения, пользы людям практически совпадает у обеих групп.

Таблица 1. Восприятие труда сотрудниками частных и государственных предприятий, в % от числа опрошенных

	Частное предприятие	Ранг	Государственное предприятие	Ранг
Выживание	17,5%	7	38,5%	2
Обеспечение	76,5%	1	83,0%	1
Профессиональные способности	40,5%	2	28,5%	4
Свобода и независимость	39,5%	3	27,5%	5
Сфера самореализации	32,5%	5	32,0%	3
Карьера	33,5%	4	21,0%	6
Польза людям	25,0%	6	27,5%	5

Времяпровождение	5,5%	9	5,0%	9
Удовольствие	9,5%	8	8,5%	8
Привычка	9,5%	8	18,0%	7

Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

По мнению большинства людей, с помощью труда невозможно «разбогатеть». Это подтверждает тот факт, что такое качество, как трудолюбие, значительно отстает в оценках по сравнению с остальными необходимыми качествами.

Таблица 2. Кто становится богатым, в % от числа опрошенных

	Частное предприятие	Ранг	Государственное предприятие	Ранг
Умный	46,7%	1	35,5%	1
Блатной	11,1%	11	14,5%	11
Жадный	4,5%	12	10,5%	12
Бережливый	19,6%	10	16,0%	10
Хитрый	25,6%	6	27,0%	6
Образованный	39,2%	2	31,5%	3
Амбициозный	30,2%	4	28,5%	5
Трудолюбивый	21,1%	7	21,0%	9
Рисковый	20,6%	8	25,0%	7
Хваткий	30,6%	3	30,5%	4
Наглый	20,1%	9	34,5%	2
Удачливый	29,6%	5	22,0%	8

Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

По результатам исследования видно, что преобладает стереотип: «умный становится богатым», основанный на природных началах, далее следует социальное качество – образованный. В целом и та и другая группа единодушны в распределении рангов, но «образованный» у «государственников» отошел на третье место, уступив второе место «наглому», который у «частников» занимает одну из последних позиций.

В определении основного средства достижения успеха респонденты практически разделились поровну: одни полагают, что это везение и личные связи (60% «частников»), другие – что это упорный труд (64% «государственников»). Богатство является нравственной категорией; 69% опрошенных сотрудников считают, что оправданы только те доходы, которые заработаны честным путем, однако большинство понимает, что благосостояние нельзя обеспечить честным

трудом. Исследование выявило невысокие притязания людей: если большинство получает заработную плату в размере 6–10 тыс. руб. (32%), а заработная плата 70% сотрудников не превышает 15 тыс. руб., то желаемая заработная плата ограничивается 16–20 тыс. руб. Это свидетельствует о том, что по-прежнему сильны стереотипы традиционного общества, где действует принцип удовлетворения необходимых потребностей, которые, в сущности, ограничены.

Подводя итоги, охарактеризуем отношение к основному институту рыночного общества – частной собственности. Большинство людей считает, что возрождение частной собственности в России привело к росту противоречий и неравенству, разобщению людей, проявлению эгоистических настроений, то есть фактически к социальному кризису. С другой стороны, частная собственность стимулирует индивидуальные способности, повышает заинтересованность в труде, улучшает в целом материальное положение, делает человека по-настоящему уверенным в себе.

Таким образом, у людей еще не сформировалось четких стереотипов по поводу собственности и по поводу всей рыночной культуры в целом. Существует противоречие между экономическими стереотипами, базирующимися на ценностях административной системы (незаинтересованность и неготовность к рыночным формам хозяйствования, формальное отношение к труду, богатство – существующий ресурс, который подлежит уравнительному распределению, честно нажить богатство нельзя), и новыми, рыночными стереотипами (труд как общественный долг и главная форма самовыражения, наиболее достойный источник удовлетворения потребностей, богатство – результат личной инициативы и усилий, экономическая целесообразность – бережливость и инвестиции в будущее), конфликт между нравственными и профессионально-должностными нормами, эталонами «порядочности» и «деловитости».

Такие экономические стереотипы свидетельствуют о необходимости коррекции политики государства и местных органов власти, тем более что государство по-прежнему играет значительную роль в регулировании экономики. Это необходимо, чтобы преодолеть противостояние «рыночных» и «нерыночных» стереотипов.

¹ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001. С. 32

² Там же. С. 36.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

М. А. Арапова

ДИСКУРС ИДЕОЛОГИЧНОСТИ, ИЛИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Нет, наверное, ни одной сферы в определении предметного поля социологического анализа, которая была бы так парадоксально представлена огромным количеством работ и одновременно так мало исследована, как идеологическая сфера. Само сочетание понятий «социология идеологии» представляется сегодня многим социологам достаточно тавтологичным, странным, вызывает ассоциации закостенелости, догматизма, партийно-политической замшелости доперестроечного периода. Вместе с тем все больше становится работ, связанных с обоснованием необходимости формулирования национальной, государственной, глобальной идеи. Наблюдается ситуация, когда в отсутствие результатов специального серьезного социально-философского анализа идеологической сферы за дело берутся доктора технических наук, уважаемые в среде кораблестроителей, электротехников и т. д. (*Перицу Р.* Анатомия ментальности: Человек и общество. СПб., 2003; *Ацюковский В. А.* Основы коммунистической идеологии и современность. М., 2004; *Перуанский С.* Государственная идеология России XXI века. М., 2006; и др.) – непрофессионалы в обществоведении, почитающие производство инструментальных оснований идеологизирования своим долгом, делом чести и выражением гражданской позиции.

Знаковость этой ситуации двойственна. Во-первых, факт резкого увеличения интереса к идеологическому позволяет понять: российское общество находится на очередном переходном этапе – от деидеологизации к реидеологизации, суть и механизм которого давно описаны в социологии. Во-вторых, этот же факт позволяет оценивать данную ситуацию категориями социальной рискологии, прогнозировать зависимость степени этих рисков от уровня социально-философской некомпетентности,

вульгарного позитивизма и упрощенчества в понимании закономерностей идеологических процессов общества, умноженного на гигантский потенциал активности в деле социального конструирования.

Актуальность проблемы социологического изучения идеологических процессов очевидна. Необходим теоретико-методологический, рационально-логический анализ аксиологических концептов, идей, продуцируемых, активно производимых и селекционируемых в данный исторический момент развития российского общества и приобретающих форму потенциального основания для формирования господствующей идеологии. Какая бы она ни была по форме – государственная, национальная, глобальная, корпоративная и т. д., она все равно формируется. Признание объективного характера идеологии в условиях реидеологизационных процессов заставляет нас понять совершенно простую логическую очевидность: идеология господствующего типа формируется объективно, то есть независимо от того, знаем мы об этом, или не знаем, хотим или не хотим влиять или контролировать этот процесс. Так уж лучше знать.

Совершенно очевидной становится и потребность в накоплении эмпирических данных об объективирующихся в реальном социальном взаимодействии идеологических формах, в фиксации фактов, идеологичных по своей сути, в их серьезной интерпретации.

Особую значимость в данном аспекте приобретает проблема идеологической социализации. Сущностная характеристика молодежи – ее маргинальность, переходность, по П. Сорокину – состояние, когда социальность находится в стадии «уже не... но и еще не...». Специфика современной молодежи, определяющая эту проблемность, – множественная степень маргинальности. Переходный возрастной в социально-физиологическом плане, профессиональный, статусный периоды индивидуально-личностного развития накладываются на переходные муки общества в целом, никак не осознающего, откуда, как и куда «грядеши». Выявление идентификационных кодов именно этой социальной общности может позволить зафиксировать ведущие (становящиеся господствующими?) идеологические тенденции.

Вместе с тем было бы несправедливо заявлять об отсутствии интереса профессиональных социологов к обозначенному предмету. Прежде всего, анализ идеологических процессов осуществляется в рамках политической социологии, однако представляется несколько суженным, зачастую сводимым к хрестоматийному описанию классических политических идеологий. Интересны новые подходы в исследовании идеологического поля, идеологии как важной составляющей общества, складывающиеся в рамках социологии культуры. Появилась заявка и на выделение такой специфической области социологического знания, как социология идеологии. Особенности формирующейся социологии идеологии – дискуссионность, своеобразный методологический поиск, определение исследовательских оснований. Часть их связана с ростом популярности постмодернистских социологических парадигм. Видимо, именно этим можно объяснить резкий всплеск интереса к идеологичности, присутствующего фоном, осуществляющегося заодно с собственно исследуемым предметом: глобализм, масс-медиа, идентичность,

ментальность, молодежные субкультуры и т. д. Все чаще и чаще встречается замена привычных терминов с прилагательным «идеологический» концептом «дискурс». Думается, есть необходимость обсудить эти тенденции.

Введение в теорию идеологии темы дискурса позволяет, прежде всего, зафиксировать очень важную, сущностную особенность идеологии, породившую массовые дискуссии об иллюзорности, субъективности и т. д., – отсутствие специальных, отделенных от чего-то другого, ее онтологических форм. Не имея собственного своего «тела», «предмета», чистых форм своего бытия, она, «блуждающая» (сравним *discursus* от *lat. discere* – «блуждать»), всегда внедряется в другие социальные образования, чтобы, существуя «заодно», осуществлять свои функции. Она имманентна, включена, встроена во что-то уже существующее само по себе, до нее и не для нее созданное и определяемое доминирующим типом социокультурной традиции. Так, средневековые теологические тексты, художественные полотна, архитектурные сооружения, правила этикета, современные торговые центры являют собой вместе с прямой своей сущностью сущность иную, раскрывающую иной, целерациональный – по Веберу – смысл. Именно эта имманентность и определяет релевантность действий индивида интересам определенной социальной группы, государства, и т. д., задает соответствие содержания ожидаемых действий индивида характеру этих интересов.

Идеология имманентна и в случае ради нее созданного чего-то другого. К примеру, принцип соцреализма, определявший в 1930-е годы тип советской поэзии, или принцип гармоничной телесности эстетики Возрождения очень жестко диктовал и определял через свойство релевантности художественные формы и образы. Так, поэзия В. В. Маяковского стала блестящим поэтическим образцом речевой, вербальной коммуникации. Потребительский тип современной идеологии породил специфический вид искусства – рекламы со всеми характерными для дискурса идеологичности требованиями не только к вербальной, но и к визуальной, виртуальной коммуникации.

Дискурс идеологичности позволяет осуществлять поиски истинного смысла, предзаданности соответствия неких явлений четко определяемым целям субъекта деятельности не только в рамках речевых коммуникаций, но и практически во всех типах коммуникативных практик.

Именно дискурс идеологичности делает абсолютно очевидным, понятным действительный смысл предназначения президентской речи, любого рекламного ролика, величественного офиса или PR-акции дарения игрушек детскому дому во время предвыборной кампании, позволяет осуществлять рационально-логическую операцию кодирования и декодирования этого имманентного смысла.

Особым исследовательским содержанием в рамках дискурса наполняется проблема анализа форм, механизма идеологического насилия, осуществляющегося в процессе навязывания субъектом своих интересов. Спектр этих форм очень разнообразен: от прямого политического давления, массовых тренингов продаж до изощренных технологий манипулирования сознанием и методик подавления личности, тем более эффективных, чем более незаметно воздействующих.

Исследование дискурса идеологичности позволяет фиксировать процесс внедрения определенной целерациональности в индивидуально-личностное пространство, равно как и обратное – готовность, ожидаемость идеологического восприятия.

Дискурс идеологичности позволяет смещать акценты анализа на выявление роли и места иррациональной составляющей в специфической для нашего бывшего советского человека системе регуляторов поведения, понять, почему часто повседневность демонстрирует нам непонятные с позиции рационализма факты: «там хорошо, но мне туда не надо», подвиг, жертвенность, «особая русская душа».

Все это говорит об огромном когнитивном потенциале новых для российской социальной мысли подходов к анализу идеологической сферы. Однако было бы несправедливо в условиях сегодняшней повседневности не говорить о контексте направленности изучения идеологических процессов, продиктованном нашим не столь далеким прошлым.

Даже поверхностный количественный анализ работ, выполненных в этом направлении в 1960–1970-е годы, позволяет увидеть, что разработки этой темы были чрезвычайно популярными, публикуемыми и активно используемыми в практической пропагандистской деятельности тех лет.

Действительно, актуальность изучения вопросов идеологического производства, идеологической работы, идеологической борьбы, идеологического воспитания подрастающего поколения определялась прежде всего в практическом плане. Сотни работ, десятки авторов методично, скрупулезно разясняли самым разным категориям граждан, в зависимости от уровня образования, как правильно надо «вносить в сознание трудящихся» идеи «самого правильного» философского учения. Активность и предзаданность такого научного поиска, объясняемая сегодня идеологизацией всех сфер общественной жизни, вызванной закономерностями функционирования тоталитарного и посттоталитарного политического режима, не могла не привести к естественному чувству идиосинкразии многих серьезных ученых к вопросам этого проблемного ряда.

Быть может, уместно сравнить этот исследовательский период советской социологии с развитием средневековой схоластики, когда бесконечное повторение одних и тех же заранее заданных теологических истин заставляло думающих философов искать отдушину, обращаясь к тщательной разработке категориального аппарата, логики философского анализа. Безусловным достижением на фоне гор пропагандистской литературы стал серьезнейший категориальный анализ идеологической сферы, осуществлявшийся немногочисленными, скажем прямо, учеными 1970–1980-х годов. Нельзя сегодня не отдать должное тем социологам-шестидесятникам, ставших к восьмидесятым опытными Учителями, которые в том потоке идеологического славословия помогали узреть серьезнейшие методологические основания для анализа идеологической сферы, оформившиеся в истматовских теориях общественных отношений, общественного сознания. Девяностые практически не привнесли ничего нового в исследовательскую базу идеологии, кроме обоснования необходимости деидеологизации.

Сейчас уже становятся видимыми различия в тенденциях отношения и к самой идеологии, и к необходимости ее изучения:

– разрушительная – преобладала в девяностые и характеризовалась разоблачением ужасов и негатива прежней идеологии и идеологической машины;

– потребительская – оформляется во второй половине девяностых, характеризуется требованиями, типа «дайте нам идеологию», «сильную руку». Представляет собой рудимент от марксистско-народнического типа в возвращающемся из истории русской социологии варианте «невыполненного долга» интеллигенции перед народом, осложненном сформированной в условиях монособъектности идеологического процесса привычкой присваивать вносимые КПСС мировоззренческие ценности. В новых условиях субъекты идеологических процессов еще не определяются. Складывается противоречие между либеральным содержанием провозглашаемых демократических ценностей, основанных на индивидуализме, и консервативным характером традиционных социальных регуляторов российского общества, базирующихся на коллективности социальных практик;

– романтично-утопическая – конец девяностых. Для нее характерны некая эйфория коллективного сознания от возможности формирования полиидеологического пространства, неявное ожидание появления новой идеологии как результата интеграции осознания общих ценностей различными социальными группами, надежда на всеобщее согласие при появлении огромного числа партий с характерным абстрактным детским демократизмом в обосновании идеологических принципов. В реальности – либо чернопииаровская борьба, либо обоснование необходимости толерантности, но не интеграция, не взаимопроникновение идеологических позиций.

– когнитивная – стремление «узнать, понять, кто мы, куда идем, откуда взялись». Активная социальная саморефлексия с преобладанием негативных оценок в сравнении с другими системами, формирование всеобщего комплекса неполноценности на фоне разрушения общих социокультурных механизмов;

– абстрактно-аксиологическая – начало XXI века. Попытка преодоления идеологического кризиса через формирование новых ценностей, поиск истоков национальной идеи в различных вариантах – либеральной, консервативной, государственно-патриотической, гуманистической. Ориентация на успех, позитив, силу;

– инструментально-прагматическая тенденция диктуется ростом глобализации во внешнем мире. Осознается необходимость функционально эффективного государственного идеологического обеспечения при констатации в основном государственном документе невозможности ни одной из существующих идеологий быть государственной. В качестве возможных общих идеологий обозначаются, к примеру, идеология прав человека, государственно-патриотическая идеология. Смысл – поиск ценностей, универсальных как для России, так и для Запада. Определение критериев идеологии: глобальный характер, предполагающий стратегическое, обеспечивающее конкурентное партнерство с Западом, которое можно обеспечить лишь через содержательное определение ценностей, связанных с обеспечением прав человека.

Все эти позиции могут быть объединены одним общим основанием – профессиональным философско-социологическим поиском того, что должно бы уже быть, но чего (еще, пока, все еще, тем не менее) нет. Все они в этом смысле утопичны. Несмотря на всю рациональность, необходимость, потенциальность, это еще не ставшая, не осуществившаяся реальность. Следовательно, все характеристики, требования к идеологии – это требования скорее к проекту, к мыслительной конструкции, нежели к самой реальности.

Отсюда второе, что позволяет нам объединить их в одну группу – свойство долженствования. Термин «должен» стал настолько привычным, что даже перестал быть замечаемым, сделался автоматически присутствующим в структуре речи. Однако долженствование – это прежде всего отношение межсубъектное, а значит, требуется определить этих субъектов, систему координат их взаимодействия, степень их воздействия. Пока же абстрактность долженствования – преобладающая характеристика поиска национальной, государственной, общей идеологии, кажущаяся простота проблемы поиска субъекта. Кто будет идеологом: государство? В чьем лице? Кто возьмет на себя ответственность, да еще с необходимостью достижения общего позитивного результата в условиях сложившихся президентско-парламентских политических правил игры? Политическая олигархическая элита – не может, да и не хочет. Профессиональная интеллигенция – не заинтересована. Партийные лидеры – по определению должны быть в конфронтации. Пока позитивен лишь вывод о том, что в основе идеи должен быть общий интерес, оформляющийся в трансцендентности универсальных ценностей.

Абсолютно не сомневаясь в прогностической функции социологии, заметим необходимость дополнения анализа должного анализом сущего, который позволяет нам зафиксировать параллельный, во многом стихийный, но достаточно активно осуществляющийся процесс формирования субъектов идеологической деятельности. Приватизация собственности повлекла за собой соответствующие институциональные процессы. В результате – изменение социальной структуры общества, появление новых видов собственников, а значит, и новых способов выражения, защиты и реализации их частных интересов, преобладание частного характера реально функционирующих идеологий, формирующих определенную, специфическую, новую для российского общества систему ценностей.

Интересно отметить явный диссонанс рационально вычисляемого «идеологического должного» и феноменологически фиксируемого идеологического сущего: идеология прав человека – криминальная, террористическая; гуманистическая – потребительская; государственническая – корпоративизм с PR и политтехнологиями; либеральная – консервативная.

Социологическое изучение новых видов действующих идеологий еще только начинается, вот почему именно сейчас становится просто необходимым определиться с выбором теоретико-методологических оснований, определением исследовательских возможностей в идеологической сфере. Вполне резонно в связи с этим подвести содержательные итоги исследований советского периода, определить изжившее себя, вернуться к тому, что не потеряло своей эвристической значимости.

Прежде всего речь должна пойти о разработке теории идеологических отношений. Так, предметом для обсуждения был вопрос о сущности идеологических отношений, специфике идеологической деятельности. Вывод об объективном характере идеологических отношений, их особой материальности, выражающейся в институциональной и знаковой формах предметности, не потерял своей эвристической ценности и сегодня. Анализ знаково-символических форм и способов организации корпоративизма, потребительства, терроризма позволит выйти на анализ действительных ценностей, объективирующихся в реальном социальном взаимодействии.

Предметом серьезного изучения был процесс идеологического производства, осуществляемый на основе деятельностного подхода. Содержание идеологической деятельности рассматривалось в единстве социально-практического и духовно-практического аспектов. Внесение, привыкание, присвоение, интериоризация определенных ценностей невозможна без специфических способов организации жизни общества, соответствующих интересам господствующих субъектов. И сегодня эта методология вполне успешно используется в теории и практике организации деятельности по связям с общественностью.

Была детально проработана и охватывала практически все стороны и области жизни советских людей система целенаправленного идеологического воздействия, воспитания. И сегодня интересно было бы определить не только какие ценности, но и ценности каких именно социальных субъектов активно и сознательно формируются в воспитательном процессе, насколько и каким образом он идеологизирован.

Безусловным достижением советской социологической науки была детальная проработка системного подхода, применение его в качестве одного из методологических принципов анализа идеологических отношений. Был преодолен линейный подход к пониманию структуры идеологических отношений. Объемная структурная модель демонстрировала совокупность множественных связей между элементами системы, взаимовлияющими, взаимообосновывающими и взаимообуславливающими друг друга, исходя из трех уровней анализа – метасистемного, собственно системного и подсистемного. Эвристическая значимость этой модели состояла в том, что она позволяла фиксировать специфику системного качества каждой из подсистем, характеризовать единство и взаимозависимость системных и подсистемных качеств. Функционирование метасистемы идеологических отношений обеспечивает согласие, выражение и защиту общезначимых интересов, формирование и реализацию общих ценностей. Вот чем определяется необходимость выработки общегосударственной идеологии, отсюда и потребность в определении национальной идеи. Собственно системное качество обеспечивает реализацию групповых, корпоративных интересов в зависимости и во взаимовлиянии на метасистемное качество. И лишь подсистемное качество системы идеологических отношений реализуется в непосредственной инструментальной механике идеологии, опять же в зависимости и во взаимовлиянии с двумя первыми в целом и с каждым в особенности. В сегодняшней реальности проблема гармонии,

согласования интересов определенных социальных групп с общими интересами существовать не перестала. Применение именно такого подхода к анализу проблемы преступности позволяет понять бесперспективность многократного увеличения числа милиционеров и повышения уровня их оплаты вместо применения тех же мер в отношении работников культуры, учителей, организаторов работы с детьми и подростками.

Огромная работа была проделана в связи с анализом форм существования идеологии. Вывод о включенности идеологических компонентов в политику, экономику, религию, искусство (ибо только в форме текстов, фильмов, стихов, принципов функционирования государственной власти она и существует предметно, является обществом) не означает абсолютной тождественности. Полное их совпадение обозначает абсолютную степень идеологизации общества. Справедливо и обратное. Не свидетельствует ли о силе и действенности совершенно определенной по своему содержанию – криминальной – идеологии наличие следующих знаков: сообщения об усилении, укреплении материальной базы МВД; абсолютное преобладание криминально-детективной тематики на телевидении, в кино, в «чтиве»; факт бесконечного, завывающего тюремного шансона в любом автобусе или маршрутке, устраивающего абсолютное большинство пассажиров; популярность определенного типа прически, определяемой как молодежная мода; устойчивость сленговых выражений в языке вроде «жизни по закону и по понятиям»? Следует отметить, что в данном случае понятие идеологии отражает не просто систему тех или иных идей, а систему, в которой эти идеи формируются в процессе, организуемом субъектом, распространяются и усваиваются объектом идеологического воздействия.

Достаточно подробно были изучены функции идеологии и определены как то, что обеспечивает целостность общества, гармонию общих, частных и личностных интересов:

- через объединение людей, интеграцию общественно-политических и социальных образований на основе принятия универсальных идей и ценностей;
- через производство, формулирование и распространение ценностей, имеющих характер социальных норм;
- через обоснование гносеологических основ мировоззрения;
- через формирование поведенческих регуляторов, побуждающих к четко определенным действиям (или бездействию);
- через обоснование идеала, который носит нормативный характер, обозначение не просто того, что будет, а того, что должно быть в соответствии с определенными интересами.

Отсюда проблема: если эти функции необходимы для обеспечения целостности общества и реализуются в специфической деятельности социальных субъектов – идеологической деятельности, правомерна ли в принципе постановка вопроса о необходимости идеологии?

Было преодолено достаточно узкое понимание идеологического процесса как деятельности по внесению в сознание трудящихся правильной идеологии.

Идеологический процесс определялся как последовательная смена качественных состояний системы идеологических отношений, совокупность и последовательность действий субъектов идеологической деятельности для достижения определенных результатов, связанных с обеспечением их интересов.

Характеризовались различные типы идеологического процесса:

- по характеру деятельности (практический и теоретический);
- по направленности распространения (идеологизация, деидеологизация, реидеологизация);
- по содержанию отношений (идейный диалог, взаимообмен идеями, борьба идей и идеологий);
- по генезису возникновения идеологий (интеграция существующих идеологий, заимствование или эвристическое происхождение идеологий);
- по характеру взаимодействия идеологии и массового сознания (тотальная идеологизация или частный характер идеологического воздействия).

Наличие, взаимообусловленность данных типов, их соотношение рассматривались как важные составляющие стабилизационных или деструктивных показателей состояния общества.

Сложно сейчас сказать, насколько через «критику буржуазной социологии» были заимствованы элементы постмодернистских, неоструктуралистских идей, но и в истматовской теории присутствовал интерес к изучению форм предметности идеологических отношений. В какой-то мере преобладало увлечение институциональной проблематикой, однако нельзя отрицать и наличия разработок ученых, интересовавшихся знаково-символическим, семиотическим выражением идеологии. Этот интерес трансформировался прежде всего в изучение идеологии с точки зрения форм ее социально-психологического представления. Выявлено, что она отражает (выражает) внезаповую реальность и является средством социальной связи индивидов. Знаковые системы в силу своей природы переводят структуры общественного бытия (знаки, идеи, ценности и т. д.) в структурные компоненты индивидуального сознания. Именно в этом заключается и на этом основан эффект идеологического воздействия. Этот перевод и лежит в основе всех функций системы идеологии. В силу своего вероятно-аксиологического характера реализация идеологии предполагает возникновение личностно-смыслового отношения к ней (ее идеям, ценностям, нормам) со стороны воспринимающего субъекта. Здесь речь шла о специфическом процессе интериоризации идеологических представлений (образов, символов, знаков), который означает, что у личности устанавливается определенное (заданное) отношение к ним, которое на следующем этапе фиксируется в убеждения, веру, ценности. Система идеологии в рамках процесса интериоризации своих норм рассматривалась как определенная форма, посредством которой выражают себя внутренние (скрытые) отношения сложной системы общества (организации). При этом делался вывод, что идеология скрывает их фактический характер путем собственной их интерпретации. Как видимая форма действительных отношений идеология играет роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. Как

«превращенная форма» действительности она выполняет функцию «вытеснения, замещения и восполнения предметов в системе».

Пытаясь охватить в целом результаты и итоги изучения идеологических процессов в советской социальной теории, сегодня мы можем сказать, что при всем стремлении к методологическому единству, вследствие мельчайшей детализации проблемы, требований всесторонней и полной характеристики каждой детали существовало все же множество подходов и взглядов на определение сущности, места и роли идеологии от взаимодополняющих до взаимоисключающих. Диалектика единства и борьбы противоположностей «ради достижения идеологического единства» требовала как минимум определения социального противоречия, зазора в системе знаний, а значит, не могла не оставить возможности для размышлений.

Интересно было бы посмотреть сегодня и на то, как сама ведущая идеология укладывалась в рамки, определяемые теорией идеологического процесса. В самом простом, первоначальном и традиционном, определении идеология предстает перед нами как ориентированная на действие и логически согласованная система идей, в ложной, мистифицированной форме выражающих интересы социальных групп общества (организации, коллектива, человека). Эта система по своей природе отражает определенный тип мышления и представления реальности, основанный на сознательном или неосознанном ее искажении (ценностная интерпретация реальности). В таком своем качестве идеология и была представлена политическим учением, социологической теорией, программой действий, глобальной стратегией, социальным прогнозом, нормативным кодексом и т. д.

Вместе с тем идеология была представлена как определенная система производства, распределения и потребления духовных продуктов, которая включала в себя систему идей, идеологические отношения моносубъекта по поводу создания и реализации элементов общей системы, деятельность идеологических институтов в процессе идеологического воздействия, а также объекта идеологического воздействия – человека (коллектив). В таком качестве идеология являлась элементом социально-психологической практики общества.

Отличительной, качественной особенностью идеологии является ее знаковый (семиотический) характер. В качестве мощной, хорошо продуманной знаковой системы идеология, в рамках процесса идеологического воздействия, осуществляла перевод структур общественного бытия (знаки, идеи, символы) в структурные компоненты индивидуального сознания (интериоризация идеологических представлений).

Наконец, идеология представляла собой в качестве основного элемента более общей властной системы инструмент (механизм) формирования и регулирования сознания и поведения своих адептов, фактически играла роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы.

Таким образом, на тот исторический момент времени потенциал известных и «разрешенных» познавательных парадигм был использован сполна, и совершенно очевидно, что долгое время за счет этого достигалось функциональное единство (без содержательных оценок) теории и практики. Практически на этом содер-

жательном рубеже и была сделана отечественной социологией пятнадцатилетняя остановка в исследовании идеологической сферы.

Следующий этап развития отечественной идеологической теории характеризуется двумя особенностями. Прежде всего, фактически осуществился отказ от марксистской методологии, а поскольку она была основной и практически единственной, то отказ и от самой идеологической проблематики стал автоматическим. Деидеологизация, определяя содержание не только отечественной социально-политической теории, но и практики, довольно надолго сама стала своеобразной идеологией. Сложилась ситуация, четко выраженная в метком и всем известном выражении, когда вместе с мутной идеологизированной водичкой из ванны выплеснули и ребенка. Даже произносить слово «идеология» одно время было как бы неприлично. Интересно, что именно в этот период самой распространенной фрейдистской оговоркой, охватившей все без исключения слои общества, стало это самое «как бы». Своеобразный оксюморон – перевертыш, свидетельство раздвоения, существования либо двух реальностей, либо «нереальной» реальности – формирования новых типов идеологии в усиленно пропагандируемом деидеологическом пространстве.

Вторая особенность этапа – обостренный интерес к опыту западных коллег, мощное накопление информации. Переводы, новые тексты, практически не осмысленные и не адаптированные относительно ментальной специфики сограждан, а следовательно, и другие, иногда диаметрально противоположные смыслы и ценности, что называется, с колес, но со все тем же огромным энтузиазмом и, что самое главное, на полном ходу давно раскоцегаренной и разламывающейся идеологической машины по-прежнему стали вноситься во все то же пресловутое сознание трудящихся. Результаты не слишком радуют. Для кого-то такая доза идеологического антидота стала смертельной, кто-то быстро «перестроился», основная масса испытала очередной исторический ментально-психологический шок, в основе которого нарушение принципа идеологической релевантности.

Проблема социологического поиска состоит уже и в том, чтобы выяснить, что же на самом деле произошло с российским ментальным содержанием: что уже вымыто, вытеснено из структур общественного и личного сознания, что еще сохранено, что привнесено и как это все согласовывается, соотносится.

Должно было осуществиться совпадение элементарного количественного накопления знаний о новых (в Европе – старых) социологических исследовательских парадигмах, методологиях социологического анализа и накопления изменений самой социальной действительности, чтобы со всей очевидностью стало понятно: настало время возвращения интереса к изучению идеологической сферы. Она сама качественно изменилась. Для социологии это означает необходимость методологической ревизии и постановку вопроса об обоснованности отказа или продолжения использования проработанных ранее методологических оснований.

Думается, результаты системного, субъект-объектного, структурно-функционального анализа идеологической деятельности не потеряли и сегодня своей теоретической значимости, заложили основу методологической базы для широчайших

эмпирических исследований. Жаль, однако, что довольно часто серьезные ученые заявляют о финансово или политически ангажированном характере последних. Видимо, вопрос о том, чего в социологии идеологии больше – знаний или идеологии, относится не только к разряду профессионально-этических, но и риторически вечных.

Безусловно, речь при этом не идет о консервации, догматизации «старых» методологических оснований, о «борьбе с новыми веяниями». Совершенно очевидно, что сегодняшние знания теоретической и прикладной социологии могут позволить значительно расширить и круг проблем, и поле эмпирических исследований. Так, к примеру, предыдущие годы, безусловно, характеризовались существенным креном в сторону количественных исследований, позволявших зафиксировать определенные тенденции в формировании ценностных ориентаций, в формировании тех или иных социальных общностей. Современный рывок в развитии исследовательских методик, инструментальной базы и, прежде всего, качественных исследований может позволить зафиксировать совершенно другой уровень данных о функционировании идеологической сферы, выявить более тонкие корреляционные связи ее элементов, а следовательно, более четко определить ее системные качества.

Полипарадигмальные основания современной социологической науки могут позволить выполнить анализ, противоположный по содержанию с предыдущим этапом: если подробный анализ функционирования прежней господствовавшей идеологии позволял формировать теорию идеологического процесса, то теперь эта теория может стать основанием для определения специфики функционирования реальных идеологий, реальных субъектов и объектов идеологических процессов.

Так, применение теории социального действия и взаимодействия может дать основание для исследования типов целерациональности, соответствующих современной российской социокультурной системе, осуществить характеристику основных типов социальных регуляторов, дать анализ изменившихся и сохранных и на институциональном, и на личностном уровне механизмов формирования мотивации деятельности. Без вывода о соответствии типов ценностно-рациональных систем ведущим типам реально функционирующих поведенческих регуляторов все общие рассуждения о преимуществах моделей новой российской идеологии могут повиснуть, остаться только лишь философскими рассуждениями.

Феноменологический анализ идеологических процессов, задающий исследовательское направление от явления к сущности, от факта, случая к интерпретации, абсолютно не противореча классической идеологической теории, позволит проверить, верифицировать ее выводы.

Методология символического интеракционизма может помочь детально описать социально-психологическую обусловленность и отчасти механизм осуществления субъективной интериоризации объективно формирующихся идеологических ценностей.

Социология повседневности предоставляет совершенно неподобные для фиксации и определения значимости идеологические акты, знаки, символы

в структуре жизненного мира индивида, позволяет тем самым характеризовать степень действенности идеологии. А это в качестве, быть может, бредовой идеи, но не совсем шутки может вывести на проблему создания некоего идеологического (на рочно утрирую) контовского «социометра», подобно градуснику, способному через своеобразное «измерение» глубины проникновения господствующей идеологии в структуру личности сигнализировать об опасности очередной идеологизации.

Все вместе взятое способно обеспечить единство, придать целостность теоретического и эмпирического уровней социологического анализа идеологических процессов.

В качестве резюме. На протяжении двух столетий практически не ослабевал интерес к социально-философскому осмыслению идеологической сферы. Накоплена настолько серьезная методологическая и инструментальная база, которую было бы просто глупо (или безответственно?) не применить в анализе идеологических процессов современного российского общества. Это и опыт западной социологии, и опыт анализа этого опыта соотечественниками. Отрадно было бы думать о начале продолжения. Возможна ли замена союза «или», обозначенного в заголовке, союзом «и»?

А. В. Старшинова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Исторически системы социального обеспечения и социальной помощи в российском обществе развивались под воздействием идеологии, придавшей им форму патернализма. Несмотря на кардинальные преобразования, происходившие в XX столетии, патерналистская идеология не претерпела существенных изменений в советский период, не изменились и институты социальной защиты, поддерживаемые данной идеологией. Но последняя социальная трансформация на рубеже XX–XXI веков потребовала значительного усиления акцентов на самом индивиде и обеспечении его благосостояния, включая социальные группы и отдельных граждан, традиционно нуждающихся в помощи и поддержке со стороны государства и общества. Необходимость теоретического осмысления вызревания такой общественной потребности и условий ее реализации в отечественной практике определяет обращение к исследованию идеологии социальной работы, в которой человеческое достоинство, солидарность, демократия и право индивида на

достойные условия жизни, апелляция к его активности, признание его способности к изменению и ответственности за свое благополучие наряду с гарантиями обеспечения социальных прав государством выступают в качестве основополагающих ценностей и принципов. Общечеловеческий характер базовых ценностей идеологии социальной работы обуславливает ее уникальную роль в общественной системе, связанную с направленностью на интеграцию интересов социальных субъектов, занимающих разные позиции в структуре общества, а не с усилением их групповой дифференциации и конфронтации. Объединительный характер идеологии социальной работы делает ее особо востребованной в России, стремящейся предотвратить риски общественного раскола в результате масштабных изменений конца прошлого столетия.

Глубинные последствия трансформации общественных отношений, проявляющиеся в современном российском обществе, нацеливают научные исследования на все более конструктивный характер, требуя сконцентрировать усилия не столько на их острой критике, сколько на выявление внутренних механизмов, посредством которых осуществляются социальные преобразования. Понимание внутренней природы общественных процессов позволяет использовать полученное знание для воздействия на происходящие изменения. В контексте осуществляемых преобразований общественной системы происходит становление нового для отечественной практики вида общественной деятельности – социальной работы. Изучение идеологии социальной работы с позиций социологии ориентирует исследователей на ее рассмотрение в качестве неотъемлемого компонента общественной системы, выполняющего определенную роль в функционировании и развитии общества, в воспроизводстве и сохранении им своей целостности. Последовательное применение данного подхода дает возможность, сместив акценты с критического восприятия происходящих в социальной сфере изменений, вызванных реформами, апеллировать в теории и практике не только к зарубежным моделям социальной работы как своеобразным эталонам, следуя которым можно сформировать отечественную модель, но и выявить собственные основания развития социальной работы в России. Ее идеология и связанные с ней процессы – смена политических парадигм, противоборство идей и интересов, дифференциация ценностей на уровне элит и масс, изменение целей социального развития, эволюция современного социального идеала, способы его трансляции и т. п. – выступают в качестве таких оснований.

Подходы к пониманию сущности и характера социальной работы, применяемые сегодня в отечественных исследованиях, не раскрывают до конца специфики механизма ее функционирования. Нуждается во всестороннем теоретическом обосновании представление, что ее устойчивое и динамичное развитие обеспечивается благодаря определенной системе идей и ценностей, задающих цели и вектор общественного движения, которые объединяют основных акторов социального взаимодействия. Продолжающиеся в научной литературе дискуссии свидетельствуют, что во многом предмет социальной работы как теории еще формируется, интегрируя в себе знания других наук. Но такая интеграция предполагает

не прямое заимствование идей этих наук, а преобразование их в соответствии с ценностями, традициями, целями социальной работы. Идеология оказывает существенное влияние на предмет теории и практики социальной работы, а исследование данного процесса с позиций социологии объясняет его, помогает понять противоречивость и неоднозначность идеологического воздействия, прогнозировать тенденции ее развития. Практика социальной работы, в свою очередь, может быть эффективной лишь при условии четко определенных и воспринятых профессиональным сообществом целей, заключенных в идеологии. При этом идеология не только целенаправленно ориентирует практическую социальную работу, но и проектирует ее. Идеология социальной работы обеспечивает вхождение в профессиональную субкультуру и профессиональную социализацию за счет усвоения соответствующих ценностей в процессе получения профессионального образования.

Обращение к исследованию с социологических позиций идеологии, ее роли в общественной системе, функций, которые она выполняет, механизмов их реализации свидетельствует об устойчивом научном интересе к данному общественному феномену, который существенно возрастает в эпоху кардинальных социальных трансформаций. Идеология посредством свойственных ей структурных компонентов и функций позволяет в переломные эпохи компенсировать, восстановить утраченную привычную картину мира, обрести новые представления, личностные смыслы и общественные цели, объединить и мобилизовать людей на их реализацию. В традициях классической социологии, идущих от признанных теоретиков данного феномена К. Маркса и К. Манхейма, принято рассматривать идеологию как групповое/классовое сознание, формирующееся в результате конфликта интересов общественных групп, занимающих разные социальные позиции. Утвердившееся в русле данной традиции понимание роли идеологии в общественной системе ограничено узкими парадигмальными рамками. Исследование идеологии социальной работы в историческом и актуальном аспектах содержит развитие самой теории идеологии, позволяя представить ее как способ достижения динамичного баланса интересов различных общественных групп, способ социальной интеграции. Предлагаемый подход представляется своевременным, отвечая актуальным потребностям современного состояния российского общества, нацеленного не на конфронтацию, а на утверждение равновесия, гармонизацию общественных интересов. Идеология социальной работы, обладая существенным объединительным потенциалом, способна удовлетворить объективно вызревающий общественный запрос.

Идеология как таковая представляет опосредованное отношение к миру сквозь призму тех идей, которые соответствуют актуальным общественным интересам тех или иных социальных групп или общества в целом. Выступая как ценностная система философских, правовых, политических, экономических, социологических и иных представлений о мире и месте в нем человека, она конструирует программы движения к будущему или стабилизации в настоящем, организует и направляет действия социальных субъектов на их реализацию.

Социология в исследовании ценностей сосредоточена на выявлении их функциональной роли в общественной системе как определенной целостности. В контексте социологического анализа ценности рассматриваются в качестве фактора регуляции социальных взаимодействий. Ценности являются основой идеологии, которая через выполнение присущих ей функций включена в ценностно-нормативный механизм социальной регуляции. Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер и другие рассматривали ценности как высшие принципы, на основе которых происходит интеграция как общества в целом, так и отдельных социальных групп; данная традиция была продолжена последующими попытками социологической интерпретации ценностей. Актуализируясь в ситуациях выбора социальными субъектами, ценности становятся их ценностными ориентациями.

Выполнение ценностями системной роли обусловлено тем, что в них выражаются приоритеты, определяющие желаемый жизненный проект и систему ориентаций индивида. Наряду с философской категорией «ценность» социология оперирует категорией «ценностная ориентация», которую можно определить как направленность активности личности на достижение определенных ценностей, ее предпочтительное отношение к тем или иным ценностям. Необходимым компонентом формирования ценностной ориентации выступает ценностное отношение, реализуемое в процессе оценивания. Ценность для того, чтобы превратиться в мотив деятельности, осознается и принимается личностью. Ценностные ориентации, представляя собой сложный, но упорядоченный комплекс принципов, возникающий в процессе оценивания как следствие трех различных элементов – когнитивного, аффективного и директивного, определяют действия и сознание социального субъекта в той степени, в какой это связано с решением «общечеловеческих проблем»¹. Ценностные ориентации социальных субъектов формируются под влиянием идеологии, которая становится актуальным регулятором сознания и поведения социальных субъектов посредством ценностно-ориентирующей деятельности².

Исторически социальная работа возникает в ответ на необходимость предупреждения угрозы социальной дезинтеграции и социального конфликта в условиях усиления общественной дифференциации. Идеология социальной работы вбирает в себя совокупность идей и представлений, выражающих проект общественного устройства, основанного на равновесии групповых/классовых интересов, формируя программу снятия социального конфликта или его предупреждения. Философские основания идеологии социальной работы как системы ценностных ориентаций составили учения, развивающие представления о взаимоотношении общества и человека, позволяющие достигнуть их равновесного состояния. К ним относятся философские концепции прав человека, развиваемые в рамках теории общественного договора в эпоху Просвещения, различные варианты которого содержали обоснования справедливого общественного устройства. В эпоху Нового времени они получили всестороннее развитие и обоснование в учении И. Канта о моральной автономии индивида и В. Гегеля о правовом государстве. Эволюция этих идей привела к формированию современной идеологии социальной работы как неотъемлемой части идеологии социального государства.

Социологический подход к социальной работе основан на рассмотрении ее в качестве деятельности, выполняющей определенные функции в общественной системе, посредством которых осуществляется интеграция групп людей или отдельных индивидов, испытывающих затруднения в социальном функционировании. Потребность в социальной работе как системной деятельности по оказанию помощи и поддержки формируется в условиях, когда процессы, вызванные социальным неравенством, порождают массовые явления (бедность, дискриминация, социальные исключения, несправедливость и т. п.), создающие угрозу функционированию общественной системы как целостности и равновесной динамике ее развития.

Необходимо подчеркнуть сущностную характеристику социальной работы в ряду таких институтов помощи и поддержки, как социальное обеспечение и социальное обслуживание. Принципиальное отличие заключается в том, что последние основаны на *идеях универсального* подхода к каждому человеку, имеющему *право* на определенный минимум благ, *право на помощь* со стороны общества при определенных обстоятельствах. Социальная работа исходит из признания многообразия *индивидуальных* потребностей, из *идеи уникальности, неповторимости* каждого человека, его способности к изменениям, она апеллирует к его *активности*, внутреннему потенциалу субъекта, помощь в реализации которого возвращает человеку способность к изменению своей жизни в ситуациях, затрудняющих его социальное функционирование, возвращает способность действовать самостоятельно. Следовательно, существует принципиальная разница в ценностных ориентациях, обуславливающих разные требования к технологиям работы, к профессиональной деятельности и подготовке специалистов. В широком смысле слова социальная работа предстает как совокупность разнообразных видов общественной и государственной деятельности, направленной на поддержку людей, испытывающих затруднения в социальном функционировании. В данном аспекте она включает системы социального обеспечения и социального обслуживания и может рассматриваться как социальный институт с присущими ему атрибутами. В более узком смысле социальная работа выступает как профессиональная деятельность, во многом еще обретающая атрибуты социального института, представляя собой *систему индивидуальной помощи и поддержки людей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах*. Оба выделенных аспекта в определении социальной работы взаимосвязаны. История социальной работы за рубежом свидетельствует, что функционирование систем социального обеспечения и социального обслуживания не достигало необходимого социального эффекта без профессиональной деятельности социальных работников. Как профессия она возникла относительно недавно, вырастая из гражданских инициатив. Признание государством ее в качестве профессиональной деятельности и придание официального статуса происходит во второй половине XX столетия³.

Идеологию социальной работы можно определить как *систему идей, ценностей, ценностных ориентаций, целей и представлений о способах их реализации, обусловленных актуальным состоянием взаимодействия интересов социальных субъектов в государстве и гражданском обществе, направленных на социальную*

интеграцию общественных групп, классов или отдельных индивидов, включая тех, кто испытывает затруднения в социальном функционировании и развитии. Под влиянием идеологии происходит развитие социальной работы как системной деятельности, обеспечивающей устойчивость и динамическое равновесие общественных отношений.

Рассмотрим модель идеологии социальной работы, воспроизводящую ее наиболее типичные, существенные характеристики и структурные компоненты. В *модели идеологии* социальной работы следует прежде всего выделить *ядро*, состоящее из базовых идей, ценностей, ценностных ориентаций. Ядро любой идеологии составляют социально обусловленные способы отражения действительности, поэтому необходимо обозначить субъект, интересы которого выражают идеи, образующие его. Особенность идеологии социальной работы в том, что ее ядро составляют идеи общечеловеческого характера, гуманистические ценности, разделяемые социальными субъектами вне зависимости от той социальной позиции, которые они занимают в структуре общества. Они приобретают *форму* философских, религиозных, этических концепций, апеллирующих к ценности человеческой жизни, свободе и достоинству человека, его активности, к неотъемлемым правам, эволюционируя в представления *о социальных правах* человека и *социальной справедливости*. Социальная справедливость присутствует так или иначе в любой идеологии на определенных этапах функционирования, но в идеологии социальной работы она выступает *системообразующей* идеей, что и позволяет включить ее в ядро модели наряду с идеей личной ответственности и активности человека, верой в его способность к изменениям. Базовые идеи и ценности, образующие ядро идеологии социальной работы, выражают не групповой, но общий интерес, в котором в конечном счете воплощается объективная потребность в поддержании и воспроизводстве общественной целостности. Практика социальной работы через разнообразные формы помощи и поддержки связана с интеграцией тех, кто в силу определенных причин оказался в ситуации затруднения социального функционирования или социального исключения. Отражая данную практику, идеология социальной работы демонстрирует свою интегративную, объединительную природу. Ее носителем выступает государство.

Затем следует выделить систему идей, воплощающих *программы*, определяющие *цели*, вектор, направление общественных преобразований в соответствии с базовыми ценностями (как правило, выраженные в политической форме, поскольку главным субъектом данных преобразований выступает государство наряду с другими политическими субъектами). К ним относятся и идеи, закрепляющие *способы* реализации базовых ценностей в правовой форме, то есть способы реализации социальных прав граждан и достижения социальной справедливости. Под влиянием данных представлений формируются программы создания систем социальной защиты, формирования систем социального обеспечения и социального обслуживания и форм социального страхования как способов их организации. В выделенном ракурсе рассмотрения модели идеологии наблюдается дифференциация в представлениях различных социальных субъектов о целях и

способах достижения социального идеала, что неизбежно, поскольку восхождение к общечеловеческим ценностям происходит через конкретные социальные интересы. Программы, таким образом, образуют идеи и ценности, обусловленные актуальным взаимодействием социальных акторов – государства, гражданского общества, образующих его социальных групп.

Следующий компонент в модели составляют, на наш взгляд, идеи, инициирующие *модернизацию институционального регулирования* в направлении, определенном идеологической программой. Их можно представить как своеобразную *оболочку* идей, расположенных вокруг ее ядра, регулирующих отношения, приводящие к изменениям в деятельности институтов социального обеспечения и социального обслуживания. К ним относятся идеи и ценности, образующие макроконцепцию актуальной социальной политики, в контексте которой осуществляется практическая социальная работа. В связи с этим следует подчеркнуть, что вопрос о том, признавать ли социальную работу в качестве социального института, может быть решен положительно в том случае, если существующие институты помощи и поддержки не в состоянии обеспечить выполнение идеологической программы социальной работы. В России весь аппарат идеологического обеспечения, унаследованный от прежнего этапа общественного развития, носил ярко выраженный патерналистский характер. Особенно отчетливо он обнаруживался в системе социального обеспечения и социального обслуживания. Сказанное означает, что следование идеологии неизбежно сопровождается формированием потребности в институционализации социальной работы, впоследствии подчиняющей себе социальное обеспечение и социальное обслуживание.

Применение *уровневого* подхода к моделированию идеологии социальной работы позволяет представить следующие компоненты. На «низовых» уровнях ее функционирования – *общественной психологии, обыденного, массового сознания* – это ожидания, оценки, стереотипы, установки, реакции, верования, образы, мифы, связанные со способами достижения социальной справедливости, перераспределения социальных благ. На уровне «верхов» – идеи, ценности, имеющие концептуальное или образное, символическое выражение, социальные программы, официальные решения, проекты, планы, доктрины, лозунги, посвященные проблеме создания систем социальной защиты. Развитие модели в данном аспекте позволяет представить идеологию социальной работы как *официальную (господствующую)* идеологию, реализуемую государством посредством социальной политики через управленческие и организационные структуры и профессиональную деятельность субъектов социальной работы. В последнем случае речь идет о *профессиональной* идеологии социальных работников. В то же время существуют и *неформальные* представления, отражающие ценности гражданских, общественных инициатив в развитии форм помощи и поддержки социальных групп или отдельных людей, испытывающих затруднения в социальном функционировании. *Индивидуальный* уровень идеологии социальной работы выступает в форме ценностей, ценностных ориентаций, представлений, убеждений, мотивов деятельности профессионалов и получателей социальных услуг.

Модель *процесса развития* идеологии социальной работы воспроизводит движение от утопии к идеологии, так что его, с одной стороны, можно представить как поэтапное развитие идеологии, но с другой – как смену исторически устаревшей идеологии новой. В утопии заключен сконструированный вне прямой связи с реальным бытием идеал, своеобразная мысленная социальная гипотеза, идеальная картина, привлекательный образ справедливого общественного порядка, отличающегося от существующего. Утопия всегда революционна, ее смысл в инициировании изменений, она выступает ориентиром социального творчества. В социальной работе таким идеалом выступали гуманистические представления о социальной справедливости и правах человека. Переход от идеала (утопии) к идеологии обусловлен потребностью смены приоритетов в выполнении идеологических функций, когда весь комплекс идей, включая проекты и программы социальной работы, начинает использоваться для поддержания пришедшего к власти класса.

Идеология по своей природе динамична, поскольку обращена к существующему общественному порядку, указывая направление движения, проектирует будущее, но исходит при этом из актуальных общественных потребностей. Утрачивая способность отвечать на жизненные запросы, она отмирает, вытесняется новой идеологией. Происходит процесс «деидеологизации» прежней идеологии, сопровождаемый процессом «идеологизации» как утверждением нового идеала и новой идеологии. Указание на механизм утраты такой способности содержится в законе продолжающегося действия идеологии, сформулированном К. Манхеймом: пришедший к власти класс не вырабатывает новые идеи, а приспосабливает их к существующим условиям⁴. Консервативные, охранительные функции зрелой идеологии рано или поздно входят в противоречие с реальной общественной динамикой.

В качестве идеологии социальной работы выступают программы, которые привели к созданию социальных государств с присущими им перераспределительными системами общественных благ в виде систем социального обеспечения, социального обслуживания, в целом систем социальной защиты.

Модель *процесса функционирования* идеологии социальной работы дает представление о том, как идеология выполняет свойственную ей роль в системе отношений социальной сферы, как происходит ее «идеологизация» с точки зрения распространения, проникновения в систему отношений субъектов социальной работы, принятия и усвоения ими ценностей и следования таким ценностям. Важнейшими среди них являются ценность любого человека как неповторимой и уникальной личности, право каждого на помощь и поддержку, заботу со стороны общества при наступлении определенных обстоятельств, человеческое право на самореализацию, способность к изменениям, право выбора и другие.

Используя уровневый подход, процесс идеологизации в данном аспекте можно представить как движение в направлении сверху вниз и снизу вверх. В первом случае происходит продвижение идеологии в массы со стороны официальных структур, идеологов, лидеров и т. п. Во втором – в направлении движения

со стороны воспринимающей идеологию масс – в действие вступают социально-психологические механизмы. В процессе идеологизации содержится потенциальная возможность «консервации», «замораживания» идеологии. Выделяя данную черту процесса, Е. С. Барзгова пишет, что «идеологизация создает определенные стереотипы, соответствующие интересам класса – субъекта идеологии. Бытие класса в социальном взаимодействии объективно развивается, интересы меняются, идеология призвана следовать их движению. Созданные стереотипы выступают значимым препятствием актуальному отражению»⁵. Такая стереотипизация общественного сознания особенно очевидна в сфере социальной работы – это иждивенчество, патерналистские ожидания, эгалитаристские настроения и др. Деидеологизация предстает как процесс вытеснения из системы общественных отношений идеологии, вступившей в противоречие с тенденциями развития общества. Появление новой идеологии следует рассматривать как программу разрешения назревших противоречий. Идеологизация и деидеологизация, таким образом, выступают как стороны идеологического процесса.

Выделенные процессы преломляются в деятельности субъектов социальной работы, реализуясь посредством определенных механизмов. К субъектам социальной работы относятся профессиональные группы, занятые организацией и управлением социальной работой, специалисты различных областей социальной работы, группы людей, нуждающихся в помощи и поддержке. Механизм продвижения идеологии социальной работы может быть религиозным (система различных церквей), образовательным, семейным, юридическим, политическим (политическая система, включая политические партии), профсоюзным, коммуникационным (пресса, радио, телевидение и др.), культурным (литература, искусство, спорт и др.). Профессиональное образование, предполагающее идеологическое воспитание будущих специалистов, выступает одним из наиболее действенных способов распространения идеологии социальной работы, трансляции ее в профессиональную сферу.

Таким образом, предложенная модель процесса развития и функционирования идеологии социальной работы может служить целям экспертизы при анализе практики ее становления в условиях современного российского общества.

¹ См.: Косова Л. Б. Динамика ценностных ориентаций: анализ результатов эмпирического исследования // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 114.

² Барзгова Е. С. Идеологическое воспитание молодежи (на примере США): Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Свердловск, 1990. С. 20.

³ См.: Шанин Т. Социальная работа как новый культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М., 1997. С. 18–43; Соловьев А. Процесс рождения новых профессий: социальная работа в США, Великобритании и России // Там же. С. 105–120.

⁴ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 208.

⁵ Барзгова Е. С. Указ. соч. С. 17.

**О. И. Антонова,
К. И. Колесникова**

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИЛИ МОЛОДЕЖЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Важные тенденции современного общества, констатируемые практически всеми исследователями, работающими в области социологии религии XX и начала XXI веков – секуляризация и интернационализация религиозных конфессий, ограничение сферы действия религии преимущественно религиозной практикой, ослабление регулятивного влияния религии на различные стороны социальной жизни. В то же время обращает на себя внимание проявление своего рода контртенденции – «возвращения» религии в светскую жизнь людей, что проявляется в политической активизации ряда конфессиональных общностей, их стремлении настаивать на сохранении уже вступивших в противоречие со светскими религиозных институтов.

В России наблюдаются те же тенденции, однако их отличает специфика проявления. На фоне ослабления регулятивного влияния религии на различные стороны социальной жизни в конце XX века значительно вырос уровень религиозности граждан, в том числе молодежи, увеличивается количество общин разной конфессиональной принадлежности. Наряду с формированием новых общин и приходов традиционных для России конфессий значительно увеличивается численность объединений различных направлений протестантизма и новых религиозных движений, для которых характерна активная работа с молодежью. На фоне стабилизации количества верующих на рубеже XX–XXI веков наблюдается некоторое возрастание доли «воцерковленных». В современной России деятельность религиозных общностей превратилась в важный элемент социальной структуры общества.

В связи с обозначенными выше процессами для современной России актуальными являются вопросы диалога конфессий, форм сочетания в жизни людей светской и культовой практик, взаимоотношения светских и религиозных общностей в решении наиболее важных и острых социальных проблем. В России в результате многовекового преобладания православия и почти семидесятилетнего господства атеистической идеологии не сформированы традиции терпимого и уважительного отношения к инакомыслию, формы и механизмы сотрудничества верующих и неверующих, представителей различных религиозных конфессий. И государство, и религиозные объединения, и общественные организации сталкиваются сегодня с двумя группами проблем: 1) допустимого влияния конфессиональных общностей на социальные процессы; 2) преодоления противостояния этих общностей как гражданским общностям, так и друг другу.

Лидеры различных конфессий проявляют готовность к сотрудничеству с государством, к участию в решении социальных проблем, религиозные объедине-

ния проводят в этом направлении большую работу. В то же время в межконфессиональных взаимодействиях пока еще сохраняются больше центробежные, нежели центростремительные тенденции. Специфика религиозного мировоззрения заключается в том, что приверженцы каждой из существующих религиозных систем считают свою веру истинной, и эта позиция во многом определяет их деятельность в культурной и социальной сферах, поддержку или негативное восприятие происходящих процессов. Так, нередко в выступлениях религиозных иерархов, а также ученых и политиков звучит негативная оценка возросшей роли светских форм сознания, объяснение социальных кризисов, катаклизмов и проблем отказом от Бога, утратой религией тотально-регулирующей функции. Исходя из этого поиск путей решения социальных проблем связывается исключительно с возвратом к Богу, усилением роли церкви, расширением влияния религиозного сознания.

Но коль скоро значительная часть социальных и нравственных проблем характерна для жизни и будущего молодежи, важнейшим условием их решения религиозные объединения предлагают активную работу среди молодежи, формы которой разнообразны. Безусловно, подобная работа весьма значима, поскольку она преследует и весьма благородные цели: уберечь молодое поколение от влияния негативных социальных условий и факторов, привлечь его к участию в решении многих важных и злободневных вопросов, в том числе – и проблем самой молодежи. Религиозные общности играют важную роль в реализации государственной молодежной политики, достижении таких целей в работе с молодежью, как противодействие распространению в молодежной среде наркомании, токсикомании и иных зависимостей, преступности и антисоциальных явлений, формирование у молодого поколения высоконравственных идеалов и патриотизма. Сохранение нравственности в обществе, духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание – это одна из областей, где религиозные организации и государство сотрудничают на основании того, что религия во все времена была и носителем, и оформителем общечеловеческих ценностей. Конечно, нельзя ставить знак равенства между нравственностью и религиозным мировоззрением, последнее – не панацея от безнравственности, но традиционная роль религии как носителя нравственных ценностей должна учитываться.

В частности активная работа с молодежью проводится Екатеринбургской епархией Русской Православной Церкви. Существует несколько отделов: миссионерский отдел, который работает в основном по противостоянию сектам (при нем существует «Студенческое братство»); отдел, занимающийся составлением программ проведения досуга молодежи (располагается при Вознесенском храме), а также отдел церковно-приходских школ и учебный отдел, который функционирует в вузах и школах.

В Екатеринбургской епархии в 1996 году был создан отдел по работе с молодежью. Сотрудники этого отдела участвуют в деятельности Комитета по молодежной политике при Полномочном представителе Президента РФ в УрФО, принимают участие в разработке программ молодежной политики в УрФО, регламентирующих духовно-нравственные аспекты в работе с молодежью. Кроме того,

сотрудники отдела входят в Молодежную палату при Законодательном собрании Свердловской области.

К основным направлениям деятельности отдела по работе с молодежью относятся:

- развитие православных молодежных организаций: уральского отдела Всероссийского православного молодежного движения, уральского отдела Братства православных следопытов, Объединения патриотических клубов «Дружина», Православного спортивного общества «Соколы России», Православного туристического клуба;

- проведение обучающих семинаров по вопросам организации молодежного служения, лагерей, православных молодежных организаций и клубов досуга молодежи;

- создание и развитие православных молодежных досуговых, тематических клубов и групп с целью создания здоровой молодежной среды общения, проведение миссионерских, образовательных и социальных программ;

- проведение аналитической работы и создание информационного поля для пропаганды православного молодежного движения в обществе: издание газет, сотрудничество со светскими СМИ, развитие и продвижение интернет-сайта отдела, другие информационные проекты;

- сбор, обработка, хранение и распространение методических материалов по программам молодежного движения;

- осуществление молодежных социальных программ и проектов, разработка методик.

В епархии действует Православное студенческое братство во имя святых Кирилла и Мефодия. Оно занимается в основном благотворительной и противосектантской просветительской деятельностью. Благотворительная деятельность по большей части связана с детскими домами и школами. В этом году это школа-интернат № 42 и школа № 50. Просветительская деятельность Братства заключается в распространении «Православной газеты» и газеты «Покров» в вузах; проводятся встречи с бизнесменами, которые затем нередко перечисляют деньги в епархию. Деятельность противодействия сектам включает проведение информационных акций на сектантских собраниях. Также студенты сотрудничают с некоторыми общественными организациями, такими как «Город без наркотиков», «За духовность и нравственность» и Молодежная палата при областном правительстве.

По поводу «противосектантской деятельности» возникает ряд вопросов. Сама по себе проблема важна как в теоретическом, так и в практическом аспекте и требует специального обсуждения. В данной статье хотелось бы обратить внимание на то, что именно здесь подстерегает опасность объявления сектантами всех, кто не является приверженцем традиционных исповеданий, в том числе атеистов и неверующих. Противосектантская деятельность тогда может предстать как нарушение конституционного права личности на свободу совести и вероисповедания, причем от подобных действий не застрахованы представители ни одной из действующих в России конфессий.

Иными словами, у работы с молодежью, создания при различных религиозных объединениях молодежных «подразделений» есть обратная сторона – нарушение «границ допустимого влияния» на светскую жизнь в целом и молодежи в частности со стороны религиозных объединений. Опасность заключается в том, что «борьба за молодежь» между объединениями, основанными на разных мировоззренческих позициях, может привести к еще одному расколу нашего общества, и так пока далекого от интеграции.

Важной составляющей отношений религиозных общностей с молодежью является взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования. Их основные аспекты: обеспечение государством светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях; государственная поддержка преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными объединениями; предоставление возможности обучать учащихся и студентов религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях вне рамок образовательной программы; государственное лицензирование и аккредитация образовательных учреждений, созданных религиозными организациями. Возникновение, функционирование, трансформация религиозных общностей в современных условиях не могут быть осмыслены без анализа сущности, функций, методов религиозного образования. Оно является важнейшим «каналом» распространения религиозных взглядов и способов действия, пополнения религиозных объединений молодежью, условием их существования и жизнеспособности, поэтому именно религиозному образованию уделяется такое большое внимание всеми религиозными конфессиями. Можно даже сказать, что от того, насколько будут развиты как собственно религиозное образование, так и его контакты с образованием светским, зависит будущее самой религии. Начиная с последних десятилетий XX века в России значительно возросли масштабы религиозного образования, сегодня существуют сотни религиозных учебных заведений – от начального звена до учреждений профессионального образования.

К исследованию и осуществлению религиозного образования существует два подхода: конфессиональный и светский. В рамках первого до недавнего времени давался достаточно автономный анализ этого вида образования. С изменением религиозной ситуации в России и отношений «государство – религиозные объединения» данный подход акцентирует свое внимание на значимости религиозного образования для общества, обосновании необходимости введения его в качестве обязательного. Применительно к России речь, конечно, идет о православном образовании. Светский подход к религиозному образованию предполагает его исследование как одного из видов образования вообще; анализ специфики современного религиозного образования, тенденций его развития; значимости не только для религиозной, но и для светской жизни; характеристику нормативно-правовых основ деятельности учреждений религиозного образования; изучение форм и методов государственного регулирования религиозного образования, сотрудничества религиозных общностей и светских учебных заведений. Реалии сегодняшнего

дня поставили на повестку дня вопрос об изучении религиозного образования социологической наукой, позволяющей выявить его значимость для образования и воспитания молодежи, формирования личности, влияние на функционирование и воспроизводство религиозных общностей, на различные стороны социальной действительности, а также определить допустимые границы этого влияния.

Специфика религиозного образования обусловлена особенностями религиозной веры и деятельности, содержанием транслируемых религиозных доктрин и религиозного опыта, высокой степенью стандартизации как знаний и навыков, так и методов их передачи. Характерная черта светского образования – динамизм, обусловленный стремительным увеличением объема информации. Для религиозного образования, напротив, динамизм нехарактерен, поскольку передаваемый в процессе обучения объем информации относительно стабилен. Совокупность принципов и догматов любой религиозной доктрины освящена авторитетом высших сил, человек может лишь разъяснить и истолковывать их для более глубокого усвоения. Важнейшая задача религиозного образования – укрепление в вере. Современное светское образование становится все более специализированным. Ограниченность передаваемой в процессе религиозного обучения информации делает специализацию ненужной. Для светского образования характерно применение инновационных методов, значительную роль в нем играет принцип сомнения. Там, где нет сомнения, не может быть науки, а без нее нет и современного образования. Обучение религии по-прежнему опирается на традиционный метод усвоения передаваемой и разъясняемой учителем информации. Применение инноваций в религиозном образовании очень ограничено. Получается, что светское образование предъявляет молодому человеку одни требования, религиозное – другие.

Расширение сферы религиозного образования порождает и ряд серьезных социальных проблем. Наиболее важная из них – поиск форм оптимального взаимодействия светского и религиозного образования и воспитания, определение «допустимых границ» влияния религиозного воспитания на образовательный процесс, осуществляемый в светских учебных заведениях. Важным аспектом данной проблемы является определение места религии в государственной системе образования. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция нарушения конституционного принципа светскости государственной системы образования. Укажем некоторые ее проявления.

1. Внедрение в средние профессиональные и общеобразовательные учебные заведения иностранных миссионерских организаций, религиозная направленность которых прикрыта популяризацией новейших технологий обучения и этических концепций (сайентология, Вальдорфское педагогическое движение, дианетика и др.). Различные фонды и объединения арендуют помещения в вузах, предлагают ректорам разнообразные программы, конечной целью которых является распространение той или иной конфессии.

2. Начало подготовки в государственных вузах по специальности «Теология». Однако в предложенном государственном стандарте по этой специальности просматривается несомненная тенденция к утверждению доминанты РПЦ.

3. Имеющее место в отдельных регионах России введение обязательного преподавания в средней школе основ православной культуры и даже православной катехизации.

Таким образом, православию не только отводится ведущая роль в формировании духовной культуры, но и придается вполне реальное преимущество в сравнении с другими вероисповеданиями. Мы можем снова столкнуться с утопической идеей спасительного единомыслия, с внедрением очередной единственно верной идеологии, что будет означать отказ от наметившегося перехода к гражданскому обществу, правовому государству.

Расширение влияния на подрастающее поколение российских граждан посредством проникновения в светские учебные заведения является одним из концептуальных принципов развития религиозного образования в рамках любой конфессии. Однако наибольшими возможностями для такого проникновения обладает сегодня прежде всего РПЦ. В «*Основах социальной концепции РПЦ*» содержится идея о том, что с православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. Деятели РПЦ подчеркивают полезность и необходимость проведения уроков христианского вероучения в светских школах при желании детей и их родителей, а также в вузах. Аналогичные подходы мы встретим и у представителей других конфессий.

Здесь скрыта серьезнейшая проблема, ибо лидеры каждой конфессии хотели бы видеть систему образования построенной на соответствующих религиозных ценностях. Так, иерархи РПЦ рассматривают передачу духовного православного опыта как основу школы будущего. Как же тогда быть с иными церквями, которые также заявляют о своей особой роли в образовательном процессе? Как быть с правом неверующих и атеистов на свободу мировоззренческого выбора? Подобные претензии могут привести к борьбе мировоззрений, конфессий, лишению личности свободы духовного самоопределения.

Попытки реализовать подобные устремления представляют собой последовательное отстаивание корпоративных интересов той или иной конфессии, противоречат высказываниям религиозных иерархов о готовности строить отношения со светской школой исходя из признания человеческой свободы, недопустимости навязывания учащимся антирелигиозных идей. Недопустимо навязывание любых идей: атеистических, православных, исламских и др. А именно этого вряд ли удастся избежать при «внедрении» религиозного образования в светские учебные заведения.

Отношение к религиозному образованию, в том числе к введению в светских образовательных учреждениях курсов по изучению религии, мы попытались выяснить в ходе исследования, проведенного в Екатеринбургской православной духовной семинарии и ряде университетов Екатеринбурга (опрос семинаристов проводился методом полустандартизованного интервью). В процессе исследования было выявлено, что учащиеся духовной семинарии считают религию основой мировоззрения, в то же время осознают недостаточность знаний, получаемых в религиозном учебном заведении, стремятся наряду с духовным приобрести профессиональное

светское образование. Они считают, что наличие высшего или среднего профессионального светского образования обогащает личность священнослужителя. Опрошенные нами эксперты (проректоры и преподаватели семинарии) считают, что религиозное и светское образование должны не противоречить, а взаимно обогащать друг друга. Расширение научного кругозора за счет дополнения религиозного образования светским способствует тому, что священнослужители станут более терпимы к инакомыслию, что особенно важно в современных условиях.

В то же время по вопросу о возможных вариантах преподавания знаний о религии в светских учебных заведениях опрошенные нами учащиеся семинарии четко воспроизводят позицию РПЦ. Религиоведение они понимают как сравнение мировых религий и считают такой способ религиозного просвещения наименее эффективным и привлекательным, так как он формирует равнодушное отношение к религии. Рассмотренные взгляды на православное образование «пропущены» через призму православной веры.

Позиция неверующих студентов государственных университетов Екатеринбурга по вопросам взаимодействия светского и религиозного образования существенно отличается от мнений семинаристов. Только 8% из них отметили, что религия является основой общества, 56% считают, что религия должна быть обособлена от других сфер общественной жизни, 32% – что она должна удовлетворять потребности населения, которое относит себя к верующим. В то же время они лояльно настроены в отношении религиозного воспитания в семье и не отрицают его полезности. Большинство опрошенных студентов считает, что религиозное образование развивает в человеке гуманность (90%), воспитывает почитание родителей и семейных ценностей (88%). В то же время, по их мнению, религиозно воспитанный человек слишком доверчив, что затрудняет его жизнь в современном мире (68%), религиозное воспитание отдаляет ребенка от сверстников (72%). 52% опрошенных считают, что религиозное образование приводит к трудностям при реализации человека в жизни.

Значительная доля опрошенных склонна связывать отсутствие в обществе духовности с тем, что детей редко воспитывают в религиозной обстановке (72%). На наш взгляд, подобная позиция обусловлена тем, что в общественном сознании посредством СМИ активно формируется мнение, что религия, прежде всего православие, выступает единственной основой воспитания духовности в нашем обществе. В силу этого данное мнение часто разделяется людьми, весьма индифферентно относящимися к религии в целом и к православию в частности. Однако вряд ли оправданно причислять к носителям духовного начала только верующих людей.

Итак, к позитивным сторонам религиозного образования неверующими студентами было отнесено то, что человек с его помощью обогащается нравственно, к негативным – возможная дезадаптация в современном обществе. Так, ряд студентов УрАГС высказали мнение, что в религиозных образовательных учреждениях необходимо введение какой-либо специальной дисциплины, в рамках которой семинаристы могли бы изучать проблемы современного общества, реальные, а не только идеальные принципы выживания в нем. Подобное мнение продиктовано

убеждением, что религиозное образование воспитывает инфантилизм, неприспособленность к жизни в современном обществе.

Среди опрошенных 72% не согласились с тем, что светское образование ограничивает духовное и нравственное совершенствование человека, и полагают, что данный тип образования развивает в человеке стремление к знаниям, попытку найти свое место в жизни.

Данные опроса выявили преобладающее мнение студентов государственных учебных заведений: система образования ни в коем случае не должна быть построена на религиозных началах. В то же время 52% признают полезным проведение уроков христианского вероучения в светских школах по желанию учащихся (студентов) в качестве факультативов, 44% считают полезным включение в образовательные программы религиозных учебных заведений базовых дисциплин светского образования. Четкое разграничение светского и религиозного образования и недопущение их пересечения одобряется всего лишь 20% опрошенных.

Результаты исследования показали, что неверующая молодежь имеет сформировавшуюся позицию в отношении религиозного образования и достаточно хорошо осведомлена о нем. Неверующая студенческая молодежь позитивно оценивает некоторые черты религиозного образования, в то же время в большинстве своем не хотела бы его получать. В ее понимании быть верующим, получать религиозное образование – значит делать себя уязвимым для жизни в обществе рыночной экономики и конкуренции, неспособным адаптироваться к нему.

Безусловно, необходимость взаимодействия системы светского образования как с православной, так и с другими церквями очевидна. Вопрос состоит в поиске форм и аспектов такого взаимодействия. Все разногласия, касающиеся религиозного образования, необходимо преодолевать на основе закона, который также нуждается в совершенствовании.

На наш взгляд, задача светской школы – давать учащимся религиозоведческие знания в качестве неотъемлемого компонента гуманитарного знания. Введение в школах религиозно ориентированных предметов будет означать клерикализацию государственной системы образования в России. В то же время учащиеся должны получать знания о религии как важной составляющей истории и культуры, у них необходимо формировать религиозную толерантность. Важная роль в реализации этой функции принадлежит современному светскому религиоведению.

Занятия по религиозному обучению для желающих можно организовать в рамках работы воскресных школ, катехизаторских курсов и других организационных форм развития непрофессионального религиозного образования. Тогда многие проблемы отпадут сами собой, ибо не будут ущемлены ничьи права, не нужно будет ломать голову над тем, как организовать факультативы сразу по многим религиям в рамках одной школы.

Необходимо разграничение официальной позиции школы и государства в отношении религии, с одной стороны, и личным убеждением преподавателя – с другой. И верующий и неверующий учитель обязан занимать нейтральную позицию в отношении религии.

Ю. А. Макрушина

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ПОДХОД К АНАЛИЗУ РЫНКА ТРУДА: УСЛОВИЯ ДЛЯ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ

Несмотря на рост интереса к экономической социологии в России в последнее время, рынок как особая система взаимодействия субъектов так и не удостоился достаточного внимания со стороны социологов. Экономическая социология, традиционно представленная в России исследованиями рынка труда, оставляет за рамками изучения всю совокупность социально-экономических и даже политических условий, определяющих взаимодействие участников рынка. В то же время рынок труда, основанный на взаимодействии по поводу купли-продажи рабочей силы, представляет собой только один из элементов общей рыночной системы, которой является рынок как система взаимодействия экономических субъектов. Поэтому и анализ рынка труда, а в дальнейшем и места на нем отдельных субъектов должен производиться через анализ всей совокупности отношений, которая представляет основу для взаимодействия по поводу купли-продажи рабочей силы.

В данной работе предложен двухуровневый подход к анализу рынка труда. Условия для появления и функционирования новых субъектов на рынке труда рассматриваются через процесс формирования рынка в целом как системы рыночных отношений, а сам рынок труда представлен как один из типов, взаимосвязанный в рамках системы рыночных отношений с рядом иных рынков.

Рынок в России как особая система взаимодействия субъектов является не только относительно молодым явлением, но и претерпевающим существенные изменения в каждый момент своего существования. Поэтому рассмотрение рынка как статического объекта и фиксация каких-либо определенных характеристик рынка представляются, на наш взгляд, невозможными. Альтернативным подходом нам видится изучение рынка через процесс его становления, что позволит показать совокупность условий для появления новых субъектов, таких как молодежь, для взаимодействия субъектов рынка и для дальнейшей динамики рынка в целом. Поэтому мы обращаемся к подходу, особенно тщательно разрабатываемому социологами Восточной Европы: к рассмотрению социально-экономической трансформации.

Социально-экономическая трансформация представляет собой процесс длительных целенаправленных изменений во всех сферах жизни общества, исторически обусловленный и ведущий к становлению иного для данного общества типа базовых институтов. Трансформация влечет за собой и смену системы ценностей, и значительные изменения в социальной стратификации, и формирование иных механизмов политического, экономического и социального взаимодействия субъектов общества. Таким образом, процесс социально-экономической трансформации

ции представляет институциональный контекст для анализа рынка, а также для определения условий появления того или иного субъекта на рынке.

Основные теоретические послылки и категории для анализа социально-экономической трансформации и рынка как одной из значимых целей масштабных преобразований в достаточной степени разработаны в рамках направлений сетевого анализа и нового институционализма в социологии. Использование приведенных ниже посылок и категорий позволяет в дальнейшем рассматривать молодежь как новый субъект на рынке, организующий свою деятельность в условиях исторически значимых связей и вносящий возможность динамики в существующие структуры.

Формирование категориального аппарата можно проследить от работ Карла Поланьи¹. В частности он представляет саму категорию трансформации как изменение соотношения экономической и социально-политической составляющей в жизни общества, а именно, как подчинение рынком социальной и политической материи общества.

Развитие другой, предложенной Поланьи категории – «укорененность – предпринимает классик сетевого подхода в экономической социологии Марк Грановеттер². Он придает ей большую четкость, однозначно определяя ее как социальную обусловленность экономического действия. Благодаря укорененности экономического действия в социальном характере взаимодействия обществам удается сохранять существующие связи и сети при изменении и даже исчезновении формальных отношений и институтов, традиционно определявших взаимодействие. В целом, Грановеттер объясняет как саму возможность изучения рынка и социально-экономических изменений с позиции социологии, так и ее необходимость именно в рамках сетевого подхода, позволяющего преодолеть крайности «недо- и пересоциализированных концепций».

Возможности сетевого подхода позволяют проследить также динамику развития рынка за счет особого интереса к вновь появляющимся (emergent) связям и создающим их новым субъектам. Например, Харрисон Уайт и Рон Берт рассматривают рынок как механизм, в ходе которого происходит анализ (новыми) субъектами существующей сети взаимодействия и поиск тех стратегических мест, которые позволят аккумулировать как можно большие ресурсы³. Так, появление представителей молодежи на рынке при самостоятельном определении ими места входа в структуры взаимодействия может рассматриваться как процесс формирования рынка.

В рамках направления нового институционализма происходит дальнейшее закрепление значимости сетей взаимодействия субъектов как основы для функционирования рынка, а также облачение сетей в институциональный контекст⁴. При этом именно процесс трансформации реструктурирует сети и определяет характер взаимодействия в них. В свою очередь молодежь как новый субъект на рынке включается в готовый институциональный контекст и самостоятельно выбирает место в сети, тем самым определяя направленность и динамику будущих изменений.

Анализ социально-экономической трансформации является особенно распространенным в работах социологов применительно к обществам постсоветского пространства⁵. Такие страны, как, например, Чехословакия, Венгрия, Польша, Германия и Россия, прошли общий для всех путь от централизованной распределительной системы к рыночной экономике и претерпели масштабный процесс изменений во всех сферах жизни общества. При этом как сама рыночная система и ее институты, так и соответствующие им социальная политика, социальная стратификация, демографические показатели, социальные настроения населения и другие характеристики имеют существенные различия в результатах пути. Причина этих различий, характер сложившихся отношений на рынке, а также динамика изменений поддаются анализу при изучении процесса социально-экономической трансформации с помощью категорий и методологических посылок, описанных выше.

Так, изучение социально-экономических институтов и распространенных практик взаимодействия, присутствовавших в обществе до начала процесса трансформации, позволяет понять причины последующей готовности индивидов выступать активными субъектами на рынке в Польше и Венгрии и неприятия самостоятельной ответственности за результаты взаимодействия в условиях рынка в России и Восточной Германии. Различный характер присутствия государства на рынке в Чехословакии и в России в процессе трансформации объясняет отсутствие развала предприятий бывшей государственной собственности в Чехословакии и массовость этого явления в России. Экономическая ментальность Венгрии позволила сформировать средний класс для продолжения трансформации, в то время как экономическая ментальность россиян способствовала лишь дифференциации крайних групп классовой структуры и сращиванию бюрократии с экономической элитой.

Подобный анализ обусловленности характеристик рынка процессом социально-экономической трансформации общества является одним из возможных подходов к анализу условий для взаимодействия субъектов на рынке, а также условий для появления новых субъектов, в частности молодежи. Он обозначает множество проблемных полей, которые до сих пор не были изучены социологами, объясняет сложившуюся систему взаимодействий субъектов на рынке, а также позволяет формулировать прогноз развития социально-экономических институтов на основе анализа динамики взаимодействия новых субъектов рынка, и в частности молодежи, в сложившемся институциональном контексте.

Рынок труда как система взаимодействий по поводу купли-продажи рабочей силы представляет только один из элементов всей совокупности взаимодействий на рынке, однако включает в себя дополнительный субъект, который не предусмотрен иными типами рынков: безработных как людей, не имеющих места работы. Безработные, осуществляющие поиск работы, являются частью более широкой группы людей, находящихся в поиске места работы, – соискателей, среди которых значительную часть занимают и те, кто имеет место работы в настоящее время, однако хочет его сменить. И государство, и предприятия-работодатели, и кадро-

вые агентства, и та часть соискателей, которые имеют работу, являются участниками множества других типов рыночных отношений, в то время как та часть людей, которая не имеет работы, в большинстве случаев исключена из них. Служба занятости также может быть представлена особым субъектом, когда мы говорим о рынке труда, однако скорее является элементом государства как субъекта (в частности, его социальной политики) и не является участником рыночных отношений. Таким образом, рынок труда представляет совокупность взаимодействий, прежде всего предприятий-работодателей, соискателей и субъектов-посредников по поводу купли-продажи рабочей силы. Государство не является неотъемлемым субъектом рынка, однако степень и характер присутствия именно этого субъекта определяет либеральность функционирования рынка и развитость социальной политики государства.

Рынок труда оказывается крайне зависим от иных типов рынка в рамках существующей системы рыночных отношений. *Рынок инвестиций* определяет потребность в кадрах, их профессиональные и квалификационные характеристики. *Рынок жилья* непосредственным образом влияет на наличие и характер присутствия рабочей силы из других регионов и стран, что особенно важно в условиях дефицитного рынка. Развитость *рынка информационных услуг* позволяет субъектам оперативно реагировать на изменение спроса и предложения: работодателям – информировать о наличии вакансий, а соискателям – сообщать о готовности их заполнить либо о желании корректировать требования работодателей. Наконец, *рынок образовательных услуг* только начинает реагировать на требования рынка в целом как типа отношений в обществе и готовить специалистов, востребованных рынком труда.

Процесс социально-экономической трансформации не только обусловил формирование обозначенных выше типов рынка, но и определяет в настоящее время состояние рынков, их гибкость и степень зависимости от государства. Это можно проследить на примере рынка инвестиций, который является наиболее значимым для процесса формирования рабочих мест, что потенциально снижает социальную напряженность за счет уменьшения числа безработных и за счет увеличения спроса на рабочую силу. Причем увеличение спроса на рабочую силу дает возможность соискателям становиться значимыми для рынка субъектами, способными корректировать предложение работодателей, определять необходимый уровень заработной платы и объем социальных гарантий. Это потенциально снижает и необходимость участия государства в регулировании рынка труда.

Однако в ходе социально-экономической трансформации в России рынок инвестиций не был развит до той степени, которая была востребована самим рынком как типом взаимодействия между субъектами. На этапе приватизации государство было неспособно инвестировать экономику, так как находилось в крайне слабом экономическом положении. Подавляющая часть населения не обладала средствами для инвестирования и не была способна создавать рабочие места для населения. Несмотря на то что в ходе приватизации появилось множество частных предпринимателей, размер их вложений в экономику был настолько незначителен, что ни

становиться собственниками чего-либо, ни приглашать значительное количество людей работать для них не представлялось возможным. Иностранные инвесторы, вопреки заявлениям государства, не были допущены в российскую экономику самим государством на начальном этапе ее трансформации и пожелали остаться за ее пределами в последующем из-за нестабильной ситуации в стихийно, а позднее и императивно, нелиберально формирующемся рынке. Бывшие государственные служащие и люди, находящиеся во главе бывших прежде государственными компаний, стали почти единственными владельцами приватизируемых предприятий, которые хотя и медленно, но предоставляли в ходе реструктуризации рабочие места, сохраняя зависимость предприятий от государства. В результате все значимые для городов коммерческие объекты не только находятся в настоящее время под пристальным вниманием местной администрации, но и обязаны направлять свои ресурсы на социально-экономическое развитие региона, объясняя это «имплицитным», а на деле скорее «вынужденным» контрактом.

Результаты социально-экономической трансформации для рынка труда в России по итогам приватизации были плачевными. Старые связи между предприятиями были разрушены, а новые созданы не были. Единственной крепкой составляющей новой сети взаимодействий оставалась связь бывшей номенклатуры и бывших собственников государственных предприятий с государством, отражающая категорию социальной укорененности экономической деятельности этой группы предпринимателей. Связи же большей части населения носили скорее социальный характер, который в условиях «дикого» рынка и массового высвобождения рабочей силы не мог быть единственной, хотя и надежной, основой для экономического взаимодействия. Формирование новой сети взаимодействия, в которой представлена вся совокупность возможных субъектов рынка, продолжается и в XXI веке. Кроме того, новая сеть по-прежнему обладает множеством «структурных пустот» – вакантных мест, которые могут быть заняты новыми субъектами рынка.

Первоначальный шок реструктуризации и последующая динамика развития предприятий, получивших возможность осуществлять рыночное взаимодействие, самостоятельно определять партнеров и содержание связей, привели сначала к массовому высвобождению рабочей силы, а в последующем к развитию потребности в квалифицированной рабочей силе. Затянувшийся от начала перестройки этап развития потребности в рабочей силе, которому предшествовали высвобождение, массовая безработица, апатия и крайне низкая профессиональная мобильность, послужил стимулом для развития крайне значимого для рынка труда рынка образования. Однако выход сферы образования из командно-административной системы, и в частности из плановой системы, оказывается в настоящее время наиболее длительным процессом, сопровождающимся сложными процессами во всех сферах общественной жизни. Для рынка труда негибкость системы образования оборачивается прежде всего ее неготовностью обеспечить рынок соответствующими специалистами и необходимостью осуществлять подготовку самостоятельно.

Неразвитость законодательной системы и механизмов ее функционирования приводит к тому, что участники рынка труда оказываются социально и экономически незащищенными в условиях нового типа экономических отношений. Причем как соискатели, так и работодатели одинаково подвержены данному следствию трансформации социально-экономических отношений. Соискатели хотя и способны в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы корректировать предложение работодателя, в результате существенных недостатков законодательной системы оказываются исключенными из множества типов рынка из-за несоответствия декларируемой и реально выплачиваемой им заработной платы. В частности они ограничены в получении кредитов на покупку дорогостоящих объектов и не могут делать инвестиции в различные проекты, не доказав своей платежеспособности. Соискатели оказываются также незащищенными социально при приближении пенсионного возраста, так как скрытые заработки не позволяют накопительной части их пенсии соответствовать их доходам. Работодатели, в свою очередь, жалуются на давление со стороны администрации, принуждающей их участвовать в социальной политике не только внутри предприятия, но и выходить на уровень муниципальных субъектов при отсутствии со стороны государства уступок для тех предприятий, которые следуют требованиям участия. В частности, даже выплачивая значительные средства на нужды граждан и организуя для них социальные мероприятия, работодатель не освобождается от уплаты соответствующего налога. Снижение инвестиционной активности субъектов, не относящихся к центральным регионам страны – Москве и Санкт-Петербургу, а также снижение активности иностранных инвесторов являются следствием незащищенности предприятий от стихийных факторов российского рынка.

Наконец, параллельно процессу социально-экономической трансформации в России развиваются иные социальные процессы, связанные с проблемой демографии. Снижение рождаемости и сокращение трудоспособного населения приводят к тому, что рынок становится дефицитным по отношению к рабочей силе. Отсутствие людей, способных заполнить вакантные места на рынке труда, при недостаточно быстром темпе технологического прогресса приводит к тому, что соискатели получают возможность диктовать условия, существенно корректируя спрос, а появление специалистов из других регионов и стран приветствуется.

В подобных обстоятельствах молодежь на рынке труда получает особо выгодные условия. Устранение старых связей на рынке и процесс формирования новых оставляют возможность для заполнения тех ниш на рынке труда, которые соответствуют и профессиональным предпочтениям, и карьерным, материальным стремлениям молодежи. Если еще недавно, по мнению представителей кадровых агентств и сотрудников служб персонала предприятий, появление молодых специалистов на предприятиях не приветствовалось, так как они не соответствовали требованиям опыта, наличия связей и ряда материальных ресурсов, таких как автомобиль и прописка, то в начале столетия условия изменились.

Руководители начинают рассматривать молодежь как перспективную составляющую, необходимую для развития предприятий, что связано отчасти и с некоторой стабилизацией ситуации на рынке, когда работодатели перестают думать только о краткосрочной перспективе, отрицая возможность долгосрочных проектов.

Отсутствие специалистов на рынке труда позволяет молодежи даже в условиях несоответствия системы образования потребностям рынка, а значит, и при отсутствии достаточной квалификации и соответствующего образования занимать желаемые места работы. Работодатели в настоящее время готовы обучать специалистов при наличии возможности внутри предприятий либо оплачивать их обучение за пределами предприятий. Крупные предприятия, особенно в сфере производства, где спрос на рабочие места стремительно падает, согласно мнению представителей предприятий, вынуждены проводить агитационные мероприятия в образовательных учреждениях региона, отбирая перспективных работников и оплачивая их целевое обучение в колледжах и вузах. Наличие автомобиля и даже прописки перестают быть значимыми характеристиками для работодателей, особое место в социальной политике которых – и это относится только к крупным предприятиям – начинают занимать проекты по строительству жилья, призванные удержать перспективных работников, и особенно молодежь и их семьи, на предприятии как можно дольше.

Представители власти свидетельствуют также о том, что существует борьба предприятий за право обладать молодежью как ресурсом развития предприятия. Причем не статичным ресурсом, а динамично развивающимся инвестиционным ресурсом, вложения в который сейчас принесут значительную прибыль в будущем. Соответственно каждое предприятие в отдельности предпринимает активные попытки формирования привлекательного социального пакета для молодых специалистов, а также свое место на рынке труда находят и кадровые агентства, для которых условия дефицита рабочей силы формируют спрос на услуги. В то же время молодежь не является объектом купли-продажи субъектов рынка. По мнению представителя департамента по делам молодежи, она обладает развитым рыночным мышлением и способна самостоятельно определять и свои потребности, и способы их реализации. Сотрудники служб персонала предприятий также особо отмечают готовность молодых специалистов менять место работы при наличии предложения большего заработка.

Молодежь как субъект рынка труда становится своеобразным посредником в процессе трансформации образовательной системы. Образовательная система именно через молодежь как ресурс начинает процесс перехода к рынку, отвечая потребностям предприятий. Рынок труда все больше влияет на образовательный процесс через определение оборудования, которое существует на рынке, через определение характеристик специалистов, которые должны с ним работать, наконец, через определение того, какие специалисты могли бы предоставить подобные знания потенциальным участникам рынка. Таким образом, можно ожидать, что не только крупные предприятия будут брать под свой контроль функционирование и

развитие средних специальных учебных заведений и филиалов вузов, но и сами учебные заведения будут все более приближаться к потребностям рынка и выпускать подготовленных к требованиям рынка молодых специалистов.

Таким образом, социальная незащищенность молодежи, как и иных субъектов российского рынка труда, а также ее особые характеристики – отсутствие опыта и социально-экономических связей – в условиях дефицитного по отношению к спросу рынка оказываются несущественными для современного рынка труда. Молодежь, выходя на рынок труда, становится не только востребованным, но и значимым для формирования рыночного типа отношений субъектом. Молодые специалисты отличаются развитостью рыночного мышления, способностью адекватно оценивать себя на рынке и находить применение своим профессиональным навыкам и способностям.

На начальном этапе профессиональной карьеры молодые специалисты выступают посредниками между двумя типами рынков: рынком труда и рынком образовательных услуг, изменяя характеристики обоих. По мере обретения опыта работы и повышения уровня квалификации молодые специалисты получают возможность определять содержание предложения работодателей через выдвигание своих требований в условиях дефицитного рынка, а также формировать социальный пакет, предлагаемый им же.

Столь благоприятные для появления и взаимодействия молодежи на рынке труда условия являются следствием процесса длительных изменений в социально-экономической сфере. Переход к рыночному типу отношений, разрушение старых связей, возможность занимать желаемые ниши на рынке и формировать новые связи внутри сети отношений на рынке, а также во многом определять содержание предложения работодателей в условиях дефицитного спроса представляются значимыми для молодежи факторами, благоприятствующими их закреплению на рынке труда. Взаимозависимость же рынка труда и иных типов рынка, таких как рынок инвестиций, жилья, кредитов и даже образования, свидетельствует о том, что именно молодежь как активный субъект с развитым рыночным мышлением будет корректировать характер взаимодействия субъектов и на других, связанных со сферой труда рынках.

¹ *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

² *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58 (эл. публикацию см.: www.ecsoc.msses.ru).

³ Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В. Радаева. М., 2002. С. 3–15.

⁴ *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы... С. 119–156.

⁵ *Коровицына Н. В.* Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 9–18.

Л. Н. Банникова

**ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ОБЩЕСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ:
ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА**

Потребление – философско-социологическая категория, аналогичная по уровню абстракции категории производства, труда, ибо это цель и конечный результат процесса труда. Общественная система потребления может быть понята и объяснена по аналогии с общественной системой производства. «Производство и потребление составляют *один и тот же большой логический процесс расширенного воспроизводства производительных сил и их контроля*»¹.

Потребление зачастую было представлено как частная сфера. Формирование социальных структур, решение социальных проблем связывалось с производством. Справедливо замечание В. В. Радаева, о том, что «в классической политической экономии проблематика потребления оставалась даже не на вторых, а на четвертых ролях (после производства, распределения и обмена). Считалось, что наиболее существенные (базисные) отношения сосредоточены в процессе производства, а потребление хотя и является конечной целью, выступает чем-то производным»².

Новая парадигма в анализе экономических процессов, предложенная рядом исследователей, заключается в том, чтобы подчеркнуть, усилить роль потребления в процессе общественного воспроизводства, и прежде всего в воспроизводстве человека. Хотя в цикле «производство – потребление» ведущая роль отводится производству, роль потребления не менее значима, на его основе происходит *социальное* (курсив мой. – Л. Б.) воспроизводство самого потребителя³.

Непосредственная идентичность между производством и потреблением закреплена К. Марксом в категориях «потребительное производство» и «производительное потребление». Так же как в процессах труда человек не только тратит, но и развивает свои способности, овеществляет и персонифицирует себя в продукте, так и потребление следует рассматривать как «второй вид производства», где происходит не только уничтожение, трата, присвоение, но и формирование, воспроизводство и развитие сущностных сил человека. Представляется обоснованным вывод исследователей о том, что производство и потребление пребывают в непосредственной раздвоенности и единстве; в смысле воспроизводства человека они совпадают, являются тождественными.

На последующей аргументации исследователей сказывается влияние стереотипа восприятия потребления как частного процесса, как личного потребления, как потребительского поведения конкретных субъектов. Производство – процесс общественный, и личность в нем объективирована, подчинена производственной необходимости. В потреблении личность индивидуализирована, а доставленный ей обменом и распределением общественный продукт субъективизируется, удовлетворяя запросы и нужды отдельного потребителя⁴.

Потребление – новая сфера общественно-производственной рационализации. Рационализация труда имеет свое закономерное продолжение – рационализацию потребления. Происходит изменение характера рациональности, на смену формальной приходит субстантивная рациональность. Формальная рациональность – разумное потребление. Субстантивная природа рациональности предполагает потребление не «потому что», а «для того чтобы». Потребление – не трата, не средство для жизни, а как направление развития человека, конструирования его идентичности, его социальное воспроизводство.

Социолого-аксиологический аспект исследования труда предполагает отношение к труду как к терминальной или инструментальной ценности, ставит проблему удовлетворенности трудом. Онтологический аспект исследования предполагает анализ труда как генерализованной формы социальной практики, его содержания и характера.

Те же подходы возможны и продуктивны, на наш взгляд, в исследовании потребления. В литературе наиболее разработан *социолого-аксиологический аспект анализа*: исследование потребления как ценности с положительным или отрицательным знаком. Потребление – процесс, благодаря которому предметный мир, вовлеченный в социальную деятельность людей, приобретает для человека ценностный облик (ценностное значение). Ценностная предметность – социально-культурная характеристика вещей. Процесс потребления – реализация этой ценностной предметности. Содержание ценностной предметности зависит от системы социально-культурных ценностей. Содержание (наполнение) потребления зависит от значения этих ценностей для субъектов (влияние статуса), от норм, регулирующих процесс потребления: аскетизм, гедонизм (три узловых момента: ценность, их значение и нормы). Этот аспект исследования традиционно преобладает в работах исследователей (модели потребления, стиль и образ потребления).

Онтологический аспект анализа, исследование природы, содержания и структуры потребления, разработан значительно меньше. Потребление в этом аспекте рассматривается зачастую как потребительское поведение, еще уже – как потребительские практики, как одна из модификаций социального поведения наряду с трудовым, демографическим, организационным и пр. Достаточно привычным, хотя и небесспорным, на наш взгляд, стало исследование потребительского поведения как разновидности поведения экономического⁵.

Аксиологический аспект в исследованиях преобладает у социологов, а онтологический – в исследованиях маркетологов, в теории потребительского поведения. В последние годы онтологический аспект активно разрабатывается и социологами. Анализ работ французского социолога Жана Бодрийяра, посвященных исследованию потребления, позволяет заметить переход от ценностного подхода к исследованию содержания и характера потребления, к анализу его знаковой природы, структуры. Эти два аспекта анализа потребления Жан Бодрийяр четко выделяет в «Обществе потребления». Анализ социальной логики потребления, по словам Жана Бодрийяра, совсем не является логикой индивидуального присвоения потребительской ценности благ и услуг, это и не логика удовлетворения,

а логика производства социальных знаков и манипулирования ими. Процесс потребления может быть проанализирован в двух основных плоскостях:

1) как процесс смысла и коммуникации, в который вписываются практические формы потребления. Потребление является при этом системой обмена и эквивалентом языка. На этом уровне можно начать структурный анализ;

2) как процесс классификации и социальной дифференциации, где объекты/знаки выстраиваются как различия и как статусные ценности некоей иерархии⁶.

Характеризуя отличие и связь этих аспектов анализа, Ж. Бодрийяр называет первый аспект структурным, скорее бессознательным, ибо правила его, законы смысла в основном ускользают от индивидов. Второй аспект, статусную дифференциацию, он характеризует как «живой», этический (статусная конкуренция, лестница престижа). На этом уровне потребление приобретает безграничный характер.

Исследование феномена потребления как дифференцирующей деятельности, определяемой системой статусных ценностей и формирующей определенный образ жизни, общественную идеологию, традиционно привлекало социологов. Это работы М. Вебера, К. Маркса, Т. Веблена, Г. Зиммеля, Г. Маркузе, Э. Фромма, П. Бурдьё⁷. Разделение указанных аспектов в определенной мере условно, хотя грань, их различающая, очевидна. Так, подход П. Бурдьё, его структуралистско-конструктивистская парадигма анализа процессов потребления может быть отнесена к онтологическому аспекту, ибо, согласно П. Бурдьё, человек свободен в выборе предметов потребления, он сам конструирует свой стиль, превращающийся в привычку. При этом в своем поведении человек ограничен традициями, моралью, законами своего общества, нормами и ценностями своей референтной группы, что можно оценить как традиционный социолого-аксиологический аспект изучения потребления. Исследования постмодернистов, и прежде всего Ж. Бодрийяра, касающиеся природы и смысла потребления как коммуникативной деятельности, как символической практики манипулирования знаками, как логического продолжения и завершения процесса рационализации, сформировали новый дискурс в подходах к потреблению. Коммуникативный подход к анализу потребления (мы условно обозначили его как онтологический аспект) предполагает исследование коммуникативных контекстов потребительского поведения, символических языков, практик презентации и самопрезентации, потребления как средства индивидуализации стиля жизни. Сегодня этот подход становится своеобразным мейнстримом в исследовании потребительских практик⁸.

Потребление и труд как одноуровневые понятия, как генерализованные формы социальной практики. Если к исследованию социальной сущности потребления применить деятельностный подход, то потребление как социолого-философская категория выступает как процесс субъективации объективного, процесс распремечивания. Ценностная предметность – функция предметов в их социальном бытии. Это понятие отражает социально-культурный характер всех без исключения предметов, вовлеченных в орбиту практической деятельности людей. Распремечивая, присваивая мир ценностной предметности, человек превращает возможность ценности в ее действительность. Чтобы стать фактом сознания, цен-

ность должна приобрести вид значимости, то есть превратиться в значимую для понимающего сознания ценность. Ценностная предметность – особое измерение действительности, когда на задний план отступают все чувственно воспринимаемые вещи и остается одно лишь их общественное содержание, их социально-культурная функция⁹. Так, деньги больше символ, чем вещь, поэтому их пример нагляден, но в целом их судьба типична для мира вещей.

Труд как философско-социологическая категория – процесс объективации субъективного, опредмечивание сущностных сил человека. Уровень общности анализа труда и потребления одинаков, различны лишь векторы направленности деятельности. Труд направлен вовне, на овладение внешней природой, на ее освоение, а потребление – цель в себе, это присвоение и освоение социального содержания, социально-культурной функции вещей, их ценностной предметности. Уровень освоения может быть различным: от поверхностного (обладание – «иметь», по Э. Фромму) до более глубокого («быть»), усвоить, переработать, сформировать новые знания, умения.

Изложенное понимание сущности потребления, дает основание не согласиться с достаточно распространенным пониманием потребления как разновидности экономического или хозяйственного поведения. *«Потребление – это использование полезных свойств того или иного блага, сопряженное с удовлетворением личных потребностей человека и расходом (уничтожением) стоимости данного блага.* В этом определении потребление выступает как совокупность хозяйственных отношений людей к объектам их желания, а также отношений между самими людьми»¹⁰. Автор уточняет, что понятие потребления рассматривается на *микроуровне*, как потребительское поведение, как действия отдельных людей, домашних хозяйств и малых групп. Такое сужение смысла потребления необоснованно, на наш взгляд. Потребление и на микроуровне анализа – это прежде всего социокультурный процесс, выполняющий функции социализации и социальной идентификации индивида в обществе. Социальная сущность этой генерализованной практики – производство символов для идентификации, социального конструирования личности.

Эту сущностную особенность потребления как деятельности, направленной на социальное воспроизводство и развитие человека, отмечал еще в начале прошлого века известный русский экономист М. И. Туган-Барановский. «Потребление не составляет хозяйства, так как оно есть цель в себе. Хозяйственная деятельность прекращается в тот момент, когда человек переходит к потреблению»¹¹. Хозяйственная деятельность, по его мнению, отличается от нехозяйственной следующими двумя моментами:

- 1) хозяйственная деятельность всегда есть средство к чему-либо, но не цель в себе. Хозяйство создает средства для удовлетворения наших потребностей, но само по себе такового не составляет. Этим оно отличается от игры, искусства и вообще от всякой деятельности, являющейся целью в себе;

- 2) хозяйство всегда направлено на внешнюю природу, на материальные условия нашего существования. Это отличает хозяйство от деятельности, объектом

которой является сам человек: работа учителя, священника, врача не составляет хозяйства¹².

Хозяйственная работа – всякая деятельность, поскольку она направлена на преодоление сопротивления внешней природы, совершенно независимо от рода потребностей, удовлетворению которых она служит. Потребление – это не хозяйственная деятельность. Оно направлено не на результат, а на развитие и открытие человеческой личности (так же, как игра, общение), это цель в себе. Категория ценности имеет значение не только в применении к хозяйству. Предметы как цель и как средство к какой-либо иной цели – самостоятельные и производные ценности. Хозяйственные ценности относятся ко второму роду, ибо хозяйственная деятельность есть не цель в себе, а средство к достижению других целей.

Потребление и труд, как генерализованные формы социальной практики, равнозначные по статусу виды социальной деятельности, обладают и материальным, и символическим измерением. Потребление, как и труд, может приобретать и стоимостное, и ценностное выражение. Стоимостное и ценностное выражения потребления изменяются одновременно с изменением общественных отношений. Целесообразность этой потребительской деятельности, ее цель заданы фактичностью (материальное измерение потребления) и ценностной значимостью (символическое измерение) потребления. Первый аспект – потребление жизненных средств (человек должен есть, пить) – основа всего. Потребление как материальная деятельность, как физиологический процесс связан с вещественностью потребляемых предметов, с тратой, использованием их полезных свойств, *«собственно потребительское поведение, сущность которого состоит в изъятии потребительских свойств различных ресурсов, находящихся в распоряжении домашних хозяйств»*¹³. При этом потребление как физиологический процесс происходит в рамках социокультурных условий, в формах, предписанных культурой.

Второй подход – акцент на символическом характере потребления как расшифровка ценностной предметности вещи, как процесс манипулирования знаками. «Истинная теория предметов и потребления должна основываться не на теории потребностей и их удовлетворении, а на теории социальной демонстрации и значения»¹⁴. Поэтому существуют два разных вида потребления: удовлетворение нужд и знаковое потребление.

Физиологическое потребление, как «личное» наслаждение, социолога мало интересует. «Потребление не имеет ничего общего с личным наслаждением, потому что оно является принудительным социальным институтом, который детерминирует типы поведения еще до того, как он будет воспринят сознанием социальных актантов. Это фундаментальная теорема потребления»¹⁵.

Потребление есть процесс социальный там и тогда, когда появляется структурное неравенство, владение и распоряжение. Сначала количественный стиль потребления проявляется как демонстрация силы, привилегий. Это демонстрационное потребление (по Т. Веблену). С ростом изобилия и расточительства знаковый характер потребления становится все значимее, количество уже не является отличающим признаком. Знаком различий становится показное недопотребление.

Социальное различие и власть, оставаясь существенными, перенесены в иное место, они не связаны больше с доходом или простым богатством... Ситуация стала тоньше, богатый человек сверхотличается *манерой* потребления, стилем, переходя от количественного хвастовства к изысканности, от денег к культуре¹⁶.

Потребление как «потребительная сила» входит в цикл расширенного воспроизводства производительных сил. Индивидуальные потребности подчиняются соображениям статуса и престижа, усиливается знаковость потребления. Знаковое потребление и отличает, и объединяет людей. Именно потребление связывает людей. Потребляется все: вещи и отношения, природа и культура. Социологическое мышление в отличие от экономического – это не натурализм в подходе к продукту, а восприятие его как «носителя индексированных социальных значений»¹⁷.

При этом не все и не всегда можно выразить в знаках, не всегда можно передать значение с помощью знаковых систем, ибо знак неоднозначен по смыслу. Часть информации передается на основе опыта, прямого контакта с людьми. Именно поэтому так значима приверженность, лояльность, доверительность во взаимоотношениях. Феноменологическая традиция в понимании процессов потребления не менее важна и актуальна сегодня.

Ж. Бодрийяр, возможно, в какой-то степени абсолютизирует символическую сущность потребления, как «деятельность систематического манипулирования знаками», но, на наш взгляд, это сознательное акцентирование на социальную природу процесса в противовес доминирующим не только в обыденном, но и в научном сознании представлениям о натуралистичном, естественном его характере.

Соотношение материальных, утилитарных и символических компонентов потребления неоднородно, колеблется от слоя к слою, от общества к обществу. В экономической теории и маркетинге это соотношение косвенно фиксируется законом потребления Энгеля, являясь важным индикатором уровня благосостояния членов общества. В богатых обществах, у состоятельных его членов основные расходы связаны с символическим производством своей идентичности (и, в частности, поэтому растет потребление брендовых товаров). Еще раз подчеркнем, что социальный смысл, сущность потребления проявляется с ростом доли символического потребления в структуре потребления (по бессмертной формуле К. Маркса: «Анатомия человека – ключ к изучению анатомии обезьяны»).

Рост индустрии услуг, появление новых форм организации потребления вызвали концептуальный сдвиг в подходе к истолкованию *социальной роли потребления*. Так, исходный тезис постмодернистской теории потребления Ж. Бодрийяра заключается в том, что вещи приобретают характер знаков, образующих специфический дискурс. Потребление в целом рассматривается как символическая практика манипулирования знаками, посредством которой строй производства захватывает сознание людей и интегрирует их в себя в качестве одновременно сообщника и жертвы. Ж. Бодрийяр обратил внимание на двойственность (дуальность) предмета: товар существует в поле экономических обменов, в условиях рынка, но одновременно потребление демонстрирует другую, неэкономическую логику поведения, логику различения. Особенно остро логика различения, знака

проявляется в ситуации избыточного потребления, у Ж. Бодрийера это аукцион, где важны не потребительские свойства картины, а ее престиж¹⁸.

Потребление как деятельность, связанная с вещественностью продукта, – экономический, калькулируемый подход. Потребление как символическая деятельность, связанная с деятельностью сознания, есть социальное конструирование идентичности. Примитивное потребление, по Г. Зиммелю, – трата, вещь отдана, расходуется, она выступает как средство. Символьное потребление – мы отдаем вещи свои чувства, приращение эмоций. Простое, функциональное потребление – полезность вещи. Потребление прекрасного – индивидуальная ценность¹⁹.

Потребление от вещи как средства к самостоятельной ее ценности. Обмен не ради предмета, а ради собственного чувственного рефлекса. Вещь – это форма, скрывающая некие потенции человеческой деятельности. Коммуникативная природа вещи, ее способность подчеркнуть принадлежность и отличие индивида проявляются в потреблении. Социальная коммуникация как движение смыслов в пространстве и во времени. Двусмысленный характер потребления состоит в том, что оно выдает себя за функцию человеческих потребностей, якобы сглаживает социальное неравенство. В этом его идеологическая функция. На деле потребление – элемент властной стратегии, оно делит всех на тех, кто обладает реальной властью, и тех, кто имеет лишь власть над вещами. Потребление – это механизм власти²⁰. Свобода потребления столь же формальна, как и как свобода труда.

Потребление выступает как средство реализации социальных стратегий социальной дифференциации. *Конкретное содержание, наполнение дифференцирующей, точнее, стратификационной функции потребления меняется с изменением общественных отношений: от демонстрации социального статуса (показное, демонстрационное потребление) к функции личностной идентификации и интеграции с социальной группой.*

Показное (conspicuous) потребление связано прежде всего с хвастливой демонстрацией богатства. Оно мотивируется желанием произвести впечатление на других своей способностью заплатить особенно высокую цену за престижный продукт, это форма потребления, которая вызывается скорее социальной, чем экономической или психологической полезностью продуктов. В ее чистом варианте, когда потребитель принимает решение о покупке под влиянием только желания или потребности продемонстрировать свою покупательную мощь, прямая полезность покупаемого товара, то есть возможности его использования, не представляет интереса. Удовлетворение является результатом реакции аудитории не на позитивные качества рассматриваемого товара или услуги, а на выставленное богатство покупателя потребительского продукта. Соответственно стоимость покупки или цена продукта становится единственным фактором, имеющим значение для покупателя.

Впервые оно было детально исследовано Торстейном Вебленом в его книге «Теория праздного класса». Однако, как отмечает Роджер Мэзон²¹, сам Т. Веблен был более заинтересован в развертывании дискуссии по поводу неадекватности американской системы финансового капитализма и не проводил специального ис-

следования показного экономического поведения, которое было для него особой чертой общества, находившегося в центре его политической и экономической критики. Его работа о показном потреблении была субъективной, и ни одно из его утверждений относительно скрытых мотивов такого поведения не было подтверждено исследованием. Существование и последствия показного потребления были замечены задолго до публикации в конце XIX века вебленовской «Теории праздного класса». Так, Адам Смит видел в показном потреблении социальное действие, попытку людей приобрести символы, необходимые им для обозначения своего статуса в обществе. Борьба за богатство и потребительские товары была просто борьбой за престиж, позицию и власть. Считалось, что в традиционных и развивающихся обществах особенно опасно позволять «средним или низшим классам людей» впадать в «показное» поведение, и многие утверждали, что обязанность занимающих высшие позиции подавать хороший пример, ведя умеренную жизнь.

По мере формирования «общества благосостояния» ситуация меняется. Вертикальные статусные стимулы становятся менее привлекательными, потребность принадлежать или «относиться» к своей группе требует скорее конформизма, чем индивидуальной заметности, в результате показное потребление не будет служить полезной цели обеспечения престижа внутри особой референтной группы. Если имеется реальный сдвиг от вертикальной мотивации к горизонтальной, и своя группа или группы, на которые индивид равняется, настаивает на конформистском поведении, тогда важность «чисто» показного потребления теоретически должна понизиться.

Возникновение «социального государства», характерное для наиболее богатых обществ, привело к снижению интереса к неравенству, к существенному понижению мотивации к показному потреблению. Характеризуя содержание стратификационной функции потребления в современном, постиндустриальном обществе, Ж. Бодрийяр отмечает, что «сегодня вместе с повышением уровня жизни различие перешло от простого обладания к практике предметов. Поэтому социальная классификация должна была бы основываться на более тонкой семиологии окружения и повседневных практик»²². Критерий потребляемых благ не является решающим; фундаментальное неравенство скрывается в чем-то ином, «от подчеркнутой демонстрации к избирательному использованию, противопоставления ритуальных практик, центрированных на предмете к рациональным практикам, центрированным на функциях и смысле»²³. В «Обществе потребления» Ж. Бодрийяр, полемизируя с Гелбрейтом, раскрывая существо эгалитарной идеологии благосостояния, замечает, что неравенство с ростом не уменьшилось, оно стало тоньше, перенесено на другой уровень, «сверхотличается манерой потребления, стилем, переходя от количественного хвостовства к изысканности»²⁴. Предметы обычного потребления все менее свидетельствуют о социальном положении. Появились более тонкие критерии социальной иерархии: тип труда и ответственности, уровень воспитания и культуры, участие в принятии решений. Количественный, демонстрационный аспект в реализации стратификационной функции потребления сменяется более тонким, латентным, качественным.

Производительный, конструктивный характер потребления. Потребление как «потребительная сила» входит в цикл расширенного воспроизводства производительных сил. На смену преобладающему в обыденной жизни, а зачастую и в работах исследователей утилитаристскому, натуралистическому пониманию потребления как траты, расходования, использования полезных свойств и качеств предметов, как процесса пассивного приходит понимание его как процесса социального воспроизводства, конструирования идентичности личности, социальной общности.

Жан Бодрийяр, подчеркивая равнозначность статусов производства и потребления, неоднократно отмечает, что производство формирует не отдельные потребности индивидов, а «потребительные силы» общества, что в свою очередь и является мощнейшим стимулом для развития и производства социума в целом. В полемике с Гелбрейтом по вопросу о природе потребностей Бодрийяр подчеркивает, что «истина не в том, что „потребности являются плодом производства“, а в том, что *система потребностей* составляет *продукт системы производства*. Под системой потребностей мы понимаем не то, что потребности производятся одна за другой в связи с соответствующими объектами, а то, что они производятся как *потребительская сила* в более общих рамках производительных сил»²⁵.

Далее по тексту он уточняет, что потребности существуют только как более развитая форма рациональной систематизации производительных сил на индивидуальном уровне, где «потребление» становится *логическим* и необходимым стимулом производства.

Активный, производительный характер производственного потребления и затратный характер индивидуального потребления обозначен и в экономических трудах К. Маркса²⁶. Как отмечалось ранее, К. Маркс, описывая процесс потребления таких специфических товаров, как рабочая сила и деньги как капитал, делает акцент на производительном характере потребления, на появлении дополнительной полезности для потребителя. Изменение *стоимости денег* может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, то есть только из его потребления. Специфичность товара – его потребление – было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости²⁷.

«Производительное потребление» – потребление живого труда и природных условий в процессе производства. Потребительное производство – «второй вид производства» – потребление созданных условий человеческого существования. Продукт служит воспроизводству человека. Производство и потребление в смысле воспроизводства человека совпадают, являются тождественными.

Активный конструктивный характер потребления конкретизируется в таком его практическом направлении, как конструирование идентичности. Об этом весьма убедительно писал П. Бурдьё: «Вкус, склонность и способность данного класса к присвоению (материальному и/или символическому) классифицированных и классифицирующих объектов или практик является *порождающей* (курсив мой. – Л. Б.) формулой, лежащей в основе стиля жизни»²⁸.

Стиль жизни, по Бурдьё, определяет не только процессы потребления, но и работу, существует определенная этика и эстетика не только труда, но и потреб-

ления, «это способ отрицания потребления в его первичных значениях и функции, сугубо *заурядных*, во имя преобразования приема пищи в *социальную церемонию*, утверждения этического видения и эстетической утонченности. Манера подачи еды и ее потребления, порядок приема пищи и расположение столовых приборов, расставленных строго в соответствии с очередностью блюд и так, чтобы радовать глаз... все это усилие стилизации направлено на то, чтобы сместить акцент с существа и функции на форму и манеру, тем самым отрицая или, лучше, не признавая грубую материальную реальность акта потребления и потребляемых вещей»²⁹.

Активный, конструирующий характер потребления на уровне личности есть социальное воспроизводство человеком себя и для себя. Такое воспроизводство, имеет несколько направлений³⁰:

- воспроизводство индивидом себя как живого существа в определенных социокультурных условиях;
- развитие индивидом своего тела как фактора конкуренции, как удовлетворение социальной потребности в самоутверждении, социальном выживании;
- искусственное (с помощью техники) усиление индивидом своих телесных природных характеристик;
- конструирование идентичности с помощью символов. «Все желания, замыслы, императивы, все человеческие страсти и отношения сегодня абстрагируются (или материализуются) в знаках и вещах, чтобы сделаться предметами покупки или потребления»³¹.

Индивидуальное потребление выступает как способ социальной интеграции. Потребляя, индивид создает материальную основу для социального взаимодействия, для формирования социальных сетей, формальных и неформальных групп.

Категории «культура потребления» и потребление культуры. Если исходить из понимания потребления как деятельности, как субъективации предметной ценности объектов, то культура потребления – это всегда оценка деятельности, поведения конкретного субъекта: культура потребления молодежи, студенчества, горожанок. Культура потребления как культура труда – «сквозная», качественная характеристика деятельности. Как и характер труда, уровень потребления может быть различным по сложности, глубине: *поверхностным* (по Э. Фромму, «иметь») и *глубоким* («быть»); *внешним* (для других, «казаться») или *внутренним* (для себя, «быть»).

Усвоение ценностной предметности, расшифровка кода может происходить на разном уровне, так же как и построение кода, то есть преобразование вещей в отличительные знаки. Пьер Бурдьё вводит в анализ категорию вкуса. Для него «вкус является практическим оператором преобразования вещей в отличные и отличительные знаки, непрерывных распределений по дискретным оппозициям; он переносит различия, вписанные в *физический строй тел* [ordre physique], в *символический строй* [ordre symbolique] значимых различий»³². Вкус как «система классифицирующих схем», как «нужда, ставшая добродетелью» формирует особый стиль жизни. «В области культурного потребления основная оппозиция

устанавливается, исходя из общего объема капитала, между видами потребления, считающимися *благородными* уже в силу своей редкости и характерными для групп, обладающих одновременно наибольшим экономическим и культурным капиталом, и видами потребления, социально обозначенными как *вульгарные* в силу их *доступности и распространенности* и характерными для наиболее обделенных в этих двух отношениях групп. При этом промежуточное положение занимают практики, которые воспринимаются как *претенциозные* в силу явного несоответствия между амбициями и реальными возможностями»³³.

Другой аспект – потребление культуры, культурных ценностей. Все, что попадает в сферу потребления, приобретает свойства потребляемой вещи: они служат знаками престижа и средствами иерархии, испытывают на себе цикл моды. Представляют собой не науку, а знак науки. Все приобщенные к культуре, имеют право не на культуру, а на культурную переподготовку. Переподготовка, по Ж. Бодрийяру, – потребность быть в курсе, «знать то, что происходит», обновлять каждый месяц и год свой культурный арсенал³⁴. Высшее образование как знак «мобильности, статуса и профиля карьеры» или знак «статусной конкуренции». Часто это понимается чуть иначе. Высшее образование стало слишком массовым, доступным, «вульгаризуется». Суть не в этом. Оно стало знаком статуса и мобильности. Важно не содержание знаний, не особый тип мировоззрения, а «верхнее образование», его знак, диплом. Чем больше знаков и чем они престижнее, тем шире возможности статусной мобильности. Предъявляя на рынке труда свои дипломы-знаки, выпускник демонстрирует свою готовность «быть в курсе», «быть гибким и мобильным». Ценность знаний заменена знаками знаний.

Потребительство – это изменение отношений к ценностям. Подлинные ценности заменяются знаками дружбы, семейного согласия, внимания. Ассиметричная аналогия: труд может оцениваться субъектом как инструментальная ценность, средство для жизни или терминальная ценность. Так и потребление: должно и может быть средством, инструментом идентификации, различения, но может стать и целью, терминальной ценностью. В последнем случае мы говорим о потребительстве. Потребительство возникает, когда ценности измеряются материально, истинное их содержание заменяется знаками.

Стереотипом исследований общества потребления становится смешение двух смыслов в истолковании означенной проблемы. Действительно, возросшую роль потребления в современных обществах сводят зачастую к росту его масштабов, считая, что проблемы потребления актуализируются с ростом изобилия, перепроизводства. Эту установку убедительно опровергает Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления». Нужно отказаться, по мнению Ж. Бодрийяра, от сформировавшейся идеи о том, что у нас есть общество изобилия, в котором все материальные потребности удовлетворены, ибо эта идея абстрагируется от всякой социальной логики³⁵. Обществом настоящего изобилия можно назвать примитивные племена, несмотря на их абсолютную «бедность». Богатство и бедность не в количестве благ, а в отношениях между людьми. В условиях экономики дара и символического обмена достаточно небольшого и всегда ограниченного количества благ, чтобы

создать общее богатство, так как они постоянно переходят от одних к другим. Богатство основано не на вещах, а на конкретном обмене между личностями. Оно безгранично, так как безграничен цикл обменов. Каждый момент цикла обмена добавляет нечто к ценности обмениваемого предмета. В первобытном обществе каждое отношение добавляет нечто к социальному богатству; в наших дифференцированных обществах каждое социальное отношение добавляет некую индивидуальную нехватку, так как всякая вещь находится в чьем-то владении и закрыта для обладания других. Структурный характер изобилия и богатства коренится в социальной организации, только полная перемена социальной организации и социальных отношений могла бы положить им начало. Вместо изобилия мы имеем «потребление», форсируемое до бесконечности, – родную сестру бедности. Именно наша социальная логика обрекает нас на роскошную и зрелищную нищету³⁶.

Общепризнанно, что современное общество – общество потребления, а не труда. Потребление действительно становится доминирующим социальным процессом, начинает играть основную роль в процессе производства, подчиняя другие его составляющие – производство, распределение, обмен. Потребление выходит за рамки экономической сферы, проявляясь во всех социокультурных практиках. Преобладающая роль потребления в социальных отношениях приводит к изменению этих отношений, что и позволяет исследователям рассматривать современное общество как общество потребления. Роль и понимание труда изменились от простого, примитивного понимания труда как затраты сил и энергии к раскрытию его социального смысла как деятельности по реализации сущностных сил человека. Потребление же по-прежнему толкуют упрощенно как использование, расходование или присвоение благ. Потребление как деятельность может быть простым и более сложным. Сложным – как субъективация ценностной предметности, как не просто присвоение (владение), а освоение. Можно иметь компьютер, владеть им, но быть не в состоянии его освоить; то же относится и к другим знаниям. Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться, и последствия этой перемены с каждым годом выглядят все более очевидными³⁷. Возросшая роль потребления зачастую сводится к росту его масштабов, выступает как количественный стиль, поверхностное потребление. Потребление как обладание, а не усвоение, как проявление скорее пассивного, чем активного, бытия.

Структура потребления определяется его обменной природой и аналогична структуре труда. Предметами потребления служат продукты труда, товары и услуги, «знаковещи». Знак выполняет двойную функцию: он носитель информации о социальном опыте, о месте в иерархии. Вместе с тем знак является и инструментом социального конструирования, культурным ресурсом. Так, сегодня наличие высшего образования – знак обучаемости, социальной (не обязательно профессиональной) компетентности. Наличие этого знака помогает занять определенную позицию на рынке труда. Символ – знак, сознательно сконструированный индивидами и организациями для передачи той или иной социальной информации. Это чисто искусственная конструкция (у Ж. Бодрийера – это код). В процессах

потребления, в практике марочных выборов субъект свободен, но это формальная свобода, имеющая ряд условий, ограничений. Это не только экономические ограничения, но и социокультурные, «чтобы видеть, надо знать». Надо знать код, чтобы расшифровывать тексты. Ссылаясь на труды К. Маркса, Дж. Ритцер обосновывает аргумент об опосредующей и ускоряющей роли средств потребления. Это новшества, возникшие и ставшие известными во второй половине XX века, такие как рестораны быстрого питания, торговые сети (ритейлы), европейские Дисней-парки и пр. Они современны, по Ритцеру, и в более важном смысле, а именно, они чрезвычайно рационализированы и макдональдизированы³⁸. Объект – процесс потребления. Функция потребления – социальное конструирование чувства идентичности. Потребление как производство текстов. Свидетели и адресат потребления (референтная группа). Текст надо понимать (герменевтика), важен и социокультурный контекст.

Резюмируя вышеизложенное, отметим ряд характеристик потребления как общесоциологической категории.

Потребление – новая сфера общественно-производственной рационализации, рационализация труда и – как закономерное ее продолжение – рационализация потребления. Изменение формального характера рациональности на субстантивный затронуло и процессы потребления. Так называемое «разумное, рациональное» потребление есть формальная рациональность. Субстантивная природа рациональности предполагает иное понимание сущности потребления, то есть потребление не «потому что», а «для того чтобы», не как трата, расходование, средство для выживания, а как направление развития человека, конструирования его идентичности.

Изменяется место и роль потребления в культуре общества. В индустриальном обществе на первое место выходит производство, труд, в информационном – потребление. У Маркса социальная сущность труда стала явной в развитом индустриальном обществе, так же и сущность потребления долго скрывалась за его натуралистичной формой.

В процессе потребления человек превращает ценностную предметность в действительность, в ценность. Растет массовое потребление. В данном случае надо уточнить, что мы понимаем под массовым потреблением. Оно связано не с понятием «много» (количественный аспект), а с понятием «доступное». Часто происходит смешение акцентов: «обильное, чрезмерное» и доступное. Общество потребления – массовое потребление – это не столько чрезмерность, сколько доступность потребления, возможность самых широких слоев населения говорить о себе с помощью вещей-знаков. Социальная дифференциация идет через потребление как процесс коммуникационный. Это либо исключение из потребления (дефицит, экономическая эксклюзия), либо количественный стиль потребления (чрезмерное, демонстративное), либо качественные его характеристики (стиль потребления).

И, наконец, еще один аспект, на анализе которого хотелось бы остановиться особо: *потребление как деятельность и потребительское поведение*. Поведение – это субъективная сторона деятельности, это совокупность действий и поступков, отражающих внутреннее отношение людей к условиям, содержанию и результатам

деятельности³⁹. В чем его особенность по сравнению с трудовым? Трудовое – средство для решения проблем, а потребительское есть цель в себе. Чем интересен такой аспект анализа? Это прикладной аспект, использование теоретической модели потребления для интерпретации и объяснения потребительских практик.

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 112.

² Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социс. 2005. № 1. С. 6.

³ Панкратов А. С. Рязанцев И. П. Халиков М. С. Новая социологическая парадигма в анализе экономических процессов // Человек и современный мир. М., 2002. С. 260–264.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Верховин В. И., Зубков В. И. Экономическая социология. М., 2002. С. 279–305

⁶ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 86–87.

⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1999; Маркс К. Экономико-философские рукописи 1857–1861 гг.: В 2 ч. Ч. 1. М., 1980; Веблен Т. Теория праздного класса. Экономическое исследование институтов. М., 1984; Фромм Э. Иметь или быть? М, 1990; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2003; Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М., 2001.

⁸ Ильин В. И., Иванов Д. В., Волчкова Л. Т. и др. Социология потребления. СПб., 2001; Потребление как коммуникация. СПб., 2006.

⁹ Кемеров В. Е., Керимов Т. Х. Грани социальности: постклассический взгляд. Екатеринбург, 1999.

¹⁰ Радаев В. В. Указ. соч. С. 5–9.

¹¹ Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. М., 2003. С. 74.

¹² Там же. С. 73–76.

¹³ Верховин В. И., Зубков В. И. Указ. соч. С. 281.

¹⁴ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2000. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 11

¹⁶ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 79–80.

¹⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 119–122.

¹⁹ Зиммель Г. Философия денег (фрагмент) // Теория общества. М., 1999. С. 262.

²⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. С. 45, 49.

²¹ Мэзон Р. Престижное потребление // Теории социального неравенства в западной социологии: Хрестоматия / Под ред. В. И. Ильина. Сыктывкар, 2000.

²² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. С. 16.

²³ Там же. С. 44.

²⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 73–80.

²⁵ Там же. С. 103.

²⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 7. С. 175.

²⁷ Там же. С. 159.

²⁸ Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3 (<http://ecsoc.msses.ru>).

²⁹ Там же.

³⁰ Ильин В. И. Феномен потребления // Потребление как коммуникация. СПб., 2006. С. 8–11.

³¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 215.

³² Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения.

³³ Там же.

³⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 134.

³⁵ Там же. С. 94.

³⁶ Там же. С. 95–96.

³⁷ Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социс. 2000. № 6. С. 68.

³⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 497–504.

³⁹ Заславская Т. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения. 2000. №6 (50).

Н. Л. Антонова

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема качества медицинского обслуживания имеет ключевое значение для дальнейшего функционирования и развития системы здравоохранения. Вопрос о качестве медицинской помощи для современной науки и практики не нов. Врач, имея дело непосредственно с жизнью и здоровьем пациента, давая клятву Гиппократа, в своей повседневной профессиональной деятельности должен постоянно осмысливать свои действия при оказании медицинской помощи. Неверный шаг, неправильное решение медика может привести к негативному результату для пациента. От того, насколько качественно врач выполнил свои профессиональные функции, зависит будущее индивида, его здоровье и полноценное бытие в социальном мире. Модернизация российского здравоохранения актуализировала вопросы качества медицинского обслуживания и необходимость нового осмысления проблемы.

В предметное поле нашего исследования попадает качество медицинского обслуживания в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), что требует обращения к анализу сущности этой системы и особенностям ее функционирования в обществе.

Сущность обязательного медицинского страхования заключается в том, что любой индивид, имеющий российское гражданство, может получить бесплатные медицинские услуги и лекарственную помощь в рамках Программы государственных гарантий по видам и объемам медицинской помощи, финансируемым за счет средств ОМС. К числу принципов, на которых базируется современное обязательное медицинское страхование в России, отнесем:

- всеобщность, массовость: все граждане России независимо от пола, возраста, уровня доходов, места жительства должны быть застрахованы в ОМС;
- государственный характер: все средства обязательного медицинского страхования находятся в собственности у государства;
- страховые отношения (сумма страхового взноса, договора и т. п.) осуществляются, опираясь на законодательную базу;
- социальная справедливость: платежи перечисляются на все население, однако их использование осуществляется при обращении индивида за медицинской помощью – «здоровый платит за больного»; объем предоставляемой медицинской помощи не зависит от уровня материального положения застрахованного – «богатый платит за бедного»;
- натуральная форма страхования: выплаты при наступлении страхового случая предоставляются не в денежной форме, а в натуральной, в виде оказания медицинской помощи;

– бессрочность: страхование осуществляется на протяжении всей жизни индивида;

– действие независимо от внесения страховых платежей: даже при задержках страховых отчислений страхователем медицинская помощь будет предоставляться бесплатно в силу обязательств со стороны государства.

Институт обязательного медицинского страхования основывается на социальном регулировании системы взаимодействий, которая опирается на установленные образцы и нормы поведения. В институте ОМС механизмы регуляции приобретают более жесткий и обязывающий характер, что обеспечивает регулярность, большую четкость, высокую предсказуемость, надежность функционирования и самовозобновляемость социальных связей.

Функциональное поле института обязательного медицинского страхования – это, по сути, содержательно-целевое назначение института в обществе. И здесь следует особо подчеркнуть важный момент. Обязательное медицинское страхование реализует потребности на двух уровнях: на уровне общества и на уровне личности. Общественная ценность ОМС заключается в предоставлении медицинской помощи в рамках Программы государственных гарантий независимо от социально-демографических, статусно-ролевых характеристик индивида, на личностном уровне в ОМС личность реализует потребность в получении качественной бесплатной медицинской помощи в случае заболевания.

Считаем целесообразным выделить две основные группы функций: экономические и социальные. Институт обязательного медицинского страхования представляет собой экономическую систему, в которой ведущая роль принадлежит финансам. Страхователь отчисляет страховые взносы, которые аккумулируются и перераспределяются Федеральным фондом ОМС и территориальными фондами ОМС; страховые медицинские организации, получая финансовые средства, направляют их в медицинские учреждения, которые, в свою очередь, за счет этих средств обязаны осуществить медицинское обслуживание застрахованных.

Социальные функции института обязательного медицинского страхования реализуются через:

- социальную защиту;
- регулирование социального неравенства в обществе;
- снижение социальной напряженности;
- социальный контроль.

Функция социальной защиты – это, пожалуй, базовая функция института обязательного медицинского страхования. В период перехода российского общества к рыночным отношениям актуализировались проблемы социальной защищенности населения, система здравоохранения оказалась в кризисном состоянии, поскольку финансовых отчислений государства даже на ее простое воспроизводство просто не хватало. Медицинская помощь могла стать исключительно платной – за счет личных сбережений и средств населения. Включение обязательного медицинского страхования в систему здравоохранения позволило защитить наиболее уязвимые социальные слои, повысив доступность медицинских услуг. Институт

ОМС защищает застрахованных, предоставляя гарантированную бесплатную медицинскую помощь.

Усиливающееся социальное расслоение российского общества в эпоху развития рыночных отношений трансформирует социальные связи и структуры, что приводит к снижению стабильности системы в целом. В функциональном поле ОМС функция снижения социальной напряженности отвечает за сохранение доступной системы медицинского обслуживания населения. Стремясь выжить в новых условиях рынка, индивид пытается использовать все имеющиеся у него ресурсы, включая и такой, как здоровье, которое на сегодняшний день все больше приобретает инструментальный характер. Подлинная ценность здоровья осознается индивидом, как правило, в сравнении с противоположным здоровьем состоянием – болезнью. В таком состоянии индивид обращается за медицинской помощью, которую ему обязательно окажут, причем независимо от дохода, статуса, пола, возраста и т. п. И в этом заключается еще одна функция обязательного медицинского страхования – регулирование социального неравенства в обществе. И функция снижения социальной напряженности, и функция регулирования социального неравенства направлены на стабилизацию всей системы общественных отношений, они выступают в качестве условий развития социального государства.

Функция социального контроля нацелена прежде всего на сохранение и воспроизводство системы взаимодействий субъектов, включенных в институт ОМС, опирающийся на регламентированные нормы и принципы, права и обязанности каждого субъекта. Социальный контроль присущ любому социальному институту, однако здесь его роль усиливается, поскольку медицинская помощь касается одной из смысложизненных, витальных ценностей – ценности здоровья человека. Сбой во взаимодействии субъектов может привести к непоправимым последствиям, и ценность человеческой жизни может оказаться под угрозой.

Исходным, задающим основу для дальнейшего научного поиска является понятие «качество». В соответствии с международными стандартами качество определяется как совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворить установленные и предполагаемые потребности. Объектом в данном случае выступает медицинское обслуживание в системе ОМС, которое традиционно понимается как процесс производства и предоставления медицинских услуг в соответствии с программой государственных гарантий. Считаю важным уточнить категорию медицинской помощи. Медицинская помощь ориентирована на благотворительность, безвозмездность; в этом ключе значимую роль приобретают морально-нравственные, этические аспекты ее оказания. Для нашей работы разведение понятий медицинской помощи и медицинского обслуживания не является принципиальным, поскольку медицинское обслуживание в обязательном медицинском страховании предстает в бесплатной форме для пациента и может трактоваться как медицинская помощь.

В нашем понимании качество медицинского обслуживания в ОМС – это степень соответствия медицинской помощи и ее результата потребностям и ожида-

ниям общества, государства, различных социальных групп. Предложенное определение опирается на методологию институционального анализа и позволяет раскрыть социологическое понимание качества медицинского обслуживания. Социологический подход рассматривает обязательное медицинское страхование с позиций его эффективного функционирования в обществе, реализации социальных функций, норм, связей и взаимодействия с другими институциональными образованиями. В ОМС включена одна из самых массовых социальных общностей – застрахованные (около 98% населения России), и от взаимодействия ее с системой медицинского обслуживания, от реализации в ней потребности в получении качественной медицинской помощи зависит социальная стабильность и сохранение порядка в обществе. Таким образом, качество медицинского обслуживания выступает неотъемлемым условием эффективного функционирования и развития здравоохранения в России.

Качество медицинского обслуживания обладает набором системных характеристик и может рассматриваться как отдельная система. В этой связи целесообразно выделить системные свойства качества медицинского обслуживания в ОМС, то есть речь идет о возможных показателях его оценки.

В современной науке и практике большое значение придается формированию системы оценок качества медицинского обслуживания. Оценка качества предполагает создание системы показателей и индикаторов, с помощью которых возможна процедура его измерения. Выделим несколько подходов. Первый подход можно определить как медико-социальный, его специфика состоит в попытке комплексного анализа качества как системы, включающей и сугубо медицинские составляющие, и социальные показатели, характерные для конкретного общества. Этот подход реализован в концепции качества медицинского обслуживания, предложенной Ю. П. Лисицыным, а также Региональным бюро Всемирной организации здравоохранения¹.

Большое значение в оценках качества медицинской помощи имеют стандарты, и прежде всего медико-экономические стандарты, активно используемые в практике управления и контроля качества. Это второй подход к оценке качества, который можно определить как медико-экономический. Стандарты приобрели особую важность и значение для здравоохранения и системы медицинского страхования после введения ОМС и объявления государством о гарантированной медицинской помощи. Они необходимы для обеспечения и контроля качества медицинского обслуживания, составляют основу ресурсосберегающего метода оплаты медицинской помощи. Используя стандарты при лицензировании и аккредитации, можно достаточно объективно определить возможности медицинского учреждения оказывать различные виды медицинской помощи. Введение и использование стандартов четко и жестко формализуют сферу медицинского обслуживания в качественно-количественных показателях, которые ориентируют на объективную оценку качества медицинской помощи. Такую оценку, несомненно, могут дать только высококвалифицированные специалисты, эксперты, способные охарактеризовать технологию оказания медицинской помощи и ее результат.

Мы считаем, что медико-экономический подход к оценке качества медицинского обслуживания должен дополняться социологическим, в русле которого потребители (клиенты, застрахованные) и медперсонал должны дать собственную оценку качеству. Комплексная социологическая модель оценки качества медицинского обслуживания позволит, во-первых, оценивать качество медицинского обслуживания с позиций основных субъектов этой системы; во-вторых, сопоставлять информацию о качестве медицинского обслуживания на основе единой системы показателей и индикаторов различных медицинских учреждений, включенных в институт обязательного медицинского страхования; в-третьих, обеспечить постоянный контроль за качеством медицинского обслуживания, осуществлять мониторинг.

Предлагаемая социологическая модель оценки качества медицинского обслуживания представляет собой матрицу показателей, совокупность которых дает целостную статичную картину возможных блоков исследования и позволяет высветить особенно важный момент: систему субъективного восприятия данных показателей пациентами, застрахованными в ОМС (см. схему).

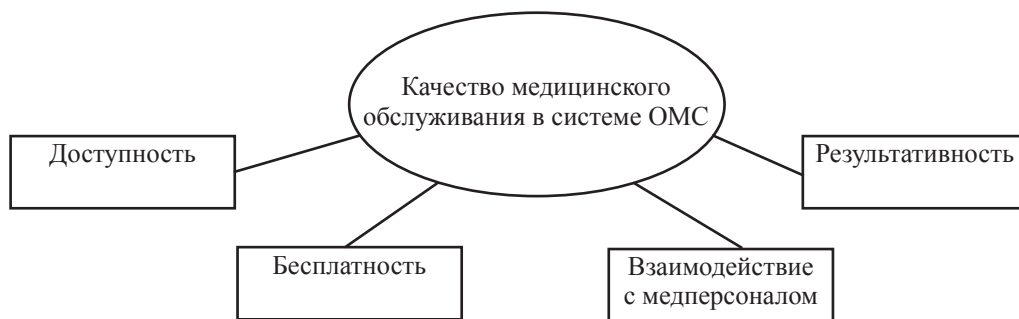

Схема 1. Социологическая модель субъективной оценки качества медицинского обслуживания в системе обязательного медицинского страхования

Следует подчеркнуть, что данная модель не является универсальной и «беспроблемной». Это авторская трактовка возможной оценки качества, которая продемонстрировала свои работающие способности в условиях полевого исследования.

Опрос пациентов был проведен в мае – сентябре 2006 года в амбулаторно-поликлинических учреждениях г. Екатеринбурга, включенных в систему ОМС. Общий объем выборочной совокупности составил 800 человек: 400 пациентов поликлиник, обслуживающих взрослое население, и 400 родителей, чьи дети получают медицинскую помощь в детских поликлиниках². Для комплексного системного представления о качестве медицинского обслуживания населения нами были проинтервьюированы руководители, специалисты медицинских учреждений и страховых медицинских организаций³.

Остановимся более подробно на базовых показателях качества медицинского обслуживания в системе обязательного медицинского страхования.

Бесплатность медицинского обслуживания. В соответствии с Программой государственных гарантий медицинское обслуживание в поликлиниках должно осуществляться на бесплатной для пациента основе. Вместе с тем более половины опрошенных признались, что оплачивали ряд медицинских услуг, причем большая часть оплативших – это пациенты от 18 лет и старше. Вот как оценивает данный факт один из экспертов страховой медицинской организации: «Это вытекает из государственной политики в отношении оказания медицинской помощи детям. Взять, например, такое заболевание, как ОРВИ. У детей стоимость тарифа медико-экономического стандарта выше, нежели у взрослого человека. Следовательно, обеспеченность лекарственными средствами в медицинских учреждениях, где лечатся дети, будет выше».

Обратимся к тем видам медицинских услуг, которые оплачивались пациентами. В структуре оплаченных медицинских услуг лидируют лабораторные обследования (анализы) – 31% опрошенных. Следует отметить, что нормативными документами для поликлинических отделений, имеющих тот или иной уровень лицензирования, определен обязательный перечень и объем проводимых исследований, которые финансируются за счет средств обязательного медицинского страхования. «На сложные дорогостоящие исследования, – как отмечает один из экспертов страховой медицинской организации, – часто бывает очередь пациентов. В результате некоторые из них, не желая ожидать в очереди проведения бесплатного исследования, оплачивают его из собственных средств. Также на часть исследований, финансирование которых предусмотрено за счет средств бюджета, поликлиническим учреждениям выделяются квоты, которые быстро заканчиваются, а потребность в этих видах дорогостоящих исследований сохраняется».

Следующую позицию среди пациентов детских поликлиник занимают ультразвуковые обследования (13,8%), а для каждого третьего взрослого опрошенного – консультация врача-специалиста. В данном случае можно утверждать, что отсутствие узкого специалиста в поликлинике снижает доступность медицинского обслуживания и вынуждает пациента обращаться за платными медицинскими услугами.

В системе обязательного медицинского страхования объем медицинских услуг для каждого медицинского учреждения строго и жестко регламентирован. Медицинский персонал должен известить пациента о возможностях бесплатного прохождения той или иной процедуры, обследования, однако каждый третий пациент «взрослой» поликлиники и каждый четвертый родитель утверждают, что им не была предоставлена возможность получения медицинской услуги на бесплатной основе, то есть никто из медицинского персонала не объяснил, когда и при каких условиях возможно получение услуги.

Наиболее распространенным способом оплаты медицинской помощи является оплата медицинских услуг через кассу медицинского учреждения (53,7%). Это отработанный механизм, который «прописался» и существует в лечебных учреждениях. Практика добровольного медицинского страхования слабо развита в амбулаторно-поликлинических учреждениях г. Екатеринбурга, совсем незначительная

часть пациентов обратилась к ней, причем один из специалистов страховой медицинской организации отмечает: «Страховым медицинским организациям невыгодно иметь своих представителей в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Это связано с тем, что большинство пациентов, как правило, лица пожилого возраста, необходимый объем бесплатной помощи при соблюдении ряда условий им будет предоставлен бесплатно. Страховой организации гораздо выгоднее заключить договор с одним пациентом на несколько тысяч рублей на проведение затратного или высокотехнологичного способа диагностики или лечения или же с предприятием, организацией на группу лиц».

Одной из неформальных норм, существующих в системе здравоохранения, выступает «благодарность» медицинскому персоналу за оказанное медицинское обслуживание. По данным исследования, проведенного под руководством С. В. Шишкина, неформальные платежи в поликлиниках встречаются реже, чем в стационарах. «Пациенты, располагающие деньгами, предпочитают получать необходимую помощь в частных или платных поликлиниках, пользоваться консультациями знакомых врачей, оценивая уровень лечебных услуг, предоставляемых в муниципальных поликлиниках, достаточно низко»⁴. Результаты нашего исследования подтверждают данный тезис: только 23% пациентов благодарили не только на словах, причем доля родителей превышает численность пациентов – клиентов поликлиник, обслуживающих взрослое население (27,8% и 18,3% соответственно). По мнению экспертов – руководителей поликлинических учреждений и специалистов страховых медицинских организаций, – неформальные платежи осуществляются пациентами с целью получения медицинской помощи лучшего качества, иного, более дружественного отношения врача и медицинского работника. Инициатором подарка в большинстве случаев выступает сам пациент, на этот факт указали 64,7% опрошенных. Каждый пятый пациент старше 18 лет отметил, что благодарность с его стороны была вынужденной, на ней настаивали сами медицинские работники.

Интервью со специалистами страховых медицинских организаций и с представителями администрации поликлинических учреждений показали противоречивость позиций по данному вопросу. Так, страховщики утверждают, что проблема «взимания денег с пациента» за медицинскую помощь – одна из ключевых, именно она является доминирующей в структуре жалоб в страховые медицинские организации. «Уважаемые врачи за время безденежья привыкли уже к этой форме дохода, я не скажу, что это было поголовно, но большая часть осталась в уверенности, что, если пациент предлагает деньги, их надо брать, а если не предлагает, то надо дать понять: или встанешь в очередь и будем лечить как всех, или, если хочешь позаботиться о здоровье, заплати». Руководители медицинских учреждений считают, что платные медицинские услуги оказываются населению в соответствии с нормативной базой: «В амбулаторно-поликлинической службе все приемы идут бесплатно. У нас есть платные услуги, но они оказываются в рамках постановления правительства нашей Свердловской области, у нас имеется разрешение, калькуляция, нас все время проверяют». Однако есть еще один взгляд на

проблему бесплатности медицинского обслуживания: «Бесплатный уровень – это всегда какие-то рамки. Больному всегда хочется получить больше. Материальных ресурсов лечебного учреждения не всегда хватает на то, чтобы полностью удовлетворить пациентов». Данное утверждение затрагивает проблему полноты и объема назначенного лечения и диагностики. С одной стороны, как утверждает информант, пациенты требуют большего, поскольку не могут оценить должным образом действия врача, однако, с другой стороны, как отмечает один из специалистов страховой медицинской организации: «Платная медицина плоха тем, что она, делая медицинскую услугу бизнесом, ведет к гипердиагностике и гиперназначениям. Врач, заинтересованный в увеличении посещений и диагностировании, назначает, часто в сговоре с определенными своими партнерами, большое количество процедур, которые на самом деле не оправданы».

В целом ситуация по оплате медицинских услуг более благоприятна в детских поликлиниках, причем родители готовы оплачивать медицинские услуги для своих детей и практикуют неформальные нормы благодарности медицинскому персоналу за оказанную помощь. Степень удовлетворенности бесплатностью медицинского обслуживания населения старше 18 лет ниже среднего, поликлинические учреждения активно используют практику предоставления медицинских услуг на платной основе.

Доступность медицинского обслуживания. Современные трактовки доступности медицинского обслуживания касаются не только и не столько финансово-материальной стороны, сколько наличия/отсутствия необходимых специалистов и удаленности места проживания от центральных больниц.

Как показали результаты нашего исследования, среди лидирующих проблем при получении медицинского обслуживания были названы трудности с получением талона на прием и очереди на прием к врачу, на получение процедуры, обследования. Каждый десятый опрошенный признал, что причиной отказа в медицинском обслуживании стало отсутствие в поликлинике необходимого специалиста, причем эта проблема затрагивает большей частью детские поликлинические учреждения.

Исследовательские данные показывают, что 65% опрошенных, смирившись с отказом, не предпринимали никаких действий для получения медицинского обслуживания, 29% пациентов обратились в другое государственное (муниципальное) медицинское учреждение, причем доли получивших бесплатное медицинское обслуживание и обслуживание на платной основе примерно равны.

Страховщики выделили две ключевые проблемы доступности: «неукомплектованность медучреждений кадрами и трудности с получением высокотехнологичных видов лечения». Руководители поликлинических учреждений также отмечают кадровую проблему: «Не всегда можно попасть на прием, потому что либо какого-то доктора нет, либо он так занят, что принять всех не может». «Укомплектованность участковыми врачами составляет 50%. Обязать работать их на две и более ставки мы просто не в состоянии». Особый интерес представляет мнение заведующего поликлиникой одной из ЦГБ г. Екатеринбурга: «Очень часто пациенты необоснованно

считают, что им необходим только узкий специалист. Слово „хочу“ здесь не правомочно, все-таки надо наблюдаться в большей степени у терапевта».

В целом в системе медицинского обслуживания проблема доступности представлена в следующих аспектах: организация приема врачей, кадры, высокотехнологичные формы диагностики.

Взаимодействие с медицинским персоналом. Взаимодействие врача и пациента – это стержень, определяющий успешность диагностики и лечения: от характера отношений, которые складываются с врачом, во многом зависит конечный результат и дальнейшая профилактика.

Большая часть пациентов (62,9%) характеризуют свои отношения с врачом с позиций их формализации. Западные исследователи и специалисты считают, что для более эффективного взаимодействия и высокого качества результата отношения должны иметь скорее нейтральный, формальный характер. Каждый третий опрошенный оценивает отношения как дружеские, поскольку «дружба способствует повышению доступности к медицинским услугам различной направленности».

В процессе практически любого взаимодействия так или иначе может произойти столкновение интересов взаимодействующих сторон, конфликтные ситуации. Среди опрошенных 83% отметили, что в течение года отсутствовал повод для возникновения конфликта с медицинским персоналом. Отсутствие конфликтов свидетельствует о своего рода благополучности системы взаимодействия по вектору «медперсонал – пациент»/«медперсонал – родители ребенка-пациента», что, несомненно, повышает качество медицинского обслуживания в целом. Вместе с тем 13% опрошенных определили круг причин, которые послужили основанием для возникновения конфликта. Среди них:

- невнимательность, грубость со стороны медперсонала – 54,4%;
- отказ врача принять пациента (невозможность попасть на прием) – 14,6%;
- неверный диагноз (врач не может поставить точный диагноз) – 8,7%.

Интересным представляется мнение заместителя руководителя одной из ЦГБ г. Екатеринбурга: «Известные психологи и психотерапевты указывают на то, что в некоторых специальностях, в том числе и у врачей есть синдром эмоционального выгорания. Когда врач постоянно находится в состоянии стресса, то многие профессиональные действия делаются на автоматизме, а больные недовольны».

Руководители медицинских учреждений, характеризуя взаимодействие пациентов с медперсоналом, отмечают необоснованность обид и претензий со стороны пациентов. «Пациент не всегда себя объективно оценивает. Он считает, что все ему должны. Именно сторона отношения самого пациента к персоналу – это тоже проблема. Не всегда пациент оценивает должным образом тот титанический труд, который вложен врачом и медперсоналом по его спасению. Человеку жизнь спасли, а он потом начинает по каким-то мелочам придираться, забывая, что в принципе он мог просто не выжить».

В целом степень удовлетворенности взаимодействием с медперсоналом выше среди родителей детей-пациентов, чем среди пациентов, получающих медицинское обслуживание во взрослых поликлиниках.

Результативность медицинского обслуживания. Оценка пациентами результативности медицинского обслуживания опирается на субъективные ощущения, причем объективно комплекс медицинских мероприятий, назначенных лечащим врачом, пациент в силу отсутствия медицинского образования и глубоких медицинских знаний оценить не может. Поэтому в исследовании пациенты охарактеризовали общую оценку удовлетворенности результатом, под которым понималось общее улучшение/ухудшение самочувствия, исчезновение симптомов заболевания. Родители оценили результаты медицинской помощи выше, чем пациенты «взрослых» поликлиник; что касается страховщиков и руководителей медицинских учреждений, то мнения экспертов разделились. Так, специалисты страховых медицинских организаций ставят результативности медицинского обслуживания «троечку с минусом», поскольку, как отмечает один из специалистов, «за конечный результат как-то сегодня никто не болеет». Руководители амбулаторно-поликлинического звена оценивают результативность как очень высокую, обосновывая свою позицию «активным применением новых технологий».

Как в целом выглядит система оценки пациентами качества медицинского обслуживания, которая складывается из показателей удовлетворенности бесплатностью, доступностью, результативностью и взаимодействием с медперсоналом, можно видеть на следующем графике:

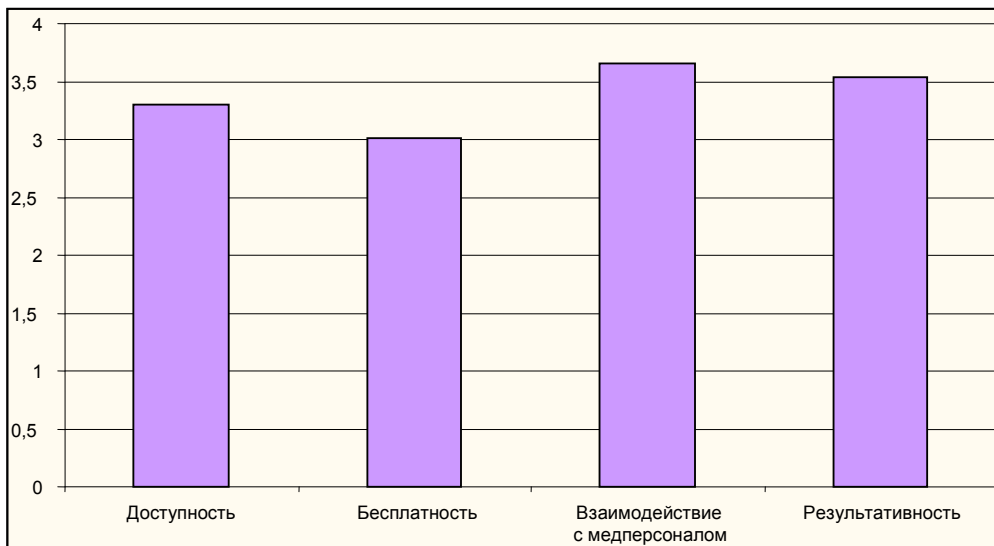

Диаграмма 1. Оценка пациентами показателей качества медицинского обслуживания

Оценка пациентами показателей качества медицинского обслуживания позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, выше всего среди показателей качества пациенты оценивают отношение со стороны медицинского персонала и результативность медицинской помощи. Во-вторых, родители детей-пациентов детских поликлиник оценивают все показатели качества медицинской помощи

выше, нежели пациенты, получающие медицинскую помощь в амбулаторно-поликлинических учреждениях, обслуживающих взрослое население. Наибольшие различия наблюдаются в оценках таких показателей, как доступность и бесплатность медицинского обслуживания. В-третьих, более высокую оценку качеству медицинского обслуживания в целом дают родители несовершеннолетних пациентов, чем пациенты поликлиник, обслуживающих взрослое население: средний балл для детских поликлиник – 3,78; для взрослых поликлиник – 3,19.

Руководители медицинских учреждений оценивают качество медицинского обслуживания как хорошее, страховщики же ставят качеству удовлетворительную оценку, отмечая некоторые различия в качестве медицинского обслуживания детского и взрослого населения: «Детское население гораздо качественнее получает медицинскую помощь, традиционно педиатры – более дисциплинированная категория медицинских работников. В детской медицине очень развита гипердиагностика, она сложнее. Не очень квалифицированное медицинское вмешательство в детском возрасте закладывает серьезные проблемы для здоровья уже взрослого населения».

Каковы возможные пути решения проблемы качества медицинского обслуживания? В ходе интервью специалисты страховых медицинских организаций и руководители лечебно-профилактических учреждений выделили следующие направления:

- наращивание (развитие) новых методик и технологий;
- повышение квалификации, профессионального мастерства медицинских работников, включая среднее звено;
- материальное стимулирование медицинского персонала;
- повышение престижности профессии в обществе;
- улучшение материально-технической базы медицинских учреждений.

Несомненно, эти идеи заложены в национальном проекте «Здоровье», который можно считать важным условием, способным повысить качество медицинского обслуживания при получении первичной медико-социальной помощи в амбулаторно-поликлиническом звене. Респондентам было предложено оценить современный уровень оказания медицинской помощи в сравнении с предшествующим годом. Большая часть респондентов (68%) считает, что изменений в качестве медицинского обслуживания не произошло, каждый четвертый опрошенный утверждает, что качество улучшилось. Такие позитивные изменения отмечают в основном родители, то есть речь идет о том, что повышение качества медицинской помощи характерно в большей мере для детских поликлинических учреждений.

Оценивая идею реализации национального проекта «Здоровье», страховщики с осторожностью комментируют ее эффективность: «Национальную программу „Здоровье“ расцениваю как массированное вливание денег без соответствующего планирования, без соответствующего определения целей. Точнее, качество изменится, оно изменится в лучшую сторону, но по соотношению объема вкладываемых денег и полученного результата... это крайне плохое соотношение». Руководители медицинских учреждений более эмоционально и оптимистично смотрят на реализацию национального проекта: «Безусловно, качество улучшит-

ся! Мы уже это на себе почувствовали. Это даже не подлежит сомнению»; «Национальная программа „Здоровье“ по этому проекту выделила нам очень много аппаратуры: рентгеновский аппарат, эндоскопическую аппаратуру, лабораторные анализаторы. Естественно, качество улучшится. Это все пойдет в поликлиники, все пойдет на обслуживание населения».

В целом мы считаем, что полученные оценки качества дают вполне четкие контуры той ситуации, которая складывается в системе медицинского обслуживания. Обозначив проблемные зоны, важно определить комплекс действенных механизмов, способных решить насущные проблемы и в дальнейшем повысить качество медицинского обслуживания. Разработанная модель оценки качества медицинского обслуживания может быть использована в мониторинговом режиме, позволяющем охарактеризовать динамику изменений в системе, а также осуществлять замеры в ходе реализации национального проекта «Здоровье».

Автор признателен Независимому институту социальной политики
(финансирование Фонда Дж. и К. Макартугов)
за поддержку в работе над проектом

¹ Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2002. С. 398–399.

² Доля опрошенных воспроизводит половозрастную структуру населения г. Екатеринбурга.

³ Всего было взято 21 интервью: двенадцать – у руководителей медицинских учреждений, девять – у руководителей и специалистов страховых медицинских организаций.

⁴ Неформальные платежи за медицинскую помощь в России. М., 2003. С. 56.

В. Н. Давыдов

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ВУЗАХ

В начале 1990-х годов в условиях нарождающихся рыночных отношений началось становление цивилизованных отношений власти, работодателей и работников. В качестве представителей последних были созданы новые институты профдвижения, началось становление нового российского профсоюза в рыночных условиях. В становлении и развитии социального партнерства в системе образования Российской Федерации можно выделить три этапа:

1) осмысление важности института социального партнерства как корпоративной ценности вузов и системы образования; ее реальное включение в организационную культуру вузов;

- 2) повышение качества заключаемых договоров и соглашений;
- 3) организация эффективного контроля за выполнением заключаемых в рамках социального партнерства договоров и соглашений.

Контент-анализ материалов профсоюзной интеграции в 1990–1994 годах показал, что действия ЦК профсоюза работников народного образования и науки РФ, профсоюзных масс, решения региональных совещаний-семинаров, рекомендации координационных советов председателей профкомов вынудили государственную власть приступить к созданию правовой основы социально-трудовых отношений. В этот период был создан фундамент для реализации принципов социального партнерства с целью защиты прав и интересов работников, сохранения и развития системы образования в России.

Начиная с 1993 года отношения профсоюза и государства начали входить в правовое русло, однако политическая и жизненная ситуация в стране развивалась столь стремительно и неопределенно, что от достигнутого уже через два-три месяца мало что оставалось. Поэтому на первый план в этот период выходит проблема взаимодействия и взаимосвязи внешней и внутренней среды через создание в рамках правового поля России и отдельных регионов развитой системы соглашений, которая впоследствии стала определяющей во взаимоотношениях работодатель – работник, государство – профсоюз, основой для системы их социального партнерства.

В 1997, 2000, 2003 и 2006 годах автором были проведены полевые наблюдения и социологическое исследование, направленные на анализ и оценку этих процессов, в 180 государственных вузах в семи экономических регионах (ныне – федеральных округах) российской Федерации¹.

Как показывает анализ, именно в начале 1990-х годов возникла правовая основа института социального партнерства, начала формироваться многоступенчатая система соглашений: Генеральное соглашение между общероссийским объединением профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на федеральном уровне, отраслевое тарифное соглашение между профсоюзом работников народного образования и науки Российской Федерации и Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации на отраслевом уровне, территориальные соглашения на уровне территориальных образований и, наконец, коллективные договоры на уровне учреждений системы высшего профессионального образования.

Эта система соглашений становилась действенной, цивилизованной формой социального партнерства в России, в ней был найден путь решения острых социальных и трудовых конфликтов без использования массовых акций протеста, она явилась впоследствии одним из инструментов повышения уровня и качества жизни работников.

Каковы же особенности становления института социального партнерства и его корпоративных ценностей на первом этапе? К избранному нами варианту подталкивала позиция Интернационала образования (международного социального института): «национальные правительства руководствуются принципом, что со-

циальное партнерство – это важная составная часть стабильности положения в экономике и в обществе, оказывают поддержку профсоюзам в проведении огромной работы по подготовке и заключению коллективных договоров и соглашений. В развитых странах отношения социальных партнеров строятся на обязательных принципах взаимного уважения, внимания к мнению и предложениям профсоюзов, представляющих трудящихся»².

Этому способствовала политическая и экономическая ситуация в системе образования и России в целом к середине 1990-х годов. По мнению лауреата Нобелевской премии, экономиста Дж. Стиглица, «шло не только разрушение устоев российского общества, но и его культурных ценностей. Шоковая терапия, заявленная российским правительством, привела к обнищанию подавляющего большинства жителей России, сказалась негативно на интеллектуальном состоянии работников образования»³. Анализ ситуации в образовании России показал, что материальное положение преподавателей и сотрудников вузов резко ухудшалось, их заработная плата впервые с начала XX века стала ниже средней заработной платы по стране и т. д.; поэтому была необходима оценка ситуации в вузах на рубеже 1995–1996 годов.

Результаты были удручающими, крайне негативными, более половины (54%) респондентов по России в целом оценили положение как критическое и требовали немедленного вмешательства государства в ситуацию в образовании (респонденты-уральцы были еще критичнее – 62%). Одна четверть опрошенных (тут по регионам особых различий не было) оценила ситуацию в образовании как угрозу для существования государства. И только 10% респондентов надеялись, что ситуацию можно решить с помощью администраций городов, областей, краев и республик.

По данным социологического опроса были выделены наиболее важные проблемы, являющиеся первостепенными в вузах и требующие немедленного решения (по убыванию): несвоевременная и низкая оплата труда преподавателей и сотрудников (по России – 29% опрошенных, по Уралу – 32%); слабая материальная база, устаревшее оборудование, отсутствие учебников (соответственно 24% и 27%); обветшание учебных и вспомогательных помещений (22% и 18%).

Негативная тенденция сохранялась во всех вузах, где проводилось исследование, в Центральном, Южном, Северо-Западном экономических регионах и Поволжье. Ситуацию в вузах с финансированием по России в целом оценивали как неудовлетворительную или критическую около 85% респондентов, по Южному экономическому региону – 100%, в Северо-Западном экономическом регионе – 92%; по Уральскому экономическому региону – 90%, в Центральном экономическом регионе и Поволжье – 70%. Таким образом, подавляющее число респондентов констатировало, что вузы находятся на грани финансового краха.

Таковыми были последствия принятия управленческой субкультуры отрасли приоритетов контрсубкультуры, насаждаемой экспертами Всемирного банка и Международного валютного фонда⁴.

В итоге резко усилилась деградация кадрового потенциала вуза. Четко выделились основные тенденции в развитии кадрового потенциала вузов (в порядке

убывания): падение престижа преподавательской и научно-исследовательской деятельности в обществе (по России – 88% опрошенных, по Уралу – 90%), старение кадров (соответственно 84% и 79%), как следствие – увеличение доли работающих пенсионеров (80% и 65%), отток молодых специалистов (79% и 75%), «утечка мозгов» из вузов (77% и 54%), работа преподавателей в других учебных заведениях (66% и 67%), феминизация педагогических коллективов (22% и 38%). Начинаясь процесс постепенной деградации преподавателя, сотрудника вуза, переход к режиму работы «многостаночника», работы в двух-трех местах, что неминуемо сопровождалось снижением качества преподавания, обеднением интеллектуального потенциала преподавателя, сотрудника вуза. Вуз, его организационная культура не в полной мере выполняли свою основную миссию подготовки высококачественного специалиста высококвалифицированными педагогами.

Таким образом, в 1995–1996 годах негативные тенденции, выявившиеся в начале 1990-х, проявились в большей степени и ситуация ухудшилась. Корпоративная культура профсоюза не могла принять разрушения ценностей высшего профессионального образования в России и вошла в конфликт, в трудовой спор с организационной культурой отрасли, точнее сказать, с ее носителями – управлением отрасли.

Надо отдать должное, внутри субкультуры управления отраслью также произошло разделение, что впоследствии позволило применить систему консенсусов, компромиссов и конвергенции в разрешении данного конфликта, создать основу для нормальных отношений в рамках социального партнерства.

Одними из наиболее важных явились вопросы, касающиеся действий власти по сохранению образования в регионах, то есть взаимодействия организационных и корпоративных культур властных региональных структур и корпоративной культуры вузов. Региональные власти оказались более прозорливыми, более восприимчивыми к ценностям корпоративных культур профсоюзных организаций вузов и профсоюза в целом.

Местные власти, по оценке респондентов, не только принимали меры по решению проблем, возникших в образовании, но и активизировали работу администрации вузов, внося в организационную культуру свои ценности. Среди этих мер, по оценке респондентов, получили распространение следующие: введение местных налогов на нужды образования, реализация городских и областных программ помощи вузам, прямые договоры города и района с вузами. Впервые со времен дореволюционной России был активизирован институт спонсорства, был поднят и вопрос о попечительских советах. О степени распространенности конкретных мер по регионам говорят результаты нашего социологического исследования: как мы видим на диаграмме, наиболее взвешенной была позиция местных властей на Урале (особенно по реализации городских и областных программ поддержки вузов и по прямым договорам с ними).

Диаграмма 1. Приоритеты местных властей в отношении вузов в 1995–1996 гг.

Но в целом предпринятых мер было явно недостаточно. Ситуация осложнялась и тем, что законодательная власть в 1995–1996 годах нередко принимала верные решения, но органы исполнительной власти в России только в 30% случаев принимали жизненно важные, нужные вузам решения, в 54% – не помогали и в 5–10% случаев принимали решения, противоречащие интересам вуза (12% – в Северо-Западном регионе, 6% – в Центральном регионе и Поволжье, 2% – в Уральском регионе).

Таким образом, принимаемые Правительством РФ декларативные решения не были подкреплены финансово и, следовательно, не нашли отражения в действиях местных органов исполнительной власти. Власть на местах практически не могла поддерживать и совершенствовать только что зародившуюся систему социального партнерства. Тем не менее даже в этих тяжелейших условиях профсоюз, его первичные организации в вузах в приоритетном порядке шли на заключение соглашений всех уровней. Но, идя на заключение соглашений и договоров, профсоюз имел достоверную информацию (включая и результаты наших исследований) как доказательство объективно необходимого изменения ситуации. Позитивная роль корпоративной культуры профсоюза особенно проявлялась в отстаивании корпоративных ценностей, в обосновании выхода из существующей критической ситуации и в мобилизации профсоюзных масс к борьбе за этот выход. Профсоюзные лидеры (в масштабе отрасли и на местах) использовали до последнего цивилизованные возможности договориться, до-

биться понимания у руководителей разных уровней корпоративных ценностей вузов и их профсоюзных организаций, утвердить общенациональные корпоративные ценности российского образования.

Профсоюз доказал, что решение проблем образования неотделимо от развития института социального партнерства, системы взаимодействия государства, работодателя и наемного работника в системе соглашений различных уровней: генерального, отраслевого тарифного (ОТС), территориального. ОТС является своего рода программой действий и определяет приоритеты перед работниками отрасли. Указанные соглашения являются важнейшими документами, на которые опираются вузы при заключении коллективных договоров и тем самым принимают корпоративные ценности системы образования и поддерживают пути ее развития и совершенствования.

В этих экономических и политических условиях профсоюз выдвинул четко проработанный план действий, своего рода стратегию развития социального партнерства в учреждениях высшего профессионального образования России.

Системный социологический анализ результатов опроса респондентов в вузах России (2000, 2003 и 2006 годы), детальная оценка результатов исследований по федеральным округам, применение метода картографического анализа позволили провести сравнительный анализ с исследованиями 1997 года, вскрыть как положительные, так и негативные тенденции в развитии ситуации с реализацией социального партнерства в вузах.

В 2000 году две трети респондентов (председателей профкомов вузов) не были знакомы с Генеральным соглашением (в 1997 году с ними были знакомы около 50% опрошенных), то есть ситуация несколько ухудшилась. С территориальными соглашениями ситуация практически не изменилась по сравнению с 1997 годом (55% и 51%). При реализации ОТС в 1998–2000 годы наметились положительные тенденции в изменении ситуации в вузах: начали решаться проблемы заработной платы, серьезно изменилось отношение вузов к кадровой проблеме, наметились тенденции к улучшению положения с омоложением преподавателей вузов и подготовкой кадров высшей квалификации. Корпоративная культура системы образования (отрасли) и, что намного важнее, вузов медленно, но верно начала принимать ценности корпоративной культуры отраслевого профсоюза. Прорывом в отраслевых взаимоотношениях можно назвать то, что в ОТС 1998–2000 годов были заложены нормы, обязывающие администрацию вузов заключать соглашения по охране труда и осуществлять финансирование в размере не менее 1,5% от фонда оплаты труда из всех источников. В этих условиях особенно важна была оперативная информация на всех уровнях, действенный контроль за информационными потоками и, главное, за прохождением информации по вертикали (на уровне профсоюза и на уровне отрасли). И все-таки один из шести профсоюзных руководителей вузов не был в 2000 году знаком с ОТС (характерно, что на Урале свое незнание ОТС отметил лишь один из одиннадцати респондентов); в 25% вузов России соглашения по охране труда отсутствовали. Наиболее

проблемная ситуация наблюдалась в Дальневосточном, Северо-Западном и Южном федеральных округах. К 2003-му и особенно к 2006 году ситуация значительно улучшилась: число профсоюзных руководителей вузов, незнакомых с действующим ОТС, по России снизился до 8–12%, а этот показатель по федеральным округам колебался в диапазоне от 0% (Дальневосточный) до 21% (Северо-Западный, Южный). Наиболее показательным с точки зрения развития социального партнерства и корпоративной культуры в вузах являлся показатель «наличие коллективных договоров в вузах»:

Таблица 1. Наличие коллективных договоров в вузах, в % от числа опрошенных

	1997 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Заключены или пролонгированы	79	88	96	99
Отсутствуют	21	12	4	1

Как видим, ситуация с коллективными договорами к 2000 году несколько улучшилась, но сохранялось 5–25% вузов отрасли (с колебаниями по федеральным округам), где в нарушение закона коллективные договоры не заключались (особенно в Южном и Дальневосточном федеральных округах). В 2003 году в результате систематической совместной деятельности Минобразования России и профсоюза произошел прорыв в понимании ценностей института социального партнерства в вузах, корпоративная культура вузов восприняла ценности корпоративной культуры отрасли: остались лишь единичные вузы, которые по тем или иным причинам не заключили коллективные договоры. Однако основной причиной явилось наличие в этих вузах консервативной организационной культуры и авторитарного стиля управления. Параллельно изменилась ситуация с использованием соглашений высших уровней для подготовки коллективных договоров вузов.

Таблица 2. Использование ОТС при заключении коллективных договоров в вузах, в % от числа опрошенных

	1997 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Российская Федерация в целом	51	67	84	85
Южный федеральный округ	н/д	27	н/д	100
Дальневосточный федеральный округ	н/д	75	н/д	100
Уральский федеральный округ	53	72	89	81
Сибирский федеральный округ	42	79	88	88
Центральный федеральный округ	67	72	н/д	80
Северо-Западный федеральный округ	35	50	73	88
Приволжский федеральный округ	62	81	н/д	74

Положительная динамика роста числа вузов России, где используется ОТС при заключении коллективных договоров (при разбросе значений по федеральным округам от 74% до 100%), наблюдается во всех вузах России, на уровне всех федеральных округов. Это свидетельство нормализации информационных потоков в отрасли и профсоюзе, распространения корпоративных ценностей суперкультур Минобразования и профсоюза, их восприятия корпоративными культурами вуза и их профсоюзных организаций. Более слабо вузами воспринимаются приоритеты политики правительства РФ. Использование Генерального соглашения при заключении коллективных договоров в вузах намного ниже и колеблется в интервале 20–50% (2000 год) и 25–63% (2006 год). Особо интересно рассмотреть уровень использования территориальных соглашений при заключении коллективных договоров вузов. Именно этот показатель характеризует взаимодействие организационных и корпоративных культур территориального образования и вузов, находящихся на этих территориях:

Таблица 3. Использование территориальных соглашений при заключении коллективных договоров в вузах, в % от числа опрошенных

	1997 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Российская Федерация в целом	24	48	47	53
Южный федеральный округ	н/д	27	н/д	38
Дальневосточный федеральный округ	н/д	75	н/д	100
Уральский федеральный округ	15	38	54	52
Сибирский федеральный округ	15	44	38	56
Центральный федеральный округ	33	36	н/д	69
Северо-Западный федеральный округ	40	50	40	25
Приволжский федеральный округ	23	47	н/д	53

Заметно увеличение (в 2,2 раза) количества вузов, использующих территориальные соглашения при заключении коллективных договоров. Однако резервы для взаимодействия корпоративных культур на территориальном уровне, мягко говоря, значительны, несмотря на вступление в силу печально известного федерального закона № 122 от 22 августа 2004 года.

Социальное партнерство как равноответственное взаимодействие администрации вуза с профкомом предоставляет профсоюзу возможность высказать свою точку зрения, обсудить ее внутрисоюзно, публично до принятия решений. Затем – через диалог представителей профсоюза с администрацией – принять согласованный документ, обеспечивающий работу вуза в стабильном режиме. Тем самым индивидуальные ноу-хау через участие многих сотрудников, членов профсоюза в подготовке решений становятся ноу-хау коллектива университета. Пополняется корпоративная память вуза. Новации инициируют процесс разви-

тия корпоративной культуры. Недооценка коллективных договоров как со стороны администрации, так и со стороны профорганизаций, непросвещенность «верхов» и «низов» трудового коллектива в законности коллективного договора требуют последовательной, планомерной деятельности, применения существующего опыта, стимулирования людей к принятию перемен, готовности к обучению, высокой личной готовности к разработке и выполнению коллективного договора, определенной доли напористости для достижения цели, солидарности членов профсоюза с руководством вуза, партнерских отношений на всех уровнях работы, умелого использования внебюджетных фондов, которые в вузах составляют значительные суммы.

Именно эти элементы, ценности, артефакты аккумулировала в себе профсоюзная корпоративная культура на всех уровнях. Эти ценности стали достоянием всех профсоюзных субкультур в вузах Российской Федерации и постепенно через систему конвергенции стали осваиваться сначала субкультурами коллектива вуза, затем – его управленческого персонала. Это создало базу для совершенствования принципа социального партнерства на всех уровнях от вуза до отрасли. Такое совершенствование происходило по двум ярко выраженным направлениям: совершенствование режима выполнения коллективных договоров и соглашений; повышение их качества и эффективности в условиях постоянного двухстороннего контроля и отчетности за выполнением этих коллективных договоров и соглашений. Именно осознание этих двух моментов субъектами, формирующими корпоративные культуры профсоюза и отрасли, вуза и его профсоюзной организации, позволило дать новый толчок и вывести на новый уровень взаимодействие профсоюза и работодателей, государства, обеспечив принцип поступательной конвергенции корпоративных культур. Объективно мониторинг данных по заключению соглашений различных уровней показал, что вопросы контактов сторон (участников) переговоров, заключения соглашений и коллективных договоров практически сняты с повестки дня к 2006 году.

В вузах Российской Федерации создана корпоративная культура, обеспечивающая режим благоприятного социального партнерства. Однако степень выполнения коллективных договоров зависит от целого ряда других факторов, формирующих корпоративную культуру: от степени взаимодействия субкультур работников, молодежи и руководящего состава, от особенностей профсоюзной корпоративной культуры, от уровня и подготовленности лидеров вуза и профсоюза к существующей системе взаимоотношений и социального партнерства. В рамках социального партнерства непрерывно формируется и укрепляется законодательная база организации, создаются объективные предпосылки для формирования у сотрудников отношения к организации как к своему второму дому. Партнерство позволяет профессионально обогащать знания руководителей фактами жизни организаций, глубже изучать потребности и возможности их удовлетворения в каждый новый период времени, находить оптимальные способы мотивирования сотрудников, открывать скрытые ценности и нормы,

сокращать длительность времени между возникновением, осознанием и решением проблем.

Отраслевое тарифное соглашение предписывает углубление процессов социальной защиты работников, в том числе через создание внебюджетных фондов социальной защиты работников с участием профсоюзов, создание программ поддержки работников высшего профессионального образования и студентов. Необходимо поднять результаты работы по подготовке и заключению коллективных договоров и соглашений, своего рода отдачу коллективных договоров, вывести ее на уровень требований ОТС. Эта немалая работа по удовлетворению потребностей и интересов сотрудников вузов становится во главу угла в задачах корпоративных культур как вуза, так и его профсоюзной организации, а также Рособразования и ЦК профсоюза. Таким образом, через социальное партнерство руководство вуза приобщается к интересам, ожиданиям, запросам членов профсоюза (сотрудников), реагирует на инициативы, новации жизнедеятельности коллектива. Профсоюз, в свою очередь, оказывает влияние на формирование и поддержку имиджа вуза, на внимание к проблемам вуза, его коллектива, создания атмосферы доверия и результативной трудовой деятельности. Происходит взаимная конвергенция корпоративных культур и субкультур вуза и профсоюза.

¹ Выборка (180 анкет, заполненных председателями профорганизаций вузов) составила более 30% от числа государственных вузов РФ. Были проанализированы данные 158 из 324 вузов подчинения Минобразования России, что составляет 49%. Выборка осуществлялась по каждой категории вузов (классические университеты, технические, педагогические вузы и университеты, сельскохозяйственные, медицинские вузы, вузы подчинения Министерств путей сообщения и культуры). Выборка по ним составила от 20 до 60%. Осуществлена, таким образом, репрезентативная выборка как в целом по отрасли, так и по отдельным категориям вузов. Достоверность полученной нами социологической информации определялась тем, что респонденты – председатели профкомов вузов – выступали непосредственными участниками и процесса управления, и исследования. Оценка, таким образом, дана компетентными респондентами. Шкалы, по которым производились оценки, были заданы респонденту.

² См.: Яковлев В. М. Выступление на съезде Профсоюза, посвященное 10-летию Профсоюза работников народного образования и науки РФ. М., 2000. С. 4.

³ См.: http://www.situation.ru/app/j_art_html; Стиглиц Дж. Ревущие девяностые: семена развала. М., 2005. С. 7.

⁴ См.: Давыдов В. Н. Проблемы выживания высшей школы и науки: материалы совещания профсоюзного актива вузов и научных учреждений. Екатеринбург: Труды регионального совещания профсоюзного актива вузов и научных учреждений Урала и Западной Сибири. 1992. №1 (1); Стиглиц Дж. Разрушение России (газета The Gardian от 9 апреля 2003 г., перевод с сайта ИноСми).

А. В. Мозолин

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ И ХАРАКТЕРА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сегодня мы можем сказать, что процесс формирования информационного общества сопровождается утверждением новой среды обитания, новых социальных и моральных ценностей, нового образа жизни и новых принципов управления обществом. Информационное общество отличает, с одной стороны, возрастающее управленческое значение средств массовой информации, являющихся элементом общественных связей, с другой стороны – возрастающая информированность населения, свободный доступ к информации, беспрепятственная работа всех СМИ, наличие массовых технических средств, делающих информацию доступной для большинства граждан.

В связи с этим меняется сама движущая сила социальных изменений. Ею становятся информационная среда обитания, информационные технологии, позволяющие эффективно реагировать на вызовы цивилизации – высокотехнологичной и рыночной. С этих позиций мы и попытаемся рассмотреть некоторые аспекты существования масс-медиа в процессе становления информационного общества.

Основной посылкой этих изменений масс-медиа стала революция средств хранения и передачи информации, которая не только превратила мир в глобальную деревню, опутав его мировой паутиной разнообразных и, по сути, неисчерпаемых информационных ресурсов, но и предоставила возможность фактически каждому человеку стать создателем собственного СМИ. Следствия этой революции, на наш взгляд, сказались на всей структуре и направленности пропаганды, которые сейчас нам необходимо сформулировать более четко.

Опираясь на результаты, полученные в исследованиях Маршалла Маклюэна и Мануэля Кастельса, мы можем зафиксировать первое такое изменение. В настоящее время можно говорить о возникновении в обществе двух параллельных информационных процессов. С одной стороны – существование традиционной схемы и направленности движения информации от источника к относительно пассивному получателю, а с другой – возникновение новых социальных групп, для которых характерно активное формирование собственного информационного пространства. Пространства, в котором отдельный человек осуществляет собственное информационно-поисковое поведение, определяемое, во-первых, его потребностями в знании и, во-вторых, максимально удобной формой получения этого знания.

Таким образом, мы можем говорить не только об изменении вектора коммуникации, но и о потребности формирования нового адекватного представления о характере объекта пропаганды. Поскольку появление «активных» потребителей информации приводит к необходимости перестраивать всю систему пропаганды, в противном случае они просто не будут попадать в сферу ее воздействия.

Такая постановка приводит к тому, что процессы распространения информации в обществе, а соответственно и структуры пропаганды должны рассматриваться как минимум с двух позиций:

– с точки зрения традиционной («пассивной») модели потребления информации, а следовательно, и традиционной модели пропаганды, в которой не произошло изменения объекта и структуры воздействия и к исследованию которой применимы существующие подходы;

– с точки зрения новой (интерактивной, мультимедийной, поисковой) модели коммуникации, при которой индивид активно выбирает из возникшего многообразия различные каналы получения необходимой информации.

При этом необходимо иметь в виду еще и следующее обстоятельство. Исследования М. Кастельса убедительно доказывают возникшую и постепенно усиливающуюся тенденцию, связанную с широкой социальной и культурной дифференциацией, ведущей к сегментации пользователей/зрителей, читателей/слушателей. Сообщения не только сегментированы по рынкам, следуя стратегиям отправителей, но также все больше диверсифицируются пользователями соответственно их интересам.

Другая тенденция, которая формулируется в том же исследовании, связывается с ростом социальной стратификации среди пользователей новых каналов коммуникации. Выбор мультимедиа будет ограничен не только людьми, имеющими время и деньги для доступа, и странами с достаточным рыночным потенциалом. Решающими становятся культурные и образовательные различия. Информация о том, где смотреть, и знание о том, как использовать сообщение, будут существенны для подлинного восприятия системы, отличной от стандартно настроенных СМИ.

Естественно, что данные изменения в объекте пропаганды приводят к модификации сообщений, содержащих в себе пропагандистские послания. Если для первой, «традиционной» группы характерно в достаточно высокой степени восприятие прямых пропагандистских обращений (при этом неважно, в виде рекламных роликов или собственно политических призывов они воспроизводятся), то для второй, «поисковой» группы такая форма не будет являться эффективной, поскольку собственно пропагандистские сообщения содержат, как правило, достаточно жесткую информационную модель действительности при минимуме необходимого для профессиональной деятельности, образа жизни и т. п. знания представителей данной группы.

Поскольку определяющим условием особых интересов в информационном обществе будут знания, ибо направленность и содержание потоков знания, доступ к ним будут определять все стороны жизнедеятельности индивида, его положение в обществе, – мы можем выделить как минимум еще два фактора, обуславливающих характер пропаганды.

Во-первых, необходимо отметить, что в информационном обществе пропаганда начинает выступать уже не в виде неких прямых призывов, легко выделяемых из общего потока информации. Доминирующим условием эффективности

пропаганды в данном случае будет ее мимикрия в знание, то есть обладая по содержанию характеристиками пропагандистского сообщения, текст будет оформляться в тот или иной вид знания.

Таким образом, пропаганда должна выглядеть и восприниматься как обычная информация, отвечающая как минимум двум условиям: содержать в себе необходимое для данной группы знание и иметь форму, адекватную для восприятия представителями группы, то есть пропаганда должна прятаться в информации, переставая обладать признаками жесткой интерпретационной модели действительности.

Во-вторых, усиление влияния масс-медиа в информационном обществе ведет к возрастанию информационной зависимости получателей сообщений. В соответствии с общей типологией социальной зависимости в обществе могут существовать личная информационная зависимость, групповая информационная зависимость и общественная информационная зависимость¹.

Личная информационная зависимость возникает тогда, когда доступность информации, способов ее получения находится в зависимости от особых интересов одного индивида. Если информационные потоки регулируются этими интересами, социальная реальность искажается максимально. Характеристики, присущие социальной информации, – субъективность, изменчивость, высокая степень расщепленности в пространстве источников социальной информации, их обезличенность, свобода обмена социальной информацией – создают широкие возможности для искажения социальной реальности и формирования личной информационной зависимости в обществе.

В современных обществах, когда концентрация и распространение социально значимой информации осуществляются в основном посредством государства и СМИ, возникновение личной зависимости является широко распространенным явлением. Она главным образом характерна для тоталитарных и авторитарных систем управления и существует достаточно долго. В современных демократических обществах, где высока расщепленность источников социальной информации и государство не является определяющим ее источником, личная зависимость может возникать на короткое время под воздействием одного индивида. Так, распространение искаженной информации отдельными людьми через СМИ и особенно через Интернет происходит регулярно. Чем выше социальная значимость информации, тем выше уровень ее воздействия на размывание социально-управленческого порядка демократического общества. Примером такого рода случаев является ложная информация, распространяемая во время выборов одним кандидатом по отношению к другому кандидату. Хотя срок жизни такой информации небольшой, однако эффект влияния сильный. Кандидата, по поводу которого распространена ложная информация, не избирают в депутаты или президенты.

В информационном обществе, где информационно-телекоммуникационные сети будут пронизывать все социальные поры, «срок жизни» ложной информации будет короче, чем в современных обществах, но эффект влияния неизмеримо сильнее. Такая информация способна в определенной степени снизить уровень самоорганизации в обществе, нарушить его самоуправленческие механизмы.

Групповая информационная зависимость возникает тогда, когда доступность информации и способов ее получения связаны с интересами одной группы. В современных обществах формирование групповой зависимости характерно не только для авторитарных систем управления, групповых по своей сути, но и для демократических. В них СМИ нередко находятся под влиянием тех или иных политических и экономических групп, реализующих посредством искаженной информации свои групповые интересы.

В авторитарных обществах групповая информационная зависимость существует очень долго; она может существовать достаточно долго и в современных демократических обществах, так как источники информации о состоянии политических и экономических групп зачастую малодоступны не только для отдельных граждан, но и для независимых СМИ. Для сохранения устойчивости социально-управленческого порядка значимость социальной информации, распространяемой политическими и экономическими группами, существенно выше по сравнению с информацией, поступающей от отдельного индивида, выше и уровень ее воздействия на размывание социально-управленческого порядка демократического общества. На основе данной информации принимаются стратегические и тактические решения в экономике и политике, влияющие на положение больших масс людей. Примерами воздействия такого рода являются конфликты между государствами, конкурирующими корпорациями, паника на биржах, – все это зачастую происходит в результате распространения заинтересованными группами искаженной информации.

Несколько слов хотелось бы сказать о тех изменениях, которые коснулись каналов и источников пропаганды. Технологический взрыв позволил существенно удешевить производство и распространение информации (в том числе и пропагандистской). Наличие компьютера, модема и достаточно небольшого объема знаний дают возможность практически каждому, как было сказано выше, общаться с любыми аудиториями (естественно, в рамках «активной» группы). Это привело к тому, что сегодня, с одной стороны, задача унификации пропаганды становится практически неразрешимой, а с другой – потенциальное число источников пропаганды практически ничем не ограничивается.

Однако в то же время такое многообразие и дешевизна в производстве самой разнообразной информации позволяют воздействовать на небольшие группы людей, подстраиваясь под их особенности, и скрывать в огромном массиве информации собственно пропагандистские сообщения.

Таким образом, мы можем говорить о том, что изменения, которые несет с собой информационное общество, не только усложняют процесс осуществления пропаганды, но и создают новые возможности для повышения ее эффективности.

¹ *Аверин О. П.* Информация и искажение социальной реальности // Тезисы выступлений на Международной конференции «Построение стратегического сообщества через образование и науку». 25–27 июня 2001 г. М., 2001.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. А. Савчук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время проблема качества образования прочно заняла свое место в социальных исследованиях. Данный вопрос рассматривается и в социологии, и в психологии, и в маркетинге, и с точки зрения менеджмента. Возведение образования в статус одного из национальных проектов существенно усилило популярность данной темы исследований.

Толчок к активным исследованиям в этом направлении дал Болонский процесс, поставивший перед отечественной системой образования ряд практических вопросов, которые необходимо решить для успешной интеграции в общеевропейские образовательные процессы. Положения Болонской декларации предполагают необходимость проведения преобразований в национальных системах высшего образования до 2010 года, без которых нельзя будет говорить о совместимости образовательных систем. Большинство этих преобразований в конечном счете направлены на совершенствование качества образования и достижение единых стандартов в этой сфере.

Появление Болонской декларации спровоцировало волну интереса к проблемам качества образования у российских ученых¹. В соответствии с программными документами ЮНЕСКО, качество образования рассматривается в данных исследованиях как системный подход к оценке эффективности выполнения вузом всех основных функций и видов деятельности. «Концепция модернизации системы российского образования на период до 2010 года», принятая Правительством РФ в конце 2001 года и сосредоточенная на структурно-организационных и содержательных инновациях и реорганизации механизмов финансирования, также придала определенное направление научным исследованиям в сфере качества образования.

Видимо поэтому вопрос качества образования чаще всего рассматривается как внутренняя проблема системы образования, в контексте технологий управления качеством образования² или в лучшем случае связывается с потребностями рынка труда, в свете которых качество образования – это необходимый ответ системы образования на запросы работодателей³. В большинстве исследований такого рода проблема качества образования концентрируется вокруг трех составляющих: качество персонала, качество подготовки студентов, качество инфраструктуры высшего учебного заведения. (Конечно, нужно отметить, что есть еще отдельные культурологические работы, рассматривающие качество образования с точки зрения личности, в плане способности полученного образования содействовать реализации ценностных ориентаций личности, но такой подход встречается достаточно редко⁴.)

В большей части концепций предполагается, что принципиальных, качественных изменений в образовании можно добиться, используя особые технологические приемы (например, тестовую систему оценки знаний студентов) и применяя маркетинговый подход к организации процесса обучения (например, регулярно изучая удовлетворенность студентов процессом обучения и корректируя учебный процесс в соответствии с полученными данными). При этом очевидно, что такого рода меры пока не эффективны. По крайней мере на уровне регионального образования. Для того чтобы проанализировать, в чем причина недостаточной объяснительности и прогностичности данных подходов, хотелось бы предложить более широкий контекст социокультурного подхода к изучению вопроса качества образования.

В научной литературе, посвященной такой отрасли социологического знания, как социология образования, подчеркивается тесная связь сферы образования с другими сферами социальной жизни⁵. Кроме того, рассматривается зависимость образования от социальных процессов в политике, экономике, духовной жизни общества, которые оказывают серьезное влияние на внутреннее состояние системы образования. Уделяется внимание и определенной инертности системы образования по сравнению с другими общественными структурами: изменения в данной области происходят значительно позднее, чем в экономической или политической жизни общества, даже при одновременном воздействии одних и тех же факторов на все сферы социальной жизни.

Еще раз можно вспомнить, что и само изучение вопроса качества образования было спровоцировано включением России в общеевропейские интеграционные процессы. В этом контексте Болонский процесс – еще одно направление формирования европейского социокультурного пространства, в рамках которого единое образовательное пространство рассматривается как один из механизмов создания общеевропейской идентичности.

Шансы возникновения европейской нации современные исследователи видят в демократии, в культурных традициях, в совместной региональной идентификации. Региональные подсистемы глобального мира объединяют общества, близкие культурно, связанные тесными политическими и экономическими кон-

тактами. Региональная подсистема в этом контексте понимается как система семантически близких культур, складывающаяся в результате их длительного взаимодействия.

Существуют две точки зрения на феномен «европейской идентичности». Первая (ее автор Н. Вилтердинк) состоит в том, что европейское самосознание вытеснит самосознание национальное. Процесс формирования «евронационализма» будет протекать аналогично процессам формирования различных «национализмов» XIX столетия: оба «национализма» – это мысленные конструкции определенных политических областей, созданные при помощи целенаправленной «селекции» истории⁶.

Вторая точка зрения определяет суть «европейской идентичности» как осознание совместной принадлежности к Европе, в том, что это «один из пластов индивидуального и коллективного опыта, располагающийся между уровнями групповой, государственной и национальной идентичности, с одной стороны, и сознанием принадлежности к мировому сообществу – с другой»⁷. Человеческая идентичность складывается из нескольких уровней, среди которых осознание себя европейцем занимает промежуточное место между осознанием себя гражданином какого-либо государства (чаще всего национального) и человеком мирового сообщества. Это соответствует процессу формирования мирового пространства, создающегося из разных регионов, которые в свою очередь формируются локально. Причем феномен «европейской идентичности» разворачивается не только в пространстве, но и во времени. В отношении прошлого – это понимание общности происхождения. В настоящем – процесс современной самолокализации европейцев. В будущем – представление об общих целях. Начало формирования этого феномена – это осознание себя как единой цивилизации, которое происходит благодаря обращению к истории и культуре континента, к христианской религии.

Нетрудно определить, что при любой из двух точек зрения образовательным процессам отводится важная роль. В ходе получения образования молодые европейцы приобретут тот набор знаний и стереотипов (культурных, исторических, политических, экономических и т. п.), который станет базой их социальной идентификации.

Кроме того, образовательный процесс как один из инструментов европейской интеграции создает модульный тип человека (термин Э. Геллнера)⁸. Такой человек является одновременно индивидуалистом и эгалитаристом, поэтому способен постоянно встраиваться в эффективные институты и ассоциации, а также покидать их, всегда готов к переменам и т. д. В этом смысле модульный человек является «открытым индивидом», то есть способным к взаимодействию (в форме различных объединений, союзов, институтов и т. п.) с другими людьми. Модульный человек – это продукт стандартной культуры, то есть культурной однородности общества.

Стандартизированная культура возникает в процессе получения национальным государством монополии на присвоение образовательной квалификации. Это

приводит к тому, что территориальные и социальные границы, внутри которых действует конкретная культура, являются одновременно границами поля действия и взаимозаменяемости модульных индивидов, получивших образование в этой культуре. Цель стандартизированной культуры – максимально коммуникабельный человек. Единые стандарты позволяют ему жить не в «узком контексте своей деревни», а легко ориентироваться в окружающем мире, без труда приспособиться к переменам. Главную роль в формировании такого человека, в стандартизации его знаний и навыков играет образование⁹.

По мнению Э. Геллнера, модульный человек – это феномен только гражданского общества. Если обычный человек принадлежит к определенной культуре и служит носителем ее установок и ценностей, то он не сможет эффективно взаимодействовать с другими людьми, сформированными в другой культуре, не сможет легко включаться по своему желанию в тот или иной социум. Обычный человек рассматривает другого прежде всего с точки зрения принадлежности к какой-либо культуре. Модульный же человек нацелен на эффективность взаимодействия. Он легко приспособливается к своему быстро меняющемуся обществу, умея включаться в эффективные, гибкие, специализированные и инструментальные связи социума.

Эта его способность к адаптации распространяется даже на потенциал приспособления к другой культуре. Но для легкого включения в другую культуру та должна быть близка его собственной. Стабильный социальный строй предполагает наличие в обществе единой, унифицированной культуры. В наше время это достигается образованием. Поэтому европейские общества характеризуются культурной однородностью. Следствие – адресатом массовой коммуникации является «человек как стандартный представитель кодифицированной культуры». А это в свою очередь ведет к тому, что легче общаться представителям культур с близкими кодами. Примером может служить единое европейское пространство, которое уже стало реальностью в рамках единой Европы. И в ускорении процессов интеграции, как и в их закреплении, образование играет ведущую роль.

Таким образом, спектр вопросов, связанных с качеством образования, возник не внутри системы образования, а под воздействием процессов социокультурного взаимодействия России и европейских стран. Соответственно и рассматривать проблему качества образования (как повысить качество российского образования или хотя бы остановить снижение качества) нужно в социокультурном контексте, а не замыкаясь на вопросах совершенствования системы управления образовательным процессом и соответствия знаний и навыков выпускников запросам рынка труда.

В экономически развитых странах Запада, в том числе европейских, полученное образование определяет всю последующую жизнь человека: карьеру, уровень жизни, принадлежность к определенной социальной группе, занимающей более или менее высокое место в социальной структуре общества, престиж. Образование является одной из важных ценностей выходцев из семей среднего класса, как правило ориентированных на карьеру. К образованию относятся как к значимой

сфере общественной жизни. Вложения в образование рассматриваются не как затраты, а как инвестиции. Конечно, у западной системы образования тоже имеется ряд собственных проблем, которые решаются и с помощью реформирования, и, в отдельных случаях, с помощью более радикальных мер. Но хотелось бы обратить внимание на общую ценность сферы образования и для общества, и для отдельного индивида. Это нужно для того, чтобы мы могли сравнить обрисованный социокультурный контекст с российской ситуацией.

Вопросы, связанные с качеством образования, ставятся прежде всего в отношении высшего профессионального образования. Но молодые люди приходят в вузы уже с определенным отношением к образованию, сформированным раньше. Поэтому, рассматривая устойчивые тенденции последних лет, нужно обратиться и к допрофессиональному образованию.

Отношение в обществе к образованию тесно связано с отношением к людям, работающим в этой сфере: учителям, преподавателям. Большинство екатеринбуржцев (47,96%) считают, что в современной России быть учителем не почетно и не престижно; 42,99% придерживаются противоположного мнения; затруднились с ответом 9,05%¹⁰. Важно, что среди молодых людей до 25 лет (многие из них имеют высшее и незаконченное высшее образование) пренебрежительное отношение к профессии учителя усиливается. Причины такого отношения в принципе очевидны: 36,43% считают, что учителям мало платят; 15,16% указывают на неуважительное отношение со стороны учеников; 4,75% предполагают, что учителей не ценят, и связывают это с низким статусом учителя в современном российском обществе. Также попадаются единичные высказывания о том, что преподавание – это тяжелая, бесперспективная работа, что свою роль играет неправильная позиция государства по отношению к образованию и т. п.

На невысокое положение учителей и преподавателей в социальной структуре общества указывалось уже давно: такая ситуация выяснилась еще в ходе исследований 1998–2000 годов, проведенных Центром социологических исследований Министерства образования РФ¹¹. Закрепление этой ситуации отражено в социологическом исследовании «Стратификация российского общества» Института общественного проектирования и компании «РОМИР Мониторинг». Россияне, работающие в сфере образования, разделены на две группы: первая относится к нижнему сегменту среднего класса (наряду с квалифицированными рабочими); вторая (меньшая по численности) – к «зоне бедности». Первая группа, которой повезло больше, характеризуется проживанием в крупных городах, занятостью не только в государственной, но и в коммерческой сфере, возможностью работать в нескольких местах¹².

Таким образом, тенденция утраты образованием как сферой деятельности общественного признания в России, которая наметилась в 1990-х годах, к середине первого десятилетия XXI века не только сказалась на социальной структуре общества, но и серьезно повлияла на общественное мнение.

Поэтому не удивительно, что, подходя к выбору высшего профессионального образования, молодые россияне, по сравнению с европейцами, демонстри-

руют достаточно специфические ориентации. Все больше студентов, получающих высшее образование, не собираются работать по получаемой профессии, а рассматривают получение высшего образования как возможность занять определенное социальное положение. Социально-статусная мотивация профессионального образования составляет существенную долю, а для некоторых специальностей и вузов становится преобладающей¹³. Это в свою очередь влияет на отношение к учебному процессу: снижает мотивацию к получению профессиональных знаний и навыков.

Также на учебный процесс влияет еще одна тенденция последних десяти лет: около 30% студентов вузов дневной формы обучения имеют постоянную работу¹⁴. Можно обсуждать разные причины этого явления, от увеличения доли платного образования в вузах до необходимости для студента иметь место работы к окончанию вуза, так как это способствует успешному трудоустройству, но несомненно одно – такая ситуация сказывается на качестве образования не лучшим образом, так как студент не имеет возможности посещать лекции и практические занятия, полноценно готовиться к семинарам. Еще одна интересная тенденция, выявленная в данных исследованиях: чем чаще студенты используют Интернет для подготовки к занятиям, тем ниже для них ценность образования. Можно предположить, что как только студенты приобщаются к использованию интернет-ресурсов (другими словами, частично или целиком скачивают рефераты и курсовые работы), им становится очевидным несовершенство системы контроля этого вида учебной деятельности.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на ситуацию, складывающуюся вокруг новых вузовских специальностей: реклама, связи с общественностью, маркетинг и т. п. В силу того, что данные специальности развиваются в вузах не так давно, у них есть ряд внутренних проблем: отсутствие собственных фундаментальных теоретических разработок (основной теоретический материал заимствуется из западных учебников); обилие опытных данных, которые далеко не всегда выводятся на уровень теории; слабые связи с академическими гуманитарными дисциплинами (философией, социологией, культурологией). Впрочем, все указанные трудности вполне преодолимы. При соответствующем подходе развитие данных дисциплин в вузах – это только вопрос времени. В контексте рассматриваемого вопроса важен совсем другой момент: скептическое отношение со стороны значительной части бизнес-сообщества к способности российского вузовского образования вывести эти отрасли деятельности на качественно иной уровень. Это скептическое отношение оказывает влияние на общественное мнение, в том числе затрагивает студентов, провоцируя их вместо систематического и полноценного обучения приобретать знания «опытным» путем, в ходе работы, а к получению диплома относиться формально. Такой настрой бизнес-сообщества также оказывает негативное влияние на образовательный процесс.

Подводя вышесказанному итог, важно отметить, что вопрос качества образования ставится не только из внутренних потребностей сферы образования, но и под влиянием социокультурных процессов, затрагивающих взаимодействие

России и Европы. Соответственно, для обеспечения высокого качества образования недостаточно только управленческих мер внутри системы образования, в том числе и маркетингового характера. Качество российского (в первую очередь регионального) образования сможет оказаться на одном уровне с европейским только при условии изменения социокультурного контекста, то есть при условии изменения в обществе отношения к образованию как сфере деятельности, к людям, профессионально работающим в этой сфере, к месту образования в системе общественных и индивидуальных ценностей.

¹ См., напр.: *Сенашенко В., Ткач Г.* Болонский процесс и качество образования // *Alma Mater. Вестник высшей школы.* 2003. № 8.

² См., напр.: *Соболев В. С., Степанов С. А.* Концепция, модель и критерии эффективности внутривузовской системы управления качеством высшего профессионального образования // *Университетское управление: практика и анализ.* 2004. № 2; *Ромашкина Г. Ф.* Оценка качества образования: опыт эмпирического исследования // *Университетское управление: практика и анализ.* 2005. № 5; *Захаров Ю. А., Москинов В. А.* Основные пути повышения качества высшего образования // *Университетское управление: практика и анализ.* 2005. № 1; и др.

³ См., напр.: *Кельчевская Н. Р., Романова Л. А.* Интеграция высшей школы и промышленности как основа формирования человеческого капитала // *Университетское управление: практика и анализ.* 2004. № 3; и др.

⁴ *Мухамеджанова Н. М.* Качество образования как фактор национальной безопасности: культурологический аспект // *ОНС.* 2004. № 4.

⁵ См., напр.: *Зборовский Г. Е.* Социология образования. Ч. 1. Екатеринбург, 1993; *Нечаев В. Я.* Социология образования. М., 1992; *Собкин В. С., Емельянов Г. А.* Социология образования. Т. 1. М., 1993; *Социология: проблемы духовной жизни.* Челябинск, 1992; и др.

⁶ *Macht und Ohnmacht in neuen Europa: zur Aktualitat der Soziologie von Norbert Elias.* Wien, 1993. S. 17.

⁷ *Фадеева Т. М.* «Европейская цивилизация» и «европейская идентичность»: анализ проблемы // *Историко-культурные основы европейской цивилизации.* М., 1992. С. 13.

⁸ *Геллнер Э.* Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.

⁹ Там же. С. 114–116.

¹⁰ Исследование было проведено в сентябре 2006 г. Центром социальных коммуникаций факультета связей с общественностью и рекламы УрГУ.

¹¹ *Шереги Ф. Э.* Социология образования: прикладные исследования. М., 2001.

¹² *Гурова Т., Тарусин М.* Реальная Россия // *Эксперт.* 2005. № 19.

¹³ См., напр.: *Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т.* Студент 90-х – социокультурная динамика // *Социологические исследования.* 2000. № 12; *Ковалева Т. В., Селезнев И. А.* Этнополитическое сознание студенчества в первой половине 90-х годов // *Социологические исследования.* 2000. № 4; *Чередищенко Г. А.* Личные планы выпускников средних учебных заведений // *Социологические исследования.* 2001. № 12; *Шереги Ф. Э.* Указ. соч.; *Щепкина Е.* Студент в России и Америке: социологический портрет // *Высшее образование в России.* 2002. № 2; и др.

¹⁴ Данная тенденция фиксируется в ряде бакалаврских и дипломных исследований, защищенных на кафедре прикладной социологии факультета политологии и социологии УрГУ. Напр.: *Овсянникова Е. А.* Роль новых информационных технологий в образовании студентов г. Екатеринбурга. 2007; *Бурдукова Е. В.* Мотивация студентов к вторичной занятости. 2006; *Дьячкова Н. В.* Высшее образование в системе ценностей студентов. 2006; и др.

Л. Н. Буйлова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Актуальность социологического изучения дополнительного образования детей вызвана тем, что в условиях ускорения темпов общественных изменений появляются принципиально новые требования к обучению и воспитанию нового поколения. Еще сравнительно недавно главной задачей социализации детей и подростков было обеспечение успешного овладения ими культурой, которая была создана за многие тысячелетия существования человечества. Речь шла, конечно, не о воспроизводстве всех представлений, знаний, норм, правил, которые вырабатывались на протяжении многих веков. Требовалось воспроизвести актуальную для данного времени культуру материальной и духовной деятельности человека. Так как темпы социальных преобразований были незначительны, то из поколения в поколение воспроизводились устойчивые знания о природе, общественных отношениях, методах использования орудий труда. Родители, учителя требовали от детей полного усвоения тех ценностей, которыми руководствовались деды и прадеды.

Воспитание строилось на воспроизводстве давно выработанных человечеством, конкретным этносом норм и правил взаимодействия с природным и искусственно созданным людьми миром. Такая система воспитания не требовала учета индивидуальных особенностей детей, не ориентировала их на приобретение навыков самостоятельного развития на основе имеющихся базовых знаний и навыков. Господствовало представление о необходимости, как отмечал поэт, «жить законами, данными Адамом и Евой». Всякие нововведения вызывали опасение, страх перед неизвестным и внедрялись медленно.

Только с середины XIX века началась модернизация технических устройств на основе использования электрической энергии, новых двигателей. К взрослым людям, занятым на производстве, стали предъявляться новые требования. Тогда впервые возникла необходимость дополнительного образования. Оно было направлено на формирование у взрослых людей тех знаний и умений, которые позволяли им освоить методы работы на новых машинах, механизмах, применяемых не только на заводах, но и в быту. Дополнительное образование компенсировало то, что человек позапрошлого века не получил во время первичной социализации. Шло обучение грамотному письму, чтению чертежей, пониманию основных законов механики, действия электрических устройств и т. п.

Социологический аспект этого образования заключался прежде всего в изучении новых потребностей социума. Взаимодействие индивидов с обществом происходит на основе противоречивого сочетания групповых и личных интересов. Общности не могут меняться, если в этот процесс не будут включены конкретные

индивиды. Социум стремится различными способами побудить личность к тем преобразованиям сознания и поведения, которые обеспечат совершенствование жизни большой массы людей. Возникает особое социальное взаимодействие между отдельными индивидами и обществом. Оно заключается в формировании системы стимулов и мотивов изменений трудовой, бытовой деятельности конкретных личностей.

Каждый человек может по-своему относиться к предъявляемым к нему новым требованиям. Выделяется три основных варианта поведения. Один из них заключается в наличии у индивида готовности принять необходимость приобрести новые знания, умения. В этом случае не возникает конфликта между обществом и личностью. Другой вариант взаимодействия характеризуется тем, что индивид не готов активно включиться в процесс изменения привычных форм поведения. Социуму приходится экономическими и иными методами заставлять овладевать другими методами работы. Конфликт существует, но он постепенно разрешается в результате преодоления личностью собственной ограниченности. Третий вариант социального взаимодействия выражается в активном сопротивлении каким-либо инновациям со стороны определенной части работников. Конфликт проявляется в виде протестов, отказа от переобучения, попытки найти другое место самореализации.

Во второй половине XIX века наиболее развитые в экономическом плане страны впервые в истории столкнулись с необходимостью заниматься переобучением большой массы взрослых, которые не были ориентированы на включение в образовательный процесс. Эти люди привыкли работать на основе давно установившихся привычек. У них был выработан тот автоматизм, который обеспечивает успешное выполнение производственных обязанностей.

Появление новой техники ставит работника в ситуацию неполного соответствия предъявляемым к нему требованиям. В связи с этим требуется социологическими методами изучить степень готовности личности к отказу от устойчивых форм поведения и приобретению новых знаний и умений. Уровень ориентаций на овладение ими определяет эффективность работы системы дополнительного образования взрослых. Важно исследовать степень собственной учебной активности человека, которому нужно переучиваться. С одной стороны, сама жизненная ситуация заставляет его учиться, независимо от собственной воли. С другой стороны, своей заинтересованностью в новых знаниях он определяет качество обучения. Возникает такой аспект социологического изучения дополнительного образования, как выявление содержания потребностей и интересов взрослых людей в развитии себя как работников.

В начале XX века общество осознало необходимость обучения всех детей в школе. В противном случае они не могли, став взрослыми, приобрести сложные по содержанию профессиональные знания. Было сформировано представление об определенном минимуме знаний по естественно-научным и гуманитарным дисциплинам, получение которых школьниками создает основу для приобретения в дальнейшем профессиональной подготовки. На содержание школьного

образования огромное влияние оказал опыт становления школы в XVIII–XIX веках. Тогда сложилось представление о том, что все дети должны получить совокупность определенных знаний по математике, истории, литературе, родному и иностранному языкам, географии. Содержание школьного материала базировалось на тех достижениях науки, которые существовали в то время и позволяли выпускнику школы в дальнейшем учиться в любом учреждении, дающем профессиональную подготовку.

Практика массового обучения в школе выявила существенные противоречия в содержании и методах работы с детьми, разрешение которых привело к созданию особой системы дополнительного образования подрастающего поколения. Во-первых, у большого количества детей, особенно живших в городах, появилось свободное время после уроков, которое очень часто не было заполнено какой-либо содержательной деятельностью. Раньше дети с раннего возраста участвовали в различных формах домашнего труда, помогали родителям вести хозяйство, сводного времени у них практически не было. Формирование городского образа жизни привело к появлению как у взрослых, так и у детей определенного объема времени, который нужно было чем-то заполнить. Дети, подростки, не занятые содержательным досугом, нередко включались в различные формы асоциальных действий. Возникло противоречие между потребностью общества в приобщении подрастающего поколения к нравственной, эстетической культуре и возможностями решения этой задачи. Семья уже не могла в полной мере осуществить целостное воспитание. Возникла необходимость в создании общественных форм включения детей в те виды занятий, которые обеспечивали освоение ими основных требований общества.

Во-вторых, обнаружилось противоречие между содержанием школьного образования и требованиями профессиональных образовательных учреждений, а также различных предприятий к молодым людям, которые осознанно выбирают соответствующую им специальность. Школьное образование не решало задач выявления и развития склонностей ребенка к конкретному виду трудовой деятельности. Выпускник школы имел основные представления о свойствах неживой и живой природы, знал основные законы физических и химических процессов, был информирован об истории своей страны, мира, но практически не знал самого себя.

Даже полное среднее образование не формировало навыков познания природных задатков к определенным типам трудовой деятельности. После окончания школы подавляющее большинство молодых людей не могли обоснованно выбрать определенную профессию. Поступление в учебное заведение часто определялось модой на какую-то профессию, установками родителей, друзей, а не знанием своих возможностей. Система дополнительного образования в форме кружков, студий, секций должна была не только обеспечить отвлечение подростков от асоциальных форм самоутверждения, но и помочь определить ту деятельность, к которой у них имелась природная предрасположенность.

В начале XX века в крупных городах России стали появляться образовательные учреждения, которые предлагали детям заниматься изобразительным искус-

ством, пением, художественной самодеятельностью, различными видами спорта. Особенно активно стали развиваться эти учреждения после революции, когда была поставлена задача охватить всех детей различными формами обучения.

Следует отметить, что при этом решалась задача не только раскрытия индивидуальных задатков подростков, но и обязательного усвоения ими требований коммунистического воспитания. Идеологическая направленность образования проявлялась не только в школе, но и в системе внешкольных учреждений. Это выражалось в тех целях и задачах, которые ставились перед детьми, занимающимися в кружках эстетического, технического или спортивного профиля. Своим творчеством они должны были доказывать преимущество новой социальной системы над буржуазной.

Возникновение комсомольской и пионерской организаций позволило внедрить элементы самоуправления в систему как школьного, так и дополнительного образования. Были открыты специальные учреждения – дома пионеров, в которых школьники до 14–15 лет могли заниматься в различных кружках и секциях. Их количество было незначительно. Однако велась работа по раскрытию задатков определенной части учащейся молодежи к основным видам художественного творчества, спорту.

Возникла особая система взаимодействия социума с подрастающим поколением. Общество в условиях усложнения различных видов производств перешло к системе всеобщего обучения детей. В то же время ограниченность целей, задач, содержания массового школьного образования не позволяла учесть индивидуальные особенности того или иного ребенка. Человек, занятый делом, к которому у него отсутствовала склонность, не мог достигнуть высот профессионализма.

В первой половине XX века требования, предъявляемые машинным производством, были еще не настолько сложны, так что их мог освоить почти любой человек, имевший общее образование. Потребности общества в рабочих, техниках, инженерах определяли профессиональный выбор выпускников школ. Они не всегда задумывались о том, насколько труд, которым они будут заниматься в течение всей жизни, соответствует их задаткам. Нередко человек стихийно выбирал то, что действительно помогало раскрыть его природный потенциал.

С социологических позиций изучение начального этапа становления дополнительного образования детей заключается, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, требуется выяснить особенности становления у социума потребности в том образовании, которое традиционная школа дать не может. Какие ограничения, существующие в ней, не позволяют реализовать цели и задачи подготовки к самостоятельной трудовой жизни человека с учетом его индивидуальных особенностей?

Следует отметить, что отечественные социологи в первой половине XX века не изучали данную проблему. Шел стихийный поиск способов преодоления ограниченности системы общего образования. Жизнь показывала, что школа не может заниматься выявлением и развитием индивидуальных задатков и полностью обеспечить формирование установок подростков на рациональное использование

свободного времени. Урочная форма организации учебы, когда в классе присутствует 30 и более человек, вообще лишает учителя возможности учитывать природные особенности конкретного ребенка, выявлять его склонности к определенным видам профессий. Действует усредненный подход к личности. Он выражается как в содержании образования, так и в способах оценки его результативности. Все учащиеся должны освоить образовательную программу на определенном уровне.

Исторический опыт показывает, что нередко талантливые люди, обладая уникальными способностями в одной сфере, в других демонстрируют весьма ограниченные способности. Общество, понимая недостатки школьного образования, пошло на создание дополнительного образования. Оно предполагает, во-первых, работу с небольшой группой детей. Это позволяет полнее учитывать индивидуальные особенности каждого обучающегося. Во-вторых, отсутствует обязательность посещения учреждений дополнительного образования. Ребенок или его родители имеют право выбрать тот кружок, секцию, которые им нравятся. В-третьих, главной задачей педагога учреждения дополнительного образования является максимальное развитие природных задатков его учеников. На различных выставках, конкурсах, соревнованиях обучающиеся должны показать результаты как собственного труда, так и усилий педагогов.

В связи с этим возникает необходимость социологического исследования особенностей возникновения и реализации потребности в дополнительном образовании детей, их родителей, а также тех специалистов, которые работают в соответствующих учреждениях.

Дополнительное образование подрастающего поколения создает новую ситуацию в социальном взаимодействии социума с подрастающим поколением. Впервые в истории общество создает хотя бы минимальные возможности для раскрытия и реализации индивидуальных задатков и способностей у части детей. Простой ручной труд на земле предъявляет одинаковые требования к работникам. Отсутствует необходимость учета их индивидуальных задатков. Постоянно усложняющийся, дифференцирующийся по содержанию и требованиям к работникам труд на машинном производстве побуждает к более раннему выявлению задатков индивидов к конкретным видам профессиональной деятельности.

Подрастающее поколение откликается на эту социальную потребность путем проявления индивидуального интереса к занятиям в кружках, студиях, секциях, существующих по месту жительства. Следует подчеркнуть, что набор образовательных услуг, предоставляемых учреждениями дополнительного образования не только в первой половине XX века, но и в настоящее время, не определяется изучением потребностей в них у детей разного возраста. Общество предлагает то, что оно может финансировать.

Еще на начальном этапе становления содержания дополнительного образования детей сложилась определенная традиция, связанная с опытом развития детей из состоятельных семей. В течение многих веков формировалось представление о том, что ребенка надо научить играть на каком-либо инструменте, танцевать, заниматься физическими упражнениями, укрепляющими его силу. Других умений

до повсеместного распространения машин и механизмов от человека не требовалось. Поэтому в учреждениях дополнительного образования детям предлагалось заниматься в спортивных секциях, учиться играть на музыкальных инструментах, петь, рисовать. Никто не задумывался о том, насколько этот набор кружков позволяет раскрыть задатки и способности подавляющего большинства детей разного возраста.

Склонность к разным видам искусства имеют немногие. В спортивных секциях могут заниматься практически все дети, однако при этом решается та задача, которую по силам осуществить и в школе. Ребенок занимается не выявлением и развитием своих особых задатков к конкретным видам спорта, а укреплением физического здоровья. В этом смысле спортивная секция действительно выполняет функцию дополнения физических занятий в школе. Увеличивается общий объем активных физических занятий, осуществляемых под руководством специалистов. Этим объясняется тот факт, что из общего числа детей, занимающихся в спортивных секциях, только единицы становятся выдающимися спортсменами. Возникает вопрос: что же препятствует школе стать основным местом укрепления физического здоровья подрастающего поколения? Каков смысл занятий физической культурой, если они не обеспечивают, как показывает практика, реального укрепления здоровья подрастающего поколения?

Причина существования дополнительного образования в сфере укрепления здоровья заключается в том, что она призвана реализовать собственные потребности детей в активной физической деятельности. Школа обязывает каждого ходить на уроки физкультуры, а спортивная секция предоставляет на выбор те виды занятий, которые нравятся ребенку.

Вся система дополнительного образования строится на развитии тех задатков, которые имеются у детей разного возраста. Добровольность занятий является существенным преимуществом этой системы над обязательным школьным образованием. Поэтому кружки и секции должны учитывать многообразие природных склонностей детей, создавая возможности для раскрытия внутреннего потенциала личности. Человек постепенно под руководством специалиста развивает то, что может стать в будущем основой его эффективной профессиональной деятельности.

На сегодняшний день настоящим профессионалом можно стать только при условии совпадения содержания труда с природными склонностями человека. Тогда возможна высокая активность в самообразовании, самореализации, самоутверждении. Поэтому роль системы дополнительного образования в подготовке подрастающего поколения к взрослой жизни существенно возрастает. Она призвана решить важнейшую социальную проблему, связанную с выявлением и развитием тех задатков и способностей детей, которые обеспечат их устойчивое саморазвитие во взрослой жизни.

Возникло новое социальное взаимодействие, обеспечивающее общественный прогресс. Современное общество развивается на основе массового включения в различные виды производства людей на основе раскрытия их задатков

и способностей. Социум вышел на взаимодействие с индивидуальными особенностями личности. До последнего времени это взаимодействие осуществлялось на основе выделения и формирования общего содержания деятельности всех индивидов. Каждый человек должен был в первую очередь освоить единые для всех нормы и правила. Особенным являлось то, что объединяло людей в определенную социальную группу в зависимости от социального положения, места жительства и т. п.

В настоящее время социум заинтересован не только в том, чтобы каждый ребенок освоил в процессе социализации общие для всех нормы и правила. Развитие трудовых ассоциаций, населения регионов, стран зависит от того, насколько успешно выявляются и реализуются индивидуальные способности конкретной личности. Впервые в истории общество прямо заинтересовано в целостном развитии подрастающего поколения. Каждый его представитель должен получить возможность найти в себе то ценное, что обеспечит решение актуальных социальных проблем.

Те, кто работают, не имея склонности к тому, чем они занимаются, невольно тормозят процесс внедрения новых технологий, более совершенных технических устройств. У этих людей отсутствует внутренняя необходимость в постоянном совершенствовании своей профессиональной деятельности. Поэтому для социума необходимо организовать новое по содержанию всеобщее дополнительное образование, которое бы охватывало большинство детей разного возраста. Оно отличается от прежнего тем, что предлагает не только возможность выявить склонности к отдельным видам художественного творчества или занятиям спортом. Создается широкий спектр возможностей для самореализации каждого ребенка. На основе полученных знаний и умений дети станут осознанно выбирать профиль обучения в старших классах школы, а затем наиболее подходящую профессию.

Возникает новая ситуация с социологическим изучением проблем дополнительного образования детей. Во-первых, актуальной задачей является организация изучения особенностей становления и развития задатков и способностей ребенка. В настоящее время преобладает психологический подход при выявлении склонностей отдельных детей. На наш взгляд, необходимо с позиций социальной антропологии исследовать процесс постепенного раскрытия природного потенциала личности под влиянием определенных воздействий культуры. Социальная антропология в настоящее время становится составной частью комплексных социологических исследований. Она позволяет уточнить роль природного фактора в формировании культуры личности, изучить взаимосвязь заложенных от рождения программ действий с теми, которые утверждаются в процессе овладения нормами и правилами социальной жизни.

Во-вторых, социология может исследовать систему детерминации процесса самореализации личности на различных этапах первичной социализации. Определяется роль семьи, дошкольных учреждений, школы в выявлении и развитии индивидуальности ребенка. Сложной задачей является раннее выявление интересов детей к определенным видам взаимодействия с природными и искусственными системами. Нужно создавать уже для детей 4–5 лет возможность исследовать

свои склонности к доступным видам деятельности. Социология позволяет организовать мониторинг процесса постепенного раскрытия способностей индивида к определенным видам занятий. Создается паспорт развития индивидуальности личности, позволяющий организовать целенаправленную работу по раскрытию ее внутреннего потенциала. Она осуществляется как родителями, так и педагогами основного и дополнительного образования.

В-третьих, социологическими методами изучается процесс изменения ориентаций, установок ребенка на познание и активную деятельность по развитию своих задатков. На основе полученной информации осуществляется формирование навыков самоопределения в сфере досуга. Ребенок учится планировать процесс выявления и развития своих способностей, выбирать эффективные способы их более полного раскрытия, концентрировать волю, терпение для преодоления различных трудностей.

Самой актуальной проблемой современного общества становится создание необходимых материальных, финансовых, кадровых условий для раскрытия способностей детей независимо от их места жительства, социального положения их родителей. Социологический анализ позволяет определить степень готовности социума к созданию новой системы дополнительного образования детей.

Проведенные нами исследования позволили выявить ряд противоречий в мнениях и оценках тех людей, которые работают в учреждениях дополнительного образования. Более 80% признают необходимость существенных изменений в системе дополнительного образования; 77% считают, что должна быть в первую очередь увеличена зарплата руководителей кружков секций; 95% полагают, что материальное обеспечение работы различных студий, секций крайне низкое. Отсутствует то оборудование, которое требуется для полноценной работы с детьми.

Из числа опрошенных 65% считают, что нужно возродить систему кружков технического профиля. В ходе утверждения рыночной экономики даже в крупных городах почти исчезли станции технического творчества. Причина заключается в отсутствии финансов для оснащения соответствующих учреждений необходимыми машинами, станками, оборудованием. Поэтому дети, как отмечают 43% респондентов, в лучшем случае занимаются конструированием технических устройств с помощью компьютерных программ. Это ведет к тому, что возникают самые большие трудности с развитием тех детей, которые имеют склонности к работе с техникой.

Исследование показало, что 45% опрошенных не видят существенных изменений целей и задач системы дополнительного образования. Для 53% главным в работе является общее развитие ребенка, его отвлечение от асоциальных форм самоутверждения. Только 37% заявляют о том, что необходимо в первую очередь выявлять и развивать индивидуальные задатки каждого занимающегося в студии, секции. Основным результатом своей работы многие опрошенные считают выставки достижений учащихся, успешное их выступление на различных конкурсах, соревнованиях. Наблюдается ориентация на выявление самых способных детей в конкретном виде деятельности. С ними больше занимаются, ими гордятся.

Успехи других почти не интересуют руководителей кружков, секций. В их сознании еще не утвердилось представление о том, что нужно обеспечить развитие задатков и способностей каждого ребенка до такого уровня, чтобы он мог *самостоятельно* выбрать способы самоутверждения в профессиональной, досуговой и иных видах деятельности.

Актуальной задачей становится переориентация работы специалистов учреждений дополнительного образования на обеспечение условий для становления и развития навыков самопознания, самоопределения, самореализации, самоутверждения у каждого обучающегося. Ребенок может сменить несколько кружков, секций в ходе поиска того, что в наибольшей степени соответствует его природным склонностям. Занятия со специалистами должны обеспечить ему возможность глубже узнать себя, уточнить содержание природных задатков, сформировать те умения, которые требуются для обоснованного выбора будущей профессии.

Социологическое обеспечение процесса самопознания заключается в изучении изменений, происходящих в сознании и поведении детей, включенных в систему дополнительного образования. Полученная информация позволит скорректировать образовательные программы с целью повышения качества работы с обучающимися. Тем самым будет создана основа для постоянного совершенствования системы выявления и развития индивидуальности ребенка в процессе обучения в учреждениях дополнительного образования.

Н. А. Носырев

РАЗВИТИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Проблемы развития ядерной энергетики в последнее время находятся в центре внимания исполнительной и законодательной власти России. Так, депутаты Государственной думы Федерального собрания РФ на заседании 19 января 2007 года одобрили законопроект «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Законопроект был внесен в Госдуму президентом Владимиром Путиным 2 ноября 2006 года и направлен на формирование правовых основ проведения реструктуризации атомной отрасли, установление особенностей управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, а также введе-

ние права собственности российских юридических лиц на ядерные материалы, ядерные установки и пункты хранения ядерных материалов.

Россия начала активно выступать за упрочение позиций на мировом рынке ядерных технологий и услуг. Строительство АЭС за рубежом является одним из основных элементов российского экспорта высоких технологий. В Восточной и Центральной Европе растет интерес к развитию атомной энергетики, возобновляется замороженное в начале 1990-х годов строительство АЭС с российскими реакторами ВВЭР. В Болгарии российские организации в 2006 году выиграли тендер на достройку АЭС «Белене» общей мощностью 2000 МВт, в Словакии в стадии рассмотрения находится проект достройки двух блоков с ВВЭР на АЭС «Моховце». Другое перспективное направление для российской ядерной энергетики – азиатские страны. Реализация действующих в настоящее время контрактов по сооружению АЭС в Китае и Индии создает предпосылки для расширения присутствия России на рынках атомной энергетики этих стран.

Россия может претендовать на строительство 60–80 энергоблоков АЭС за рубежом к 2030 году. Для выхода на такие позиции в отрасли должен быть принят ряд стратегических решений. В частности, необходимо разделение ядерного оружейного и ядерного энергетического комплексов и создание на базе последнего рыночной структуры с сохранением в ней государственной собственности. Кроме того, необходимо создать механизмы для привлечения инвестиций в отрасль, оптимизировать структуры управления, создать условия для прозрачности государственных инвестиций, а также организационно-правовую основу для реструктуризации отрасли. Эти мероприятия могут позволить России к 2030 году занять 45% на мировом рынке услуг по обогащению урана и 20–25% на мировом рынке строительства атомных электростанций¹.

В настоящее время в мире эксплуатируется 435 энергоблоков АЭС, 25 реакторов находятся на стадии строительства. Однако к 2015 году их число может увеличиться до 544, а к 2030 году во всем мире будет эксплуатироваться как минимум 932 энергоблока АЭС. Потребуется огромное число новых специалистов для выполнения этого сценария.

Таким образом, анализ рассмотренных тенденций в области ядерной энергетики в ведущих странах мира позволяет сделать вывод, что наступает эпоха ядерного ренессанса. Прогнозируемые многими мировыми организациями и аналитиками рост населения планеты и укрепление устойчивого экономического развития потребуют уже к 2020 году увеличения в два раза мирового энергообеспечения по сравнению с сегодняшним уровнем, а к 2050 году эти потребности возрастут в три раза. В условиях истощения традиционных органических энергоресурсов и остро стоящих экологических проблем, позиции ядерной энергетики укрепляются после наблюдавшегося в 1990-е годы застоя в ее развитии. Общественное мнение начало меняться в сторону поддержки атомной энергетики. Это означает, что потребуется строительство нескольких сотен ядерных реакторов и соответствующее наращивание производства ядерного топлива, подготовки значительного числа новых кадров для атомной отрасли.

В то же время анализ документов МАГАТЭ и материалов Агентства по ядерной энергетике стран ОЭСР² позволяет выявить проблемы, противоречия, неопределенности в отношении подготовки кадров для атомной отрасли. Во многих странах мира, в том числе и в России, наблюдается старение трудовых ресурсов и сокращение числа молодых специалистов в атомной отрасли, уменьшение возможностей получения высшего образования в сфере ядерной техники в связи с закрытием ядерно-технических факультетов и исследовательских реакторов во многих университетах.

Анализ содержания федеральной целевой программы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса России на 2007–2010 годы и на перспективу до 2015 года» показывает, что ее выполнение может столкнуться с препятствием в виде дефицита инженерно-технических и научных кадров, без которых реализовать новую государственную программу невозможно. В Программе, как показано выше, есть практически все: отражены основные проблемы развития атомного энергопромышленного комплекса, включая добычу, производство и переработку ядерного топлива, строительство атомных станций с учетом необходимости восстановления атомного машиностроения, решение проблемы радиоактивных отходов. Определена также необходимость научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для реализации новой технологической платформы и. д. *Но во всей Программе ничего не говорится о проблеме кадров в ядерной отрасли.* Где найти инженерно-технические и научные кадры, способные реализовать новую государственную программу? Ответа на такой вопрос нет.

На интернет-конференции президента в конце 2006 года один из вопросов, крайне показательный, прозвучал так: «Как сочетаются заявления о развитии атомной отрасли с полной деградацией образования в этой сфере? Отсутствует распределение по специальности, аспирантура в загоне (из 15 выпускников 2005 года МИФИ по специальности „Ядерные энергетические установки“ ни один человек не распределился на работу по профилю – не было предложений от организации и НИИ). Стипендия аспиранта – 1600 рублей. И вы хотите возродить атомную отрасль? Кто в ней будет работать через пять лет?» Подобных вопросов было много; к сожалению, президент на них не ответил³.

Тенденции в сфере ядерного образования и обучения в разных странах неодинаковы и непосредственно зависят от общей ситуации в системе научно-технического образования. Восприятие мировым сообществом ядерных технологий, особенно после чернобыльской аварии, создало неблагоприятный фон, оказывающий влияние на тенденции в области образования. В ряде стран ядерно-технические факультеты как таковые в большинстве крупнейших университетов заменены факультетами с новыми названиями, в которых на первое место выдвинуты энергетика, естественные науки или изучение систем, а ядерный компонент помещен в рамки этих учебных планов. В результате возросло число студентов-выпускников различных специальностей в более широких областях исследований. Реструктуризация ядерной промышленности и широкое разнообразие возможностей получения работы в других отраслях серьезно усугубили проблемы, связанные

с привлечением лучших студентов для работы в ядерной сфере. Среди молодого поколения зачастую распространено мнение о том, что в ядерной промышленности отсутствуют перспективы для успешной карьеры в будущем.

В настоящее время многие российские молодые люди стремятся к такому будущему, которое характеризуется в первую очередь высоким материальным достатком. В сравнительно недавнем прошлом работа на предприятиях атомной промышленности обеспечивала всю совокупность представлений о желаемом будущем. Этим в значительной степени определялась потребность развития молодого человека. Она отражалась в сознании в виде цели, связанной с созданием возможностей для проживания в «закрытых» городах или получения распределения на те предприятия атомной энергетики и оборонные заводы, где была более высокая зарплата, перспектива быстрого получения жилья, различные льготы на дефицитные товары. Сейчас высокий материальный достаток часто уже не связывается с такой трудовой деятельностью, которая требует высокого образования, больших стараний и квалификации работника. Средства массовой информации, а также личный опыт учащейся молодежи показывают, что можно достичь высокого уровня материального благосостояния без высшего образования и приобретения зрелых профессиональных навыков – только благодаря сотрудничеству с криминальными структурами или наличию родственников и знакомых в крупном бизнесе.

Следовательно, потребность развития уже не связывается с занятием общественно значимой деятельностью, престижем высокопрофессиональной работы, трудом в тех отраслях производства, которые обеспечивают прогрессивное развитие всей страны, повышают ее конкурентоспособность на мировом рынке. В современных условиях требуется в определенной мере изменить содержание потребности развития молодежи, связав ее с общественно значимыми целями. При этом участие в их реализации, как это было и прежде, должно обеспечивать весьма высокий, по сравнению с другими категориями работников, уровень материального благосостояния, о чем говорят результаты нашего социологического исследования. Так, на вопрос, при каких условиях ты бы пошел работать на предприятия атомной промышленности после окончания школы и получения профессии, 77,18% опрошенных учащихся ЗАТО Новоуральск отметили, что в случае, если уровень зарплаты будет выше, чем на предприятиях других отраслей. Примечательно, что решение проблемы получения жилья респонденты поставили на третье место (28,74%), а второе место (45,65%) заняли более комфортные, чем на других предприятиях, условия труда.

Небольшой интерес молодежи к приобретению «ядерных» специальностей связан и с уровнем оплаты труда в отрасли (средняя зарплата порядка 14 тыс. руб. в месяц), еще более низким в отраслевых НИИ. Такой зарплаты, естественно, недостаточно для нормального существования семьи молодого специалиста.

Размер стипендии (около 600 руб. в месяц) заставляет молодежь искать приработок уже с первого курса. Нужно ли говорить, что посещение занятий в этом случае приносится в жертву работе, на что преподаватели чаще всего вынуждены

смотреть сквозь пальцы (отчисление студента во многих отношениях невыгодно вузу и кафедре). Изменить положение вещей коренным образом пока не представляется возможным: ожидаемое повышение среднего уровня стипендии незначительно, число специальных стипендий Росатома и т. п. мало, как и их размер. Подобная ситуация (низкая стипендия, необходимость подработки, трудности с устройством по специальности) сложилась и в отраслевой аспирантуре, где уменьшается число аспирантов, выпущенных с защитой диссертации (их доля в 2000–2003 годах не превысила 10%).

Еще одна проблема связана с продолжающимся снижением уровня общеобразовательной подготовки, особенно по естественно-научным направлениям (математика, физика, химия), которое отмечают специалисты соответствующих кафедр в ходе приемной кампании и в процессе обучения, в том числе и в Новоуральском государственном технологическом институте, готовящим кадры для атомной отрасли. Это касается и ведущих вузов страны. (Простейший пример: в 2006 году лишь около 30% петербургских медалистов подтвердили свой высокий уровень и были зачислены по результатам собеседования.) Абитуриенты, осознавая низкий уровень своей подготовки, ищут «где учиться полегче», даже если выбор лежит в поле технических специальностей. Понятно, что «ядерные» специальности здесь проигрывают многим своим «коллегам», так как требуют действительно глубокого изучения и значительных трудозатрат в процессе обучения.

Таким образом, можно сказать, что молодежь России не видит смысла связывать свою судьбу с отраслью без будущего или с будущим в виде утилизации отходов и снятия с эксплуатации устаревших установок. Конечно, освобождение от службы в армии – весомый аргумент, но для отрасли он не столь эффективен. В итоге лишь примерно 20% выпускников работают по специальности в ядерной отрасли. Если добавить сюда низкий уровень знаний студентов, «нищенскую» зарплату преподавателей, падение уровня профессиональных знаний и компетентности, то, как отмечает В. М. Муругов (директор Департамента ядерной энергии и заместитель генерального директора МАГАТЭ в 1996–2003 годах, д. т. н., профессор Государственного технического университета атомной энергетики в г. Обнинске), становится ясно: необходимы радикальные перемены в системе и уровне ядерного образования в России для возрождения ядерной мощи и экономики нашей страны⁴.

Следовательно, можно сделать вывод *о наличии противоречия между складывающейся конъюнктурой развития атомного энергопромышленного комплекса России и рынком образования*, готовящим кадры для этой отрасли. Как показывает анализ, гармоничного взаимодействия между этими двумя социальными институтами нет, каждый из них фактически развивается самостоятельно.

Для разрешения такого противоречия принимаются многочисленные меры, включающие совместные усилия правительства, промышленности и университетов. Процессы глобализации ведут к тому, что все больше людей в мире осознают – одним из наиболее эффективных путей повышения квалификации специалистов, подготовки кадров для атомной отрасли является объединение усилий.

Способствовать этому, унифицировать требования, предъявляемые к сотрудникам независимо от того, где расположена АЭС, на которой они работают, и тем самым в конечном итоге обеспечить международную безопасность при стремительном распространении АЭС по планете призвано новое учебное заведение – Всемирный ядерный университет (ВЯУ).

ВЯУ был основан 4 сентября 2003 года в Лондоне на церемонии празднования пятидесятилетней годовщины исторической речи «Атом для мира» президента Эйзенхауэра, произнесенной на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Содержание доклада «Атом для мира» способствовало рождению МАГАТЭ, которое институционализировало достижения науки и дипломатии, чтобы ядерные знания использовались на благо всего человечества. ВЯУ дает новый импульс этой работе на столетие вперед – отмечается в его документах⁵.

Инициаторами учреждения ВЯУ наряду с Всемирной ядерной ассоциацией выступили Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и Всемирная ассоциация операторов ядерных установок. Создание ВЯУ фактически явилось завершением реализации инициативы президента России по обеспечению энергетической стабильности развития на основе ядерных технологий, с которой он выступил на «Саммите тысячелетия» ООН (сентябрь 2000 года).

Миссия Всемирного ядерного университета заключается в усилении международного сотрудничества в сфере ядерного образования, совершенствовании ядерных знаний, распространении высоких академических стандартов не только на атомную энергетику, но и на использование ядерных технологий для устойчивого развития медицины, сельского хозяйства, геологии, защиты окружающей среды и пр.

Программа обучения включала обзор тенденций, характеризующих будущее развитие ядерной энергетики и технологии:

- глобальные тенденции в развитии ядерной энергетики и технологии;
- спрос и предложение на энергетическом рынке;
- изменение климата и роль ядерной энергетики в сохранении устойчивого развития;
- политические проблемы развития ядерной энергетики и технологии;
- международный режим, в том числе проблемы гарантий, нераспространения и безопасности, радиологической защиты, управления отходами, транспортировки ядерных материалов, законодательства в ядерной сфере, контроля за выбросами в атмосферу;
- технологические инновации, включая разработку генераторов нового поколения;
- экономические проблемы, связанные с работой атомной промышленности;
- управление знанием, изучение рынка ядерных материалов, сравнительная оценка рисков, учет общественного мнения и работа по связям с общественностью и др.

Отличительная особенность Всемирного ядерного университета от традиционных университетов заключается в том, что студенты не изучают в аудиториях

традиционные курсы и не получают привычные дипломы. Скорее Всемирный ядерный университет есть форум для встреч преподавателей ядерных дисциплин и специалистов в этой сфере. Он необходим, чтобы улучшить качество преподавания и содержание читаемых курсов⁶.

Участие России в международном проекте «Всемирный ядерный университет» способствует формированию единого европейского образовательного пространства, намеченного Болонской декларацией, реализации общих требований к качеству образовательного процесса, достижению единых стандартов высшего образования в ядерной отрасли. Участие России в этом проекте позволит сохранить за ней признанную и поддержанную Лондонским координационным центром ВЯУ ведущую роль на постсоветском пространстве в распространении «высоких академических стандартов на все сферы использования ядерных технологий», что должно способствовать усилению ядерной безопасности России.

Поскольку создание ВЯУ предусматривает участие и тесную кооперацию как представителей ведущих ядерных стран, так и стран развивающегося мира, где предвидится основной рост потребления энергии в ближайшие десятилетия, то Россия может приглашать на учебу молодежь из развивающихся стран, особенно из Юго-Восточной Азии, где ядерная энергетика развивается стремительными темпами, а также из Японии, Южной Кореи, Китая. Китаю, чтобы претворить в жизнь намеченную программу развития ядерной энергетике, необходимо в десять раз увеличить число инженеров и специалистов в ядерной отрасли. В результате будет реализована общая для ядерных государств задача достижения высокого уровня образования в атомной области в рамках ВЯУ.

Особое место в развитии единого образовательного пространства в подготовке кадров для ядерной отрасли занимает сотрудничество России и стран СНГ. Так, директор Казахстанского ядерного университета О. В. Василевский считает, что одним из путей создания межрегионального образовательного пространства является разработка и согласование нормативных документов по организации учебного процесса и единая форма контроля деятельности высших учебных заведений России и Казахстана, которые будут способствовать укреплению межгосударственных связей между ними, усилению интеграционных процессов.

Предполагается осуществить разработку программы, ориентированной на формирование и развитие корпоративной системы образования атомной отрасли России и Казахстана (по аналогии с созданным в феврале 2006 года образовательным консорциумом «Российский ядерный инновационный университет»), целями которой явились бы:

- формирование современной эффективной корпоративной системы подготовки квалифицированных кадров для выполнения программ Росатома и Казатомпрома, а также создание эффективной инновационной системы атомной отрасли, соответствующей мировым стандартам;

- подписание соглашения о создании образовательного консорциума «Российско-Казахстанский ядерный инновационный университет» (РКЯИУ).

Образовательный консорциум создается с целью формирования современной эффективной интегрированной системы подготовки квалифицированных кадров для выполнения задач Росатома и Казатомпрома, разработки современной инновационной системы реализации инновационных проектов в атомной отрасли на основе интеграции научного, образовательного и инновационного потенциала организаций – членов консорциума.

Создание консорциума позволит реализовать идею корпоративного университета, которая в настоящее время получает распространение и доказывает свою эффективность. Под корпоративным университетом понимается интегрированная система образования, объединенная единой логикой в рамках стратегии развития корпорации (отрасли) и охватывающая все уровни и профили обучения. Корпоративный университет призван обеспечить единые стандарты качества профессионального образования, адаптировать все существующие и планируемые учебные программы к насущным и перспективным задачам отрасли, создать для работающих в корпорации (отрасли) возможность карьерного роста, в том числе за счет развитой системы непрерывного образования.

Заместитель начальника управления кадров Росатома, председатель оргкомитета «передвижной» школы Российского отделения Всемирного ядерного университета И. Ефимкова считает, что необходимо разработать концепцию реформирования отраслевой системы образования и создать образовательный холдинг, который бы интегрировал науку, образование и производство. Помимо этого, сейчас обсуждается национальный проект создания ресурсного центра подготовки высококвалифицированных специалистов для атомной отрасли, который объединит потенциал ведущих ядерных центров России⁷.

Для реализации этой концепции в России есть МИФИ, МФТИ, МЭИ и другие институты и университеты (всего более двадцати) с «ядерными» кафедрами и стройная система координации ядерного образования под эгидой Росатома. В том числе и Новоуральский государственный технологический институт (НГТИ), готовящий кадры для ядерной отрасли почти 60 лет. Во всех этих учебных заведениях работают высококвалифицированные кадры, ведущие специалисты и имеется богатейшая экспериментально-технологическая база, бесценная для обучения и тренинга. Такой базы нет в развивающихся странах. Использование ее, а что еще более важно – опыта уникальных специалистов, создававших эти установки и проработавших на них многие годы, дает реальную возможность превращения их знаний в реальный продукт мирового образовательного рынка, в том числе и в рамках Всемирного ядерного университета.

В семи вузах закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) России, готовящих кадры для десяти атомных городов, в настоящее время по 32 специальностям обучаются свыше 7000 студентов. Тем не менее отраслевые вузы по ряду причин не в состоянии удовлетворить все потребности предприятий ЗАТО в молодых специалистах. Во-первых, нецелесообразно открывать в вузах ЗАТО специальности, по которым годовая потребность предприятия составляет

менее пяти человек. Во-вторых, также нецелесообразно открывать в вузах ЗАТО специальности, по которым возникает разовая потребность, даже если она превышает десять человек («специалисты нужны сейчас, а не завтра»). В-третьих, по многим специальностям в вузах ЗАТО нет квалифицированных педагогов. Более того, многие штатные преподаватели вынуждены быть «многостаночниками» – вести более пяти дисциплин, что, естественно, снижает качество обучения. В-четвертых, набор студентов в вузы ЗАТО лимитируется сравнительно невысокой численностью местных школьников и «утечкой» лучших из них в близкие крупные города (Нижний Новгород, Екатеринбург, Челябинск, Томск).

Основной вклад в подготовку специалистов для нашего базового предприятия вносят УГТУ-УПИ и НГТИ. Сотрудничество с ними достаточно эффективно и имеет устоявшиеся традиции. На инженерные должности ежегодно приходят до 30 выпускников этих вузов. Дипломную практику в подразделениях базового предприятия проходят 100–120 человек. В государственной аттестационной комиссии физтеха УПИ, которая работает непосредственно на комбинате, ежегодно защищается до десяти дипломных проектов. Специалисты комбината активно работают на всех выпускающих кафедрах НГТИ и как руководители дипломных проектов, и как члены ГАК.

Основная цель НГТИ – подготовка кадров для базового предприятия. Политика института направлена на то, чтобы выпускники вуза способствовали стабильной работе предприятия, оказывали содействие формированию интеллектуального потенциала и повышению профессионального мастерства работников базового предприятия.

Деятельность высших учебных заведений принесит свой положительный результат базовому предприятию – пополнение квалифицированного персонала. Но это не значит, что проблем в этом плане нет. Во-первых, потребности комбината в специалистах часто не совпадают с наличием кандидатов соответствующей квалификации. На базовом предприятии 5 тыс. должностей, требующих высшего образования, и 6 тыс. человек, имеющих высшее или незаконченное высшее образование, однако найти подходящего специалиста сразу удастся не всегда. Социологический анализ показывает, что среди потенциальных кандидатов (на рабочих местах трудятся 788 человек с высшим образованием) 368 человек (47%) составляют работники в возрасте старше 40 лет или те, кто получил высшее образование десять и более лет назад. За прошедшие годы они либо сами не захотели изменить свое профессиональное положение, либо это у них не получилось. Но результат один: полученные ими знания уже забылись, устарели и не могут быть основанием для замещения инженерной должности. Но такие сотрудники могут быть очень полезны на рабочих местах электромонтеров, слесарей КИПиА, ремонтников, наладчиков, бригадиров, особенно когда работа требует высоких квалификационных разрядов (седьмого или восьмого).

В группе 22% имеют гуманитарное или экономическое образование. (Среди тех, кто в настоящее время учится без отрыва от производства, доля получающих гуманитарную или экономическую специальность – 45%.) Их трудоустройство на

предприятия, где подавляющее число должностей специалистов и руководителей требуют технического образования, проблематично. Это вызывает негативные последствия: люди учатся, повышают уровень образования, но, ценой больших физических усилий (совмещая учебу с работой) и немалых денежных затрат (это образование в основном платное) добившись диплома, бывают разочарованы, обмануты в своих ожиданиях, так как их возросший личностный и квалификационный потенциал оказывается невостребованным.

Наконец, 12,5% – женщины, трудоустройство которых на комбинате тоже затруднено. Таким образом, из 788 человек, имеющих высшее образование, но занятых на рабочих местах, реально по специальности могут быть трудоустроены примерно 150 человек. Это в пять раз меньше, чем изначальная цифра. Следовательно, внутренние ресурсы для комплектования ряда вакансий ограничены.

Во-вторых, 70% этих специалистов, трудящихся на рабочих местах, являются выпускниками Новоуральского государственного технологического института по трем кафедрам: технология машиностроения, информатика и управление в технических системах, промышленная электроника. Но в перечне инженерных должностей, существующих на комбинате, 105 наименований. Очевидно, что укомплектовать их выпускниками трех кафедр трудно. Поэтому обойтись без приема молодых специалистов «со стороны» пока невозможно. В целом же эффективность использования выпускников высших учебных заведений, обучавшихся без отрыва от производства, достаточно высокая: в 2003 году 8% переведены с рабочих мест на должности специалистов и руководителей.

Перспективным направлением подготовки кадров является обеспечение адресной подготовки специалистов. Через систему практик и дипломирования студентов в одном и том же подразделении комбината осуществляется индивидуальная целевая подготовка молодых специалистов, позволяющая сократить срок их адаптации в должности, ускорить освоение ими технологических особенностей производства, сложного оборудования. На это же нацелена годичная стажировка и аттестация молодых специалистов у главного инженера комбината, возможность продолжения их дальнейшего образования в аспирантуре, организация и проведение ежегодных конкурсов научных работ молодых специалистов, конкурсов на лучшее внедрение молодыми работниками комбината рационализаторских предложений. А также действующая на комбинате система социальных гарантий для молодежи: безвозмездные ссуды (более 100 человек ежегодно), обеспечение иногородних общежитием, безвозмездные субсидии для строительства жилья и рассрочка платежа на срок до 20 лет.

Комплектование и повышение профессиональной квалификации различных категорий работников на комбинате осуществляется дифференцированно. На рабочие места принимаются только те, кто имеет специальное профессиональное образование, начальное или среднее. Ежегодно около 3 тыс. рабочих повышают свою квалификацию (23–25% от общей численности). Благодаря такой разноплановой работе удается поддерживать средний разряд рабочих комбината на протяжении последних пяти лет на уровне 5,1 квалификационных единиц.

Главное направление в работе со специалистами – создание условий для реализации их творческого потенциала. Ежегодно около 40% специалистов проходят обучение на различных курсах в ЦИПК и учебных центрах. Более 50% имеют квалификационную категорию. Главным принципом комплектования должностей руководителей всех уровней является «выращивание» своих руководителей. Ежегодно из специалистов в руководители переводится до 50 человек, из рабочих в руководители (в основном из бригадиров в мастера) до 20 человек. Из резерва производится 75% назначений на должности руководителей всех уровней.

Всеми формами повышения квалификации и обучения на комбинате ежегодно охватывается свыше 35% общей численности работников, в том числе до 32% рабочих, 47–48% специалистов и руководителей. Сумма средств, инвестированных в подготовку кадров в 2005 году, составила свыше 51 млн рублей.

Большинство руководителей (1,2 тыс. человек) в 2000–2003 годах прошли аттестацию, в ходе которой не только оценивалась их производственная деятельность, но и проводилась экспертная оценка деловых и личных качеств. Среди них профессиональные знания, организаторские качества, деловые качества (то есть все то, что принимается во внимание при назначениях на любые должности). В то же время предусмотрены и другие показатели, с учетом которых следует подбирать и руководителей, и резерв на их замещение:

- психологический статус (лидерство, эмоциональная устойчивость, память, адекватность действий в критических ситуациях и т. д.);
- психофизиологические данные (уровень тревожности, особенности психического состояния, уровень интеллекта и т. д.);
- социальный статус (гражданская позиция, следование социальным нормам и т. д.).

Подготовка руководителей на комбинате идет по двум направлениям: 1) подготовка руководителей в сфере специальных профессиональных знаний и навыков; 2) подготовка руководителей по вопросам, связанным с управлением производством, в том числе повышение квалификации в сфере управления персоналом.

Усиление внимания к последнему моменту определяется потребностями самих руководителей. Например, в ходе социологического опроса в 2002 год (196 опрошенных руководителей) на вопросы анкеты были получены такие ответы:

Таблица 1. Каких знаний не хватает для успешной работы с коллективом (один или два ответа), в % от числа опрошенных

Психологии и управления	40,0
Экономики и финансов	31,3
Трудового законодательства	28,7
Маркетинга	19,4
Менеджмента	29,2
Иностранного языка	14,9

Таблица 2. Практические навыки, которых не хватает в работе по управлению персоналом, в % от числа опрошенных

Разрешения конфликтов	30,4
Организации деловых межличностных отношений	19,6
Проведения производственных совещаний	43,5

Методическому обеспечению кадровой работы и организации ее социологического мониторинга на базовом предприятии придается большое значение. В службе заместителя генерального директора по кадрам и социальным вопросам группа кадровой социологии преобразована в группу планирования и организации работы с кадрами. Мониторинг по проблемам кадровой работы на комбинате традиционно осуществлялся в рамках разовых конкретно-социологических исследований. Но с 2003 года он возведен в ранг регулярного и обязательного. Тем более что в рамках системы управления качеством ИСО-9000 среди прочих факторов предусматривается анализ эффективности управления персоналом: социально-психологических аспектов трудовой деятельности, удовлетворенность персонала трудом, проблем обратной связи в ходе управленческой деятельности и др.

Первый такой опрос был проведен летом 2003 года среди работников ряда отделов базового предприятия. Он показал объективно существующие проблемы в работе с персоналом. Среди них на первом месте достаточно значительные резервы для повышения трудовой мотивации работников, о чем свидетельствуют ответы опрошенных:

Таблица 3. Степень удовлетворенности работой, в % от числа опрошенных

	Вполне удовлетворен	Мало удовлетворен	Не удовлетворен	Не знаю
Профессией	89,7	5,9	3,2	1,2
Организацией труда	59,2	35,0	3,4	2,4
Условиями труда	65,7	26,4	7,3	0,6
Заработной платой	21,7	45,0	32,2	1,1
Моральным поощрением за труд	29,5	37,2	27,9	5,4

Заслуживает внимания то обстоятельство, что наряду с традиционными материальными факторами поощрения для работников комбината все большее значение приобретают моральные факторы стимулирования качества труда. Вполне удовлетворен системой морального поощрения за труд только каждый третий участник опроса. И если решение вопроса по повышению заработной платы для руководства подразделений комбината затруднено в связи с ограниченностью выделяемого денежного фонда, то решение проблем по улучшению условий, организации и морального стимулирования труда вполне посильно.

Содержательный анализ проблем, которые, по мнению опрошенных, негативно влияют на нормальное трудовое самочувствие работника комбината и результаты его производственной деятельности, позволил выстроить следующий рейтинг:

- 1-е место – отсутствие понимания и чуткости со стороны руководства (27,3%);
- 2-е – неравномерная загрузка рабочего времени (26,6%);
- 3-е – взаимоотношения в коллективе (13%);
- 4-е – незаинтересованность в качественном выполнении работы (12,3%);
- 5-е – монотонный, утомительный труд (8,4%);
- 6-е – низкая оплата труда (4,5%);
- 7-е – устраивает все (3,2%).

Несколько вопросов анкеты касались психологического климата в коллективах. Участники опроса дали следующую его оценку: 50–56% – «удовлетворительно» и 32–40% – «хорошо».

По общей оценке работников комбината, состояние кадровой работы на предприятии, качественные характеристики персонала находятся на должном уровне. И все же респонденты посчитали необходимым указать направления кадровой работы, которые, по их мнению, нуждаются в дальнейшем совершенствовании:

- практика подготовки пенсионных документов – 21,2%;
- практика представления работников к государственным наградам и поощрениям на производстве – 15,4%;
- система информирования трудящихся – 15,4%;
- аттестация руководителей и специалистов – 14,5%;
- проведение социологических исследований по проблемам производств, деятельности коллектива – 9,5%;
- тематика и действенность собраний трудовых коллективов по производственным вопросам – 7,7%;
- мероприятия по укреплению трудовой дисциплины – 6,8%;
- работа молодежной организации – 6,8%.

Таким образом, социологические исследования позволяют лучше понять проблемы связи технических вузов с базовыми предприятиями, способствуют более качественной подготовке кадров для отечественной атомной промышленности, которая является важной составляющей национальной безопасности страны, ее устойчивого развития. Образование в атомной сфере формирует необходимую базу, без которой грандиозные планы развития ядерной энергетики не решить. Представляется неприемлемой позиция, как считают некоторые чиновники, что специалисты придут в отрасль, как только она начнет развиваться. Это вряд ли возможно. Следовательно, необходимо сейчас поддержать и защитить профильные вузы и кафедры.

Так или иначе, уже в ближайшее время Росатом должен обратить внимание на проблему подготовки кадров, предприняв следующие меры:

- обеспечить финансирование программ в рамках соглашения с Минобрнауки (от 8 февраля 2006 года) о сотрудничестве в области развития приоритетных направлений науки, технологии и техники;
- добиться финансирования «Программы развития единой образовательной системы подготовки квалифицированных кадров всех уровней для Минатома России на 2003–2010 годы» или сформулировать новую программу;
- увеличить число стипендий Росатома для студентов и аспирантов профильных вузов и кафедр;
- разработать совместно с Минобрнауки комплекс мероприятий по поддержке профессорско-преподавательского состава профильных образовательных учреждений, а также способствовать обновлению их материально-технической базы;
- активно сотрудничать с РЯИУ в рамках принятой консорциумом «Программы действий на 2007–2010 годы»;
- способствовать развитию и укреплению связей профильных вузов и кафедр с отраслевыми предприятиями и учреждениями как в плане подготовки студентов, так и в плане проведения совместных научно-исследовательских работ;
- проводить последовательную политику по улучшению имиджа отрасли, особенно среди выпускников школ, с привлечением сил ЯОР и МОЯОР; способствовать, в том числе и финансово, профориентационной работе профильных вузов и кафедр;
- разработать концепцию по ориентации старшеклассников на выбор специальностей, используемых в атомной промышленности.

¹ См.: <http://nuclear.ru>.

² *Gutteridge J.* Targeted Initiatives. Support for Nuclear Engineering education in the USA // IAEA Bulletin. 2001. Vol. 43. № 1; *Carnino A., Lederman L.* Education and Training in Nuclear Safety. Strengsening Framework // IAEA Bulletin. 2001. Vol. 43. № 1; *Kan Wang, Baoshan Jia.* Nuclear engineering education at Tsinghua University in Beijing // Energy Future in the Asia/Pacific Region – Research & Education for Nuclear Energy. Proceedings of the International Symposium Sponsored by Tokai University Education System, Japan, Institute of Nuclear Energy Technology Tsinghua University, China and Department of Nuclear Engineering University of California, Berkeley March 27–29, 2000.

³ *Акатов А. А., Великина С. А.* Ядерное образование: быть или не быть? (<http://nuclear.ru>).

⁴ *Мурогов В. М.* Россия «обречена» на развитие ядерной энергетики // Ядерный контроль. 2005. Т. 11. № 3 (77). С. 21–22, 25.

⁵ World Nuclear University. Why the WNU? (http://world-nuclear-university.org/html/wnu_prospectus/index.htm).

⁶ The nuclear academy // Nuclear Engineering International. March 2005. Vol. 50. № 608. P. 36–37.

⁷ Протокол совместного заседания комиссии по науке и технологиям Мосгордумы и российских участников международного проекта «Всемирный ядерный университет» от 24 ноября 2005 года. С. 1.

В. В. Полякова

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Проблема повышения качества подготовки специалистов с высшим образованием всегда была актуальна. Считается, что выпускник вуза является высококвалифицированным специалистом, который способен обеспечить не только функционирование современного производства, но и его развитие на основе эффективного использования достижений современной науки, техники, а также собственного участия в создании и внедрении более совершенных технологий.

Качество обучения студентов вузов в первую очередь определялось уровнем квалификации тех, кто их обучает. В условиях сравнительно медленного обновления материально-технической базы производства выпускник вуза мог относительно долгое время успешно работать, опираясь на те знания, которые он получил в институте. Поэтому считалось, что чем лучше студент учится под руководством высококвалифицированных преподавателей, имеющих соответствующие научные степени, тем выше качество получаемого им образования. Существенное ускорение темпов обновления техники и технологий, применяемых на различных видах производства, требует от выпускника вуза не только умения успешно использовать приобретенные в вузе знания и навыки. Важнейшим требованием становится умение постоянно совершенствовать содержание и методы своей профессиональной деятельности на основе последних открытий науки и техники. Система непрерывного образования становится необходимой практикой адаптации выпускника вуза к потребностям современного производства. Поэтому качество подготовки студентов определяется не только тем, насколько полно они освоили содержание вузовского образования, но и степенью освоения методов саморазвития в профессиональной деятельности.

Новая ситуация побуждает искать отвечающие современности методы организации обучения студентов. В настоящее время отечественное образование переживает сложный процесс модернизации практически во всех своих структурных элементах, она в конечном счете направлена на обеспечение высокого качества подготовки специалистов, которые могли бы работать не только на своей родине, но и в других странах, имеющих более развитую промышленность. Это, в частности, диктуется присоединением России к Болонскому процессу. В ближайшее время намечено введение двухступенчатой системы образования: бакалавр, магистр. Ведется работа по созданию нового поколения государственных стандартов по всем специальностям в соответствии с традициями, сложившимися в системе высшего образования в странах Западной Европы. Также предполагается увеличить степень свободы вузов, побудив их самостоятельно искать абитуриентов, заинтересованных в обучении в конкретном образовательном учреждении.

Предполагается существенно уменьшить долю государственного заказа на специалистов и создать условия для конкурентной борьбы вузов за подходящих для них студентов. Насколько все эти меры в состоянии обеспечить реальное повышение качества образования – пока не ясно. Необходимы глубокие и всесторонние исследования, направленные как на изучение эффективности представленных мер, так и на поиск других вариантов повышения качества обучения в вузах страны.

Учитывая актуальность данной проблематики, нами были проведены социологические исследования, направленные на выявление мнений студентов и преподавателей о состоянии нынешнего образования и вариантах повышения качества подготовки высококвалифицированных специалистов.

Прежде всего необходимо выяснить, каким именно образом две представленные группы респондентов понимают содержание самого термина «качественное образование».

Таблица 1. Признаки качественного образования, в % от числа опрошенных

	Студенты	Преподаватели
Формирование навыков профессионального мышления	61,0	48,0
Широкая профессиональная подготовка, позволяющая работать по нескольким специальностям	68,0	40,0
Возможность успешно и за короткое время освоить новую специальность	31,0	25,0
Глубокая общегуманитарная подготовка	22,0	25,0
Глубокая профессиональная подготовка в узкой специальности	30,0	17,0
Хорошее овладение иностранным языком	44,0	6,0
Глубокая экономическая подготовка	12,0	2,0
Хорошая математическая подготовка	12,0	2,0
Достаточная юридическая подготовка	19,0	0,0

Прежде всего обращает внимание наличие существенных расхождений мнений по тем характеристикам, которые определяют качественное образование.

Профессионализм определяется в первую очередь зрелым профессиональным мышлением. Оно складывается постепенно, в ходе овладения теми специальными знаниями, которые обеспечивают успешность выполнения основных обязанностей работников. Специалист с высшим образованием должен владеть целым набором весьма сложных навыков; знать сущность различных технологий, применяемых в той сфере деятельности, в которой он занят, разбираться как в технике, которая используется на конкретном предприятии, так и в новинках мирового технического прогресса. Он в определенной степени должен быть готов к занятию конструкторской

работой. Поскольку многие выпускники вуза становятся руководителями коллективов, им необходимо владеть набором управленческих навыков.

За время обучения в вузе невозможно овладеть высоким уровнем профессионального мышления, поэтому, когда студенты определяют качество образования степенью развитости профессионального мышления, они отмечают скорее значимость данного показателя, нежели его наличие у выпускников вуза. В процессе обучения складываются базовые характеристики профессионального мышления, выражающиеся в том, что студент может пользоваться изученными им законами функционирования и развития конкретного объекта той деятельности, которой ему придется заниматься на производстве. Доля преподавателей, поставивших этот показатель на первое место, существенно ниже. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что работники вуза осознают те трудности и проблемы, которые связаны с необходимостью формирования у студентов навыков профессионального мышления за весьма короткий период обучения. Преподаватели знают, что профессиональное мышление будет развиваться в процессе трудовой деятельности выпускника вуза; когда он столкнется с реальными трудностями в решении конкретных производственных проблем, тогда сможет показать имеющийся у него уровень организации мыслительной деятельности.

На второе место был поставлен показатель, который, как нам кажется, не определяет качество образования. В последнее время в нашей стране сложилась такая социально-экономическая ситуация, когда многие выпускники вуза работают не по специальности. Часто причина заключается не в том, что трудно найти соответствующую работу. Многие выпускники не желают работать в соответствии с полученным образованием, так как оплата труда не отвечает их потребностям. Например, в настоящее время незначительная доля выпускников педагогических вузов идут работать в качестве учителя в школы. Многие из них хотели бы работать по специальности, но уровень оплаты труда педагога настолько низок, что молодые люди не желают обрекать себя на нищенское существование. Они могут устроиться в различные фирмы, зарабатывая в два-три раза больше, чем школьный учитель. Самое удивительное заключается в том, что, несмотря на отсутствие узкопрофессиональных знаний, которые им потребуются на работе, выпускники педагогических вузов успешно справляются с производственными обязанностями. В связи с этим возникает вопрос: насколько качество образования определяется наличием узкопрофессиональных знаний, которые составляют основное содержание знаний, приобретаемых в вузе? Если качество образования измерять степенью мобильности в приобретении необходимых трудовых навыков, которые практически не связаны с полученной специальностью, то тогда можно считать, что мнения студентов и преподавателей соответствуют современной ситуации.

Действительно, студентов в течение всего периода обучения в вузе надо учить тому, что позволит им работать по очень широкому кругу профессий. Однако в настоящее время такая подготовка в вузе отсутствует. Начиная с третьего курса студенты приобретают конкретный, соответствующий их специальности набор знаний. То, что они изучают на первых двух курсах, также не является основой для

овладения разнообразными профессиями после окончания вуза. В этом, на наш взгляд, заключается самое глубокое противоречие современного высшего образования. В нем четко не определено то содержание знаний и навыков, которые обеспечивают и подготовку высококвалифицированного специалиста. Само понятие «высококвалифицированный специалист» размыто, поскольку значительная доля студентов после получения диплома намерена работать не по специальности. Это противоречие, судя по ответам респондентов, предлагается разрешить путем получения студентами знаний, позволяющих за короткое время освоить смежную или даже весьма далекую от профиля обучения специальность; такой позиции придерживаются не только студенты, но и часть преподавателей.

Лишь каждый шестой опрошенный работник вуза считает, что качество образования определяется наличием знаний в узкой сфере профессиональной деятельности. В связи с этим возникает вопрос: зачем же студенты на последних курсах особенно глубоко изучают отдельные сферы той области деятельности, которой им придется заниматься? Также следует отметить противоречие между ориентацией наших студентов и преподавателей на широкую по содержанию подготовку и традициями западно-европейского и американского образования. Как известно, в странах Запада выпускники вуза являются весьма узкими специалистами, они готовы работать только в той области деятельности, в рамках которой готовились в вузе. Получение новой специальности требует значительного времени на переучивание. Следовательно, если в процесс модернизации отечественного образования будет взят курс на широкую по содержанию профессиональную подготовку, то наши выпускники вуза не будут соответствовать требованиям, предъявляемым к специалистам во многих странах мира. Реализация установок на ведущую роль узкопрофессиональных знаний в практической работе вузов приведет к тому, что станет труднее найти желаемую работу после получения диплома. Она сейчас выбирается на основе уровня зарплаты, а не соответствия тому образованию, которое имеет молодой специалист. Напрашивается вывод о том, что проблема повышения качества образования не может быть решена без существенных изменений в экономике страны. Важнейшей задачей становится приведение содержания высшего образования в соответствие с потребностями различных видов производств. Ориентация на высокий уровень профессиональной подготовки будет оправдана тогда, когда выпускник вуза будет заинтересован в работе по специальности. Для этого необходимо, чтобы эта последняя соответствующим образом оплачивалась и могла обеспечить определенный карьерный рост тех, кто способен к сложным видам творческой деятельности.

В настоящее время, как показали не только наши, но и другие исследования, проводимые в различных регионах страны, около 40% студентов учатся ради получения диплома о высшем образовании. Этот документ не только наделяет более высоким социальным статусом, но и дает возможность устроиться практически в любой сфере общественного производства. Подобная ориентация, конечно, не порождает установок на активную учебную деятельность, поэтому обеспечить высокое качество образования для данной категории обучающихся очень трудно.

В связи с этим при реализации различных программ, для решения актуальных задач совершенствования высшего образования необходимо учитывать целый спектр факторов, влияющих на ориентации и установки самих студентов, обучающихся в различных вузах. Комплексный подход, учитывающий социально-экономическую ситуацию, тенденции развития отечественной экономики, уровень оплаты труда, перспективы профессионального роста, самоутверждение работника на производстве, является условием создания перспективных моделей модернизации отечественного высшего образования.

И. В. Белоусова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССА ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГИМНАЗИИ

Образование в России привлекает исследователей, с одной стороны, своими успехами, а с другой – проблемами, противоречиями как внутри самой системы, так и между образованием и наукой, образованием и производством. Резкое нарастание проблем образования связано и с тем, что научно-технический прогресс поставил человека в новые отношения с природой, обществом и самим собой.

В связи с этим возникает вопрос об изменениях в образовательном процессе, в ходе которого формируется современная личность, активно проводятся попытки реформирования системы образования, особенно на уровне школы. Обращение к этой проблеме во многом связано с эволюцией философских воззрений, в соответствии с которыми в центр научной картины мира выдвигается человек. Возникла ситуация, с одной стороны, когда прослеживается негуманность отношения к детям в образовательном пространстве, с другой – все большее востребование приобретает именно гуманизм. Со второй половины 1990-х годов усиливается внимание к личности ребенка и происходит гуманистическая конверсия.

Переход от модели традиционного обучения к гуманистическому основан на становлении системы совместной продуктивной деятельности учителя с учениками, в недрах которой могут развиваться многообразные формы гуманистического общения. Гуманизация образования предполагает усиление человечности, уважения к человеческому достоинству, человеколюбие в обучении и воспитании.

В условиях гуманизации образовательного процесса не должны принижаться естественно-научные курсы, следует изменить саму систему преподавания предметов этого цикла за счет внесения в них ценностного аспекта получаемых знаний. Дети должны понимать, как конкретные естественно-научные знания

связаны с типичными жизненными бытовыми ситуациями, с бытовой практикой (дома, в школе, на улице). Необходимо выделить момент ориентирования знаний на повседневную жизнь. Введение ценностного аспекта естественно-научных дисциплин могло бы резко повысить успеваемость и заинтересованность детей в знаниях, их активность на уроках. Если мы говорим о связи научных знаний с повседневной жизнью, то проявление гуманизации предметов естественно-научного цикла находит свое отражение в показе способов открытия знаний через человеческие проблемы, страдания (таким образом включается биографический аспект научных открытий, раскрывается перед учащимися сам процесс мышления ученых-естествоиспытателей). Важно продемонстрировать школьникам, что вновь открытое знание было способно разрешить ряд жизненных противоречий, волновавших людей в то время.

На сегодняшний день гимназия – это образовательное учреждение, созданное на основе системных нововведений (в части целей, содержания образования, технологий, организации учебно-воспитательного процесса и, естественно, на основе новой системы управления), направленных на формирование у учащихся широкого научного кругозора, общекультурных интересов, утверждение в их сознании приоритетов общечеловеческих ценностей, достижение качественно новых результатов образования, воспитания, развития учащихся. Это прежде всего разнонаправленное образовательное учреждение. Статус гимназии требует обеспечения высокого качества воспитания и обучения детей с акцентом на формирование у них русского национального самосознания. Гимназическое образование предполагает формирование основных черт интеллектуальной, творческой деятельности:

- навыков мысленного экспериментирования, пространственного воображения;
- самостоятельного переноса знаний и умений в новую ситуацию, ассоциативности мышления, способности к актуализации знаний, умений, навыков;
- видения новой функции знакомого объекта, самостоятельности мышления;
- видения структуры сложного объекта, аналитичности мышления;
- умения комбинировать ранее известные способы решения проблемы в новый способ (комбинаторная способность);
- стремления объяснить непонятные явления; любознательности, пытливости;
- способности к предвидению;
- критичности мышления, умения отстаивать свою точку зрения;
- системности мышления, всесторонности рассмотрения тех или иных объектов или явлений;
- эвристичности мышления, интуитивного озарения и др.

Указанные черты творческой деятельности далеко не всегда являются врожденными. Эти способности возможно целенаправленно сформировать, что требует разработки специальных заданий творческого характера, особых видов деятельности, технологий обучения.

Вопросу эффективности осуществляемой сегодня гуманизации образования было посвящено социологическое исследование, проведенное в гимназии № 18 (муниципальное образовательное учреждение) Нижнего Тагила в 2003 году. Его вывод: эффективность принципов гуманизации в рамках гимназического образования пока что до конца не реализована. Остановимся на проблемах, выявленных на тот момент в этой области.

Материалы проведенных исследований в целом фиксируют общую тенденцию в большинстве видов искусства: сдвиг в ценностных ориентациях старшеклассников на предпочтение художественных произведений западного искусства. Это ставит ряд серьезных проблем. Так, содержательный анализ художественных предпочтений старшеклассников показывает, что подобный сдвиг происходит не вследствие ориентации на высокие гуманистические образцы зарубежного искусства, а в направлении предпочтения наиболее «низких» форм – чаще всего примитивного боевика, незатейливого фантастического фильма или триллера. В этой связи с особой остротой встает вопрос о сохранении гуманистического национального ядра культуры, предотвращающего процессы аккультурации.

В эмоциональной оценке жизненных перспектив учащихся, их родителей и учителей была обнаружена общая «фрустрированность» взрослого мира, что не может не отразиться на специфике формирования ценностных ориентаций подростков (ситуация, когда практически каждый пятый родитель – 21,8% – и каждый четвертый учитель – 27,6% – испытывают страх перед будущим и настроены пессимистично). Это предполагает особые стратегии (в частности, актуализацию всевозможных защитных реакций) при взаимодействии с молодым поколением и трансляции ценностей от старшего поколения младшему.

В ходе исследования было выявлено расхождение между идеологическими принципами воспитания, декларируемыми учителями, и реальным положением дел в гимназии. Среди учителей доля ориентированных на принцип «неукоснительного соблюдения ребенком правил поведения» составляет 14,5%, а фиксируют жесткую подчиненность учащихся требованиям учителей в гимназии 21,9%. Эти данные подчеркивают одно из фундаментальных смысловых напряжений, определяющих характер современной образовательной ситуации: расхождение декларируемых педагогических установок на сотрудничество с их реализацией в практике образования.

Одним из параметров ценностно-ориентационной (или этнокультурной) составляющей образованности является сформированность нравственных представлений и понятий. Анализ результатов диагностики социально значимых качеств у старшеклассников показал наличие отрицательной динамики. Выпускник гимназии недостаточно подготовлен к решению проблем, возникающих перед ним во взрослой жизни, для обучения в высшей школе, ориентированной во многом на самостоятельную работу студента, выпускник не готов из-за освоенного им типа деятельности – исключительно репродуктивного. Зачастую он не способен правильно повести себя в нетривиальной ситуации, сделать нравственный выбор, адаптироваться в нестабильных экономических условиях.

По результатам социологического исследования можно сказать, что в гимназии нечетко понята специфика образовательного учреждения. Нынешняя ситуация в образовательных учреждениях не способна учить детей распознавать практические проблемы в повседневной жизни, ученики школ умеют только воспроизводить изученный материал и решать готовые задачи на репродуктивном уровне, «по образцу». Ни тип школы, ни наличие специализированных классов, ни пол респондентов не влияют на наличие установок на постоянное развитие. Учителя, в свою очередь, в нынешней системе организации учебного процесса не рассматривают выработку навыков самосовершенствования у учеников как важнейшую свою задачу. Тем самым доказывается, что хотя в исследуемом образовательном учреждении в планах развития гимназического образования заложена идея гуманизации, но до конца она пока не понимается и не реализуется.

И. А. Храмцова

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ОБУЧЕНИЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ ВЫПУСКНИКАМИ ШКОЛ

Проблема повышения эффективности профессионального образования решается не только улучшением материально-технической базы соответствующих учреждений, их кадровым составом, но и тем, в какой степени студенты сориентированы на получение той специальности, которая в наибольшей степени соответствует их задаткам и способностям. В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» подчеркивается, что необходима «структурная перестройка профессионального образования, отработка различных моделей интеграции начального, среднего и высшего профессионального образования, обеспечение реальной многоуровневости высшего образования, создание университетских комплексов»¹. Наиболее оптимальное построение региональной системы непрерывного образования можно представить в схеме «школа – НПО – СПО – вуз», которая предусматривает создание единого образовательного пространства.

Создание таких комплексов осуществляется высшими учебными заведениями. В настоящее время определенным опытом такой работы имеет Уральский государственный горный университет. Им создана единая система формирования ориентаций и установок на получение образования, необходимого для работы на предприятиях горнодобывающего комплекса, начиная с детского сада. Она включает работу со школьниками основной ступени обучения и далее организацию профильных классов. Главной задачей является выявление и развитие задатков

детей и подростков для работы на промышленных предприятиях Свердловской области. Выпускник школы в результате многолетнего изучения содержания тех профессий, которые существуют на шахтах, горно-обогатительных предприятиях, познания своих индивидуальных особенностей обоснованно делает выбор наиболее подходящей для него специальности. Качество обучения в ПТУ, колледже, вузе существенно повышается.

В связи с возросшей потребностью в повышении качества обучения в условиях насыщения предприятий сложнейшими машинами и механизмами высшие технические учебные заведения стали предъявлять более высокие требования к подготовке своих абитуриентов, снижение уровня которой в последние годы очевидно. Можно говорить о давно имеющемся и постепенно увеличивающемся разрыве между фактическими требованиями вузов к выпускникам школ и реальным уровнем их подготовки к освоению сложных образовательных программ. Обучение в школе до сих пор не формирует тех навыков исследователя, самостоятельно добывающего необходимые знания, которые нужны современному студенту.

В условиях рыночной экономики на выпускников школ при выборе ими специальности действует целая система факторов. Ведущая роль принадлежит социально-экономическим, отражающим основные направления развития страны. При социализме выпускники школ выбирали технические специальности из-за высокого престижа инженера, технолога, техника, работающего на крупном, известном на всю страну предприятии. Общественная ценность профессии доминировала над теми факторами, которые связаны с учетом индивидуальных склонностей к получению конкретной специальности.

Отношение к инженерным специальностям существенно изменилось в 1990-е годы, когда в условиях стихийного утверждения принципов рыночной экономики многие отечественные предприятия стали закрываться. Урал отличается развитием предприятий горнодобывающего комплекса. Действуют десятки шахт, горно-обогатительных комбинатов, производств, ведущих первичную обработку полезных ископаемых. Часть из них, не получая государственной поддержки, практически закрылись. Начавшееся с 2000 года постепенное возрождение отечественной промышленности ведет к тому, что, во-первых, возрастает потребность в разведке и добыче целого комплекса полезных ископаемых, а не только нефти и газа. Во-вторых, в подготовке специалистов, которые могли бы использовать как имеющееся, так и новое оборудование на предприятиях горнодобывающего комплекса.

В последние годы вновь стал возрождаться интерес выпускников школ и их родителей к получению технической специальности. Растет конкурс почти во всех вузах Екатеринбурга, готовящих специалистов для предприятий региона. Пока сохраняется проблема набора тех студентов, которые обоснованно, имея базовые знания о будущей специальности, выбирают профессию. Те выпускники вуза, у которых существуют задатки и способности к труду, связанному с добычей и переработкой полезных ископаемых, вероятнее всего станут работать по специальности. Эффективность государственных затрат на подготовку квалифициро-

ванных специалистов во многом определяется тем, в какой степени удалось организовать постепенное выявление и развитие той предрасположенности человека, которая детерминирует его интерес к конкретному виду труда.

В связи с этим возникает необходимость проанализировать имеющийся опыт организации системы непрерывного образования, призванного обеспечить раннее выявление задатков и способностей учащейся молодежи к определенным видам профессиональной деятельности. Цель образования в этом случае заключается в том, чтобы с помощью разнообразных форм включения учащихся в определенные виды труда выявить склонности человека к работе на предприятиях горнодобывающего комплекса. Этот процесс может начинаться при посещении детьми детского сада, затем продолжаться в процессе обучения в школе. Создается единая система непрерывного изучения индивидуальности каждого ребенка для того, чтобы обеспечить обоснованный выбор будущей профессии после окончания школы.

В настоящее время формируется только один из элементов непрерывной системы выявления задатков и способности личности. С 2006 года в школах страны стало вводиться профильное обучение в старших классах.

Уральский государственный горный университет уже несколько лет апробирует развернутую систему работы с подрастающим поколением. В особый образовательный комплекс входят дошкольные учреждения, школы, технические училища, колледжи, сам университет, а также ряд предприятий Свердловской области. Возникла уникальная система раннего выявления и постепенного развития у детей разного возраста интереса к тем специальностям, которые наиболее востребованы на добывающих и перерабатывающих предприятиях Урала.

С целью выявления первых результатов работы данной системы непрерывного образования нами было проведено социологическое исследование, в ходе которого изучалось мнение учащихся профильных классов, подготовительных курсов, студентов вуза об используемых методах раннего развития задатков и способностей к профессиональной деятельности.

Прежде всего, социологические исследования позволили выяснить самооценку учащихся профильных классов своих склонностей к различным видам деятельности.

Таблица 1. Наличие склонностей к различным видам деятельности, в % от числа опрошенных

Общение с разными людьми	37
Работа с машинами и механизмами	30
Управление людьми	28
Художественное творчество	28
Изучение природы	16
Изучение общественной жизни	15
Конструирование новой техники	9

Большинство опрошенных указали на наличие склонности к взаимодействию с разными людьми. Такая способность востребована в первую очередь в таких профессиях, как менеджер, маркетолог, специалист отдела кадров, психолог и т. п. Такие специалисты нужны на промышленных предприятиях Урала. Наличие подобных задатков отметили учащиеся практически всех профилей: информационно-технологического, социально-экономического, горнозаводского.

Те старшеклассники, которые отметили у себя наличие предрасположенности к управлению людьми, не обязательно должны учиться по социально-экономическому профилю. Исследования показали, что среди тех, кто учится по этому профилю, доля указавших наличие данной склонности составляет 38%. Часть обучающихся на горнозаводском и информационно-технологическом профиле также видят себя в будущем руководителями различных коллективов. В то же время они отмечают у себя наличие склонностей к работе с различными машинами и механизмами. Выделяется та группа, которая находит у себя одновременно задатки как к работе с машинами и механизмами, так и с людьми. Видимо, представители этой группы и могут стать в будущем руководителями различных подразделений на предприятиях горнодобывающего комплекса.

Исследование показало, что необходимо в рамках профильного обучения всем старшеклассникам давать хотя бы небольшие курсы, раскрывающие специфику управленческой деятельности. Ей, возможно, придется заниматься многим из выпускников колледжей и вузов.

Следует особо выделить данные, показывающие уровень самооценки склонностей к изучению тайн природы. Доля тех, кто отметил такую предрасположенность, пока невелика. Работа геолога, специалиста по разработке месторождений полезных ископаемых требует наличия определенной предрасположенности к изучению тайн неживой природы. Пока, видимо, не сложилась система формирования и развития потребности к данному виду познавательной активности. Нужно с детского сада приобщать детей к изучению особенностей Уральского края, особенностей тех богатств, которые он в себе таит.

Социологическое исследование еще раз показало актуальность решения проблемы *самостоятельного* выявления подростками склонности к той или иной профессии. В наше время в городах и поселках почти исчезли кружки технического профиля. Подростку в 10–15 лет без какого-либо личного опыта определить склонность к технике очень трудно. Поэтому возрастает роль учителя физики, химии, технологии, который может формировать и развивать интерес к работе с различными машинами и механизмами.

Среди обучающихся по всем профилям, связанным с горнодобывающим комплексом, значительна доля интересующихся различными машинами и механизмами. Так, в целом по всему массиву опрошенных хотели бы работать на различных механизмах 19%. Среди тех, кто выбрал горнозаводской профиль, их доля повышается до 29%. У обучающихся по информационно-технологическому профилю она составляет 23%. Меньше всего среди тех, кто учится по социально-экономическому профилю.

Если подросток ощущает у себя интерес к определенным видам занятий, то он пытается в той или иной форме его развивать. Исследование показало, что склонность к какому-то виду занятий развивается с помощью различных видов деятельности: 44% посещают кружок, секцию, 33% отметили, что они самостоятельно изучают специальную литературу. Интерес к ней вызван в первую очередь самими занятиями в профильных классах. Педагоги указывают на те источники, с помощью которых старшеклассники могут узнать требования, предъявляющиеся к специалистам конкретного профиля.

Около 40% старшеклассников указали, что они развивают свой интерес к профессии с помощью конструирования разных объектов на компьютере. Только 5% респондентов отметили, что они выявляют свои способности, занимаясь техническим конструированием моделей. Подавляющее большинство их учатся в классах с горнозаводским профилем.

Опрос тех, кто уже второй год обучается в профильных классах, показал, что 45% респондентов полностью удовлетворены теми занятиями, которые с ними проводят преподаватели вуза. Частично удовлетворены 52%. Какие же факторы вызывают позитивную оценку содержания занятий в профильных классах? Среди опрошенных 63% удовлетворены получаемой информацией (она раскрывает специфику основных видов профессий, представленных в горнозаводском комплексе), 30% отметили использование интересных форм проведения занятий.

Из числа опрошенных старшеклассников 24% указали на возможность лучше узнать свои склонности. Пока доля таких учащихся невелика. На наш взгляд, в дальнейшем необходимо повысить уровень информированности обучающихся о том, как и какими способами следует изучать свои склонности к профессии на занятиях в школе. Требуется добиться такого результата, чтобы большинство школьников после обучения в профильном классе четко могли определить, какой тип профессии им больше подходит. 20% старшеклассников отметили ценность занятий с точки зрения возможности лучше разобраться, какие требования предъявляет определенная профессия к работнику.

Система непрерывного образования, ориентированная на создание условий для обоснованного выбора школьниками профессиональной деятельности, должна обязательно включать активное взаимодействие школ и вуза с конкретными предприятиями горнодобывающего комплекса. Старшеклассники уже должны ознакомиться с работой конкретных фабрик, заводов, шахт, с основными профессиями, востребованными там, получить информацию о том, кем бы они могли работать через 5–7 лет, и т. д.

Социологическое исследование показало необходимость постоянного изучения подростковых интересов и возможностей оказания влияния на их формирование, чтобы психологический потенциал и предрасположенности подростка максимально совпадали с требованиями выбранной профессии. Только в этом случае будет происходить становление профессиональной субъектности, то есть способности быть «хозяином» и автором своего профессионального роста, а значит, и потребности в этом профессиональном росте. Важно построить такую систему

профориентации, чтобы у каждого подростка была возможность не просто получить престижную или востребованную обществом техническую профессию, а «найти себя» в ней, сделать ее пространством личностной самореализации. Это условие является принципиальной основой достижения высокого уровня профессионализма в будущей трудовой деятельности.

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Вестник образования. 2003. № 2. С. 12.

Ю. В. Заводова

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОРИЕНТАЦИЯХ И УСТАНОВКАХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА САМОРАЗВИТИЕ

Актуальность включения личности в саморазвитие в последнее время постоянно повышается. Причинами этого, на наш взгляд, является следующее.

Во-первых, постоянно возрастает количество информации о тех изменениях, которые происходят в экономической и политической жизни, в науке и технике. Эти изменения требуют навыка самостоятельного осмысления и выбора тех знаний, которыми человек может воспользоваться в своей жизни.

Во-вторых, благодаря развитию технологий ускоряются темпы обновления техники, используемой человеком как на производстве, так и в быту. Если еще в середине прошлого века от работника требовалось приобретение новых знаний в связи с появлением более совершенной техники раз в пять или десять лет, то в настоящее время новые машины и механизмы появляются с периодичностью в два-три года. Даже от пользователя бытовыми устройствами требуется умение самостоятельно разобраться в том, что он приобретает для повышения комфортности своей жизни.

В-третьих, стали меняться правила общения людей на производстве, в быту, в общественных местах. В течение многих столетий действовали моральные и эстетические нормы, которые требовали соблюдения особых правил взаимодействия подчиненных и руководителей, представителей старшего и младшего поколений, мужчин и женщин. В настоящее время многие из них уходят в прошлое. Устанавливается так называемый «демократический» стиль общения, когда половозрастные и социальные различия теряют прежнее значение.

Следовательно, перед личностью постоянно возникает проблема выбора вариантов общения исходя из определенных традиций или воспроизведения «модных» видов межличностного взаимодействия. Можно с уверенностью предположить, что важнейшей особенностью развития человека в XXI веке станет необходимость постоянного самостоятельного расширения объема тех знаний, которые использует человек в бытовой, производственной и досуговой деятельности.

Уходит в прошлое ситуация, когда можно было надеяться на обновление имеющейся информации с помощью специальных курсов, семинаров, на которых с периодичностью в пять лет работники повышали свою квалификацию. Не существует каких-либо специальных форм обучения меняющимся нормам и правилам взаимодействия с различными социальными субъектами. Поэтому каждый индивид оказывается в ситуации, когда ему необходимо самостоятельно адаптироваться к изменяющимся условиям существования.

В связи с этим обостряется проблема раннего приобретения ориентаций и установок на саморазвитие, на основе которых возможно постоянное совершенствование способов перестройки своего сознания и поведения. Уже в школе должна действовать система выработки у ребенка умения самосовершенствоваться в учебной, бытовой и досуговой деятельности. Наличие соответствующих навыков позволит не только успешно адаптироваться к требованиям современной жизни после окончания школы – более высокие достижения в учебе в значительной мере определяются тем, насколько сформирована у учащихся способность самостоятельно побуждать себя к активному овладению школьной программой. Проведенные нами в 2006 году социологические исследования в школах Екатеринбурга позволили выявить ряд противоречий, существующих в ориентациях и установках на саморазвитие учащихся старших классов.

Прежде всего определим сущность процесса саморазвития. В философии развитие трактуется как единство количественных и качественных изменений. Исходя из такого понимания, развитие личности представляет собой процесс постепенного накопления новых знаний, представлений, навыков в какой-то определенной сфере деятельности и, в итоге, осуществление качественных преобразований.

Поясним, что мы понимаем под качественными изменениями в жизнедеятельности человека. Развитие обычно трактуется как преобразование природы человека в процессе овладения требованиями различных видов культуры. Мы согласны с позицией А. В. Меренкова, выделяющего три качественных состояния в развитии личности¹.

Первое представляет собой такое взаимодействие индивида с различными общностями, при котором социальные субъекты, владеющие нормами и правилами культуры, побуждают личность к их выполнению. Человек в этом случае преимущественно выступает в качестве объекта внешнего влияния, однако это не значит, что его собственная активность отсутствует. Индивид всегда характеризуется определенной предрасположенностью к овладению конкретными нормами культуры. Он демонстрирует различную степень личной активности при освоении предъявляемых к нему требований. Его собственными усилиями определяются

также темпы преобразования жизнедеятельности на основе тех или иных правил культуры. Поэтому уже в рамках первого качественного состояния результат развития ребенка определяется сочетанием как внешнего воздействия, так и его собственных усилий.

В процессе приобщения к культуре под воздействием родителей, учителей, СМИ, сверстников ребенок учится самостоятельно, без внешнего контроля соблюдать основные нормы и правила, регулирующие его поведение в школе, дома, в общественных местах. Тем самым создается основа для саморазвития. Оно представляет собой второе качественное состояние, выражающееся в том, что личность способна без внешнего побуждения совершенствовать конкретные виды своей жизнедеятельности. Поведение начинает детерминироваться потребностями в самореализации, самоутверждении на основе тех целей, которые человек ставит перед собой в жизни. Саморазвитие характеризуется умением самостоятельно определить уровень соответствия своего поведения требованиям тех общностей, в которых функционирует личность. На основе самооценки вырабатывается цель дальнейшего самосовершенствования. Также самостоятельно осуществляется выбор наиболее оптимальных вариантов изменения своего сознания и поведения. Личность самостоятельно контролирует как сам процесс, так и результат осуществляемых преобразований. Саморазвитие обеспечивает как более полное овладение нормами культуры, так и выявление задатков и способностей личности в конкретных видах деятельности.

Достижение высоких результатов в различных сферах жизни обеспечивает возможность восхождения до третьего качественного состояния развития личности. Оно выражается в способности стать субъектом совершенствования жизнедеятельности тех малых и больших общностей, с которыми взаимодействует индивид.

Исходя из данной трактовки саморазвития личности, рассмотрим особенности этого процесса в учебной работе учащихся старших классов. Основными субъектами формирования новых знаний и умений, конечно, выступают учителя, которые, на основании государственных образовательных стандартов определяют содержание и уровень требований к ученику в школе. В качестве критериев оценки уровня саморазвития учащихся выступают следующие показатели:

- степень личной заинтересованности в качестве освоения школьной программы;
- степень активности на уроках и при самоподготовке с использованием дополнительных источников информации;
- уровень самоорганизации, которая является обязательным условием включения в систематическую учебную работу;
- выраженность стремления познать и реализовать те индивидуальные задатки и способности, которые обеспечивают успешное освоение школьной программы.

Исходя из данной трактовки саморазвития личности, выяснились ориентации и установки учащихся старших классов на учебу.

Исследование показало следующее. 71% опрошенных заявляют о том, что успехи в учебе в первую очередь определяются их собственными усилиями. В то же время 20% считают главным фактором умение учителя побудить ученика лучше учиться. Следовательно, у подавляющего большинства старшеклассников утвердилось представление о необходимости интенсификации собственной деятельности для повышения качества овладения школьными знаниями. Но при этом каждый пятый постоянно нуждается во внешнем побуждении.

Что же делают старшеклассники для того, чтобы улучшить свои учебные достижения?

Таблица 1. Методы повышения качества учебы старшеклассниками, в % от числа опрошенных

Стараюсь самостоятельно разобраться в сложных темах	41
Дополнительно занимаюсь с педагогами	37
Активно работаю на уроках	34
Читаю дополнительную литературу	31
Полностью выполняю домашние задания	26
Обращаюсь за помощью к родителям	19
Ничего не делаю	10

Основным способом является самостоятельная деятельность по разрешению сложных ситуаций, возникших в учебе. Ученик пытается выяснить причины появления трудностей, найти в учебниках и других дополнительных источниках ту информацию, которая позволит решить проблему. В то же время более трети опрошенных заменяют самостоятельный поиск вариантов решения проблемной ситуации дополнительными занятиями с педагогами. Ученик тем самым демонстрирует отсутствие устойчивой ориентации на саморазвитие в учебной деятельности на основе проявления собственной активности. Одной из причин такого положения является то, что лишь 17% опрошенных четко организуют свою учебу. Остальные, не умея вовремя восстановить пропущенный учебный материал, откладывая разрешение проблемной ситуации на будущее, лишают себя возможности самостоятельно преодолеть возникающие в учебе трудности. Те, кто умеют самостоятельно организовать свою учебу и способны проявить необходимые волевые качества, достигают устойчивых успехов при изучении всех предметов.

Исследование выявило противоречие между уровнем общей ориентации на самостоятельность в учебе и степенью владения конкретными навыками преодоления различных трудностей в учебе. Данный вывод подтверждается тем, что большинство опрошенных считают причиной возникновения трудностей в учебе собственное нежелание полностью освоить тот или иной школьный предмет. Так, 42% заявили о том, что не все предметы, включенные в учебный план, им нужны, и поэтому не требуется концентрировать внутренние ресурсы для овладения теми

школьными знаниями, интерес к которым у них низок. 36% отметили, что они часто отвлекаются на уроках.

Отсутствие развитых навыков самоорганизации ведет к тому, что часть школьного материала, изучаемого на уроках, ими в полной мере не осваивается. 43% опрошенных считают, что у них отсутствуют способности к успешной учебе по ряду школьных курсов. На наш взгляд, такая самооценка демонстрирует нежелание ученика приложить дополнительные усилия, чтобы выйти на приемлемый уровень овладения знаниями по конкретному предмету.

В то же время 51% опрошенных указали, что они сами пытаются бороться с трудностями, возникающими в процессе обучения. Это мнение расходится с ответами, в которых анализируются причины возникновения трудностей в учебе. Если старшеклассник не считает конкретный школьный предмет нужным, то есть если он убедил себя в том, что у него отсутствуют необходимые для успешной учебы способности, он не может самостоятельно справиться с возникающими трудностями.

Проявляется еще одно противоречие между ориентациями и установками на саморазвитие. Учащийся понимает ценность и необходимость самостоятельного преодоления трудностей, но он не может четко проанализировать причины их возникновения. В результате не возникает соответствующей установки на изменение привычных способов учебной деятельности. У подростков отсутствует понимание того, что цели, которые они ставят в учебе, их волевые качества являются ведущими внутренними факторами достижения успехов в учебе.

Представления о целях учебной деятельности у учащихся формируются, главным образом, под влиянием взрослых. Наше исследование выявило еще одно противоречие в понимании их содержания современными старшеклассниками. 56% опрошенных в качестве основной цели учебы в школе выделили желание стать образованным человеком, 30% – узнать, к чему у них есть способности и задатки, 24% – овладение умениями приспособливаться к требованиям современной жизни, столько же – постоянно совершенствовать свои знания. В то же время лишь 15% респондентов считают, что цель образования – стать культурным человеком на основе полученных в школе знаний, и всего 5% ориентированы на познание законов, определяющих жизнь человека.

Следовательно, в значительной степени сохраняется ориентация на ценность знания как такового (обученность). Не формируется понимание того, что основой успешности человека в современном быстро меняющемся мире являются самопознание, интерес к саморазвитию, навыки культуры самоорганизации, самореализации, самоутверждения.

Не случайно среди способов достижения целей учебы в школе на первое место учащиеся поставили самоорганизацию (53% опрошенных), затем четкое планирование своей работы (23%). На третьем месте (19%) – выполнение всех требований учителей и приобретение дополнительных знаний. В то же время в практической деятельности по преодолению возникающих трудностей учащиеся на первое место вновь выводят не самостоятельность, а свое взаимодействие

с учителем в вопросах организации учебного процесса (помощь от учителя в ликвидации пробелов в знаниях – 38%, информация о способах ликвидации задолженности – 30%, информация о текущих отметках – 27%).

Только 12% опрошенных хотели бы получить помощь в анализе причин возникновения проблем в учебе, 11% нуждаются в тренингах по формированию навыков самоорганизации, 20% – в тренингах по улучшению внимания и памяти.

Обобщая результаты исследования, можно выделить следующее. Современные школьники понимают значение самостоятельной деятельности в обеспечении успешности учебного процесса. В то же время они не имеют достаточных представлений о том, какие изменения происходят с ними в процессе овладения знаниями, как человек может влиять на эти преобразования, вырабатывая навыки адаптации к усложняющимся требованиям образовательной деятельности. Результатом этого противоречия стало то, что эффективность своих действий по решению учебных проблем 19% опрошенных оценили как высокую, а 71% – как среднюю. Такая оценка не способствует повышению активности включения школьников в процесс саморазвития. Требуется специальная педагогическая работа по изменению сложившейся ситуации, направленная на создание эффективно действующей системы выработки у ребенка умения самосовершенствоваться.

¹ См.: Меренков А. В. Педагогика саморазвития личности. Екатеринбург, 2001. С. 31–40.

С. Ю. Тренихина

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Каждый человек рано или поздно ставит перед собой следующий философский, социологический и политико-правовой вопрос: каковы (и какого происхождения) насущные и неизбежные духовные ценности, сложившиеся в собственной его жизни и в жизни его народа – основы, заветы, убеждения, принципы, мнения, привычки, верования, законы. Все то, что еще называют «запечатленной в сердцах» конституцией или Конституцией в виде фиксированного правового документа того или иного государства.

Жизнь ставит перед человеком задачу осуществления сознательного выбора между различными альтернативами поведения и ответственности за него. Окружающая действительность всегда создает определенные преграды, границы

свободному выбору: материальные, политические, правовые и духовные. Мера свободы человека – степень ответственности за принятое решение. Культура ограничивает стихийную свободу человека. Запреты были и будут, пока существует человеческое общество, так как культура всегда остается нормативной, регулирующей поведение людей системой. Для подлинно культурного человека эти нормы и запреты отнюдь не воспринимаются как ярмо. Усвоенные с детства, они почитаются как естественные и разумные.

Серьезный недостаток нынешнего состояния правовой культуры молодежи – плохое знание законов. О том, что нельзя грабить и убивать, знают все. Но что касается, скажем, избиений «за дело» или «под горячую руку», то найдется немало людей, готовых оспорить тот непреложный факт, что рукоприкладство находится под прямым запретом норм административного и уголовного права. Многие искренне удивляются, узнав, что применение в воспитательных целях физических наказаний в отношении детей является преступлением, предусмотренным Уголовным кодексом, что циничная грубость в общественном месте карается законом. Что тогда говорить об имущественных отношениях, регулируемых гражданским правом? О правах потребителей?

Нередко бывает и так, что молодые люди знают законы, но соблюдать их не спешат, потому что не верят в их силу, не признают их роли в обществе (*правовой нигилизм*) или готовы использовать законы только в корыстных личных целях (*правовой цинизм*). Также существует еще *правовая безграмотность*, которая выражается в незнании или в очень плохом знании норм права, но может сочетаться с достаточно высоким уровнем нравственного развития. Весь мир права сводится у малограмотных людей только к уголовному законодательству. Они забывают о гражданской, конституционной, административной, трудовой и других отраслях права, без знания которых легко запутаться в трудных вопросах повседневной жизни.

Правовая культура – это комплекс регуляторов и ценностей, на основе которых строится реально существующий в стране правопорядок. Она выражается в *правосознании* молодых людей, то есть в их представлениях о том, каков должен быть этот порядок и как следует относиться к действующей в государстве правовой системе.

Правосознание людей неоднородно. Существуют различия между *обыденным правосознанием* людей, мало знакомых с юриспруденцией и руководствующихся интуитивными представлениями о справедливости (которые очень различны и зачастую противоречивы), и *профессиональным правосознанием* юристов. Как на уровне обыденного, так и на уровне профессионального правосознания возникает множество разногласий в толковании различных вопросов права. Нередко к решению юридических задач по-разному подходят правоведы-теоретики и практики, занимающиеся законотворчеством (например, депутаты законодательных собраний, среди которых, кстати, многие не являются профессиональными юристами) и правоприменением (судьи, прокуроры, работники правоохранительных органов). Возможны расхождения между правосознанием людей и их реальными поступками, которые они совершают вопреки своим собственным представлениям

о правовых нормах. Но, так или иначе, в содержании правосознания фиксируются определенные правовые ценности и идеалы, а также требования относительно правовых норм, на основе которых государство должно поддерживать общественный порядок. Правосознание как часть общественного сознания отражает условия жизни людей и потребности, возникающие у них в данных условиях.

Таким образом, правовая культура выступает, во-первых, как *культура законодательства*, во-вторых, как *правовая культура власти*, в-третьих, как *правовая культура населения*.

Юридические законы создаются для того, чтобы регулировать поведение людей в обществе. Но выполнить эту задачу можно только тогда, когда между правовой системой государства и уровнем массового правосознания граждан существует какое-то соответствие. Если значительная часть населения не считает нужным подчиняться закону и уклоняется от его соблюдения, то власти приходится либо прибегать к массовым репрессиям, либо закрывать глаза на нарушения законности. В первом случае она становится на путь тоталитарного террора, а во втором – проявляет слабость, чреватую расшатыванием правопорядка и анархией. И то и другое с точки зрения современной правовой культуры неприемлемо.

Поэтому остается одно: приводить правовую систему и правосознание граждан в соответствие друг другу. Для этого оказывается необходимым, с одной стороны, отражать в законодательстве правовые представления, господствующие в обществе, а с другой – поднимать правовую культуру населения, то есть уровень массового правосознания и законопослушания. Важно формировать позитивное отношение к закону и знакомить подрастающее поколение с особенностями системы права страны через специальные курсы учебного плана на всех ступенях образования.

Федеральный учебный план современной школы лишь частично удовлетворяет потребность общества в повышении правовой и политической культуры, предоставляя возможность говорить на эти темы через предметную область обществознания, уроки истории, курса «Человек и общество» (уроки права есть не в каждой школе). Реально правовой информации, необходимой для гармоничного развития личности, школа не дает. Потребность же в получении правовых знаний у современной молодежи есть. 73% опрошенных старшеклассников прямо указывают на это по результатам социологического исследования, проведенного в школах Октябрьского района Екатеринбурга в 2006 году. Такая потребность вызвана прежде всего желанием знать свои права, уметь их отстаивать (47%), а также нежеланием становиться жертвой всякого рода мошенников и коррупционеров, использующих правовую безграмотность населения в своих корыстных целях (24%).

Правовая компетентность – это комплекс знаний, идей, ценностных представлений, определяющих выбор обоснованного законом поведения человека. Необходимым составляющим такого комплекса является правовое образование, формирование политического и правового сознания, навыков самоопределения по отношению к явлениям политической и правовой жизни общества, умение давать собственную оценку политическим и нравственным явлениям.

Целью правового образования является развитие правового сознания и правовой культуры учащихся, достижение ими понимания права как важнейшего завоевания культуры, цивилизации, как основания жизненного самоопределения каждого человека и устойчивого развития общества. Так, 23% старшеклассников указали на то, что правовые знания нужны современному человеку для того, чтобы иметь возможность называться культурным человеком. Чтобы вызывать у окружающих хорошее, уважительное отношение к себе – 20%, а чтобы вести себя правильно, иметь возможность корректировать свое поведение – 32%.

В нашей стране правовая культура населения пока еще очень низка и явно не отвечает современным требованиям. Дело не только в глубокой криминализации общества, но и в том, что даже законопослушные граждане не слишком склонны считаться с законом. Это одна из главных причин того, что юридические нормы, действенные в цивилизованных странах, оказываются малоэффективными у нас.

Так, по результатам нашего исследования одна треть опрошенных старшеклассников считают для себя приемлемым решать спорные вопросы не в суде, а «путем установления личных контактов» или «через влиятельных знакомых», 10% считают нормальным применение силы, 13% респондентов не будут связываться с милицией, прокуратурой, так как считают процесс восстановления истины законным путем пустой тратой времени. Показательным является и тот факт, что 42% опрошенных не доверяют работникам милиции.

Можно указать несколько важнейших требований, которым должна удовлетворять современная правовая культура. В нашей стране они сейчас выступают как задачи, пока еще далекие от разрешения.

1. *Уважение к закону.* Отсутствие его – наша национальная беда. Право на Руси издавна воспринималось как приказ начальства, который надо выполнять, чтобы избежать наказания, а не как норма, направленная на общее благо. Правовой нигилизм, неуважительное отношение к закону – лейтмотив сталинского режима. Не исчезло, а в некоторых отношениях и усилилось пренебрежение к закону в наши дни. В правовом государстве жизнеспособность юридических норм зависит больше от уважения к закону, чем от страха перед санкциями за их нарушение.

2. *Знание закона.* Незнание законов не освобождает от обязанности их соблюдать. Низкая юридическая грамотность населения – на руку мошенникам и недобросовестным чиновникам, которые могут, пользуясь ею, обманывать невежественных людей. Однако при советской власти юридическому просвещению народа уделялось крайне мало внимания. Это, возможно, было специальной политикой – держать массы в состоянии юридической безграмотности, когда ими легче управлять.

Сейчас у нас нет проблем с юридической литературой, включая кодексы законов и комментарии к ним. Но юридическая грамотность населения остается на крайне низком уровне. Даже среди людей с высшим образованием почти никто не может самостоятельно написать исковое заявление в суд. Мало кто знает, как показало наше исследование, что говорится в законе о защите прав потребителей и т. д.

3. *Обращение к закону.* Имеется в виду, что решать конфликты и споры следует в рамках права, а не за его пределами, не путем применения силы, угроз. Наши опросы показали, что даже старшеклассники не доверяют прокуратуре, суду, милиции и считают бесполезным обращаться к ним помощью, а то и просто боятся это делать. В результате создается почва для стремления решить спор не в суде, а вне правового поля – через применение силы, полукриминальное или откровенно преступное выколачивание долгов, шантаж, «разборки» и т. п.

Социологическое исследование показало, что поворот к современному уровню правовой и политической культуры, начатый в нашей стране после падения коммунистического режима, проходит медленно и болезненно. Мы жили и продолжаем пока еще жить не в правовом государстве и не по нормам современной правовой культуры. Пока нет порядка в юридической системе государства, не могут быть успешно решены экономические и политические задачи общественного развития.

Подводя итоги, можно выделить следующие противоречия в ходе формирования правовой культуры молодежи:

- пока еще не сложилась единая система правого обучения, воспитания, пропаганды;
- в сознании учащейся молодежи преобладает отрицание, неприятие существующих в обществе правовых предписаний;
- система ценностных ориентаций учащихся не включает в себя обязательного выполнения требований правовой культуры.

Решение обозначенных проблем не будет найдено мгновенно: как и все действительно ценное, правовая культура создается постепенно. Ядро, сама суть правовой культуры складывается из юридических ценностей, которые накапливаются веками и лишь тогда проявляют себя как ценности, когда овладевают всем обществом – и обязательно подрастающим поколением. На наш взгляд, необходимо организовать в школе систематическую работу по выработке у учащихся, начиная с пятого класса, научных представлений о законах, регулирующих поведение человека в малых и больших группах. Сейчас пытаются ввести в школах должность заместителя директора по правовым вопросам. Он в первую очередь должен заниматься профилактикой правонарушений среди подростков, выявлять тех, кто нарушил нормы закона. Мы считаем, что работа такого специалиста не даст желаемого результата до тех пор, пока учащиеся не будут в систематической форме изучать основы права в течение нескольких лет. Знания должны закрепляться соответствующими тренингами. Требуется выработать навык автоматического соблюдения закона, так как всякое его нарушение неизбежно создает дискомфорт в учебной, досуговой деятельности учащегося, обостряет его отношения со взрослыми. В конечном счете итогом правового просвещения и воспитания станет личность, способная к саморазвитию в системе своих отношений с государством и различными его органами.

В. И. Данченко

КАДЕТСКИЕ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТЫ КАК АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКОВ

Процесс социализации подростков в нашем обществе является объектом пристального внимания исследователей всех уровней. Само понятие «социализация» было разработано в конце 40-х – начале 50-х годов XX века в трудах американских социальных психологов А. Парка, Д. Доллэра, Дж. Кольмана, О. Бандуры и др. На стыке шестидесятых и семидесятых острый интерес к данной проблеме проявили и другие западные ученые, представители всех школ и течений современной социальной психологии – неотрейдисты, представители бихевиоризма, необихевиоризма, теории когнитивного диссонанса, символического интеракционизма.

Для западных исследователей характерно чрезвычайное многообразие теоретических подходов при рассмотрении процесса социализации. По сути дела, каждая западная социально-психологическая школа имеет собственную трактовку этого процесса.

Многие подходы западных школ разделяются и отечественными представителями различных отраслей социологического знания, при этом социализация исследуется в тесной взаимосвязи с развитием и воспитанием.

Первоначально эта проблема имела в большей степени философское значение, найдя тем не менее свое отражение и в работах ведущих советских психологов, прежде всего – социальных психологов. Несколько позже наметился интерес к проблеме социализации в педагогике. Со временем социализация становится объектом рассмотрения не только социальной, но и возрастной и педагогической психологии и самой педагогики.

В свете этого при рассмотрении данного понятия с позиций социологии необходимо разграничивать его с другими родственными понятиями, и прежде всего с «воспитанием» и «развитием» личности.

В первых определениях понятия «социализация» утверждается, что это усвоение социальных норм и правил, принятия определенных общественных ценностей, вхождение человека в социальную среду.

Значительно позднее были внесены поправки, указывающие на «социализацию» как двухсторонний процесс: не только усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, но и активное воспроизводство индивидом социальных связей.

Опираясь на определение социализации как двухстороннего процесса, мы рассматриваем вхождение подростка в социальную среду как процесс получения опыта старшего поколения, его адаптации к своей «Я-личности» и использование полученного опыта. Одновременно с этим своей активностью подросток влияет на общество, изменяя его.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что процесс социализации подростка предполагает включение его в систему общественных отношений и в то же время самостоятельное воспроизведение им этих отношений. Социализацию ребенка можно рассматривать как уровневую систему получения социального опыта, необходимого для вхождения в общественный социум. При этом каждый ребенок, подросток нуждается в помощи со стороны старшего поколения в накоплении знаний и навыков приобщения к социальной и культурной жизни.

При слаженной работе всех участников, а именно родителей на первом уровне введения индивидуума в социум, общеобразовательного учреждения (школы) – на втором, профессионального (училище, колледж, институт) учебного заведения – на третьем, при гармоничном сотрудничестве микросоциумов, таких как улица, двор, сверстники, СМИ и др., индивидуум легко вписывается в социум. При этом дети очень редко безоговорочно принимают преподносимый им опыт старшего поколения, а постоянно подвергают его сомнению и проверке, тем самым влияя на социальные связи.

Когда же один из уровней дает «сбой», то есть не принимает изменения, вносимые ребенком в предлагаемые ему правила, тогда подросток начинает делать свой выбор. В семье такой сбой может быть связан с рождением второго ребенка, малым доходом, алкоголизмом, смертью одного из родителей, занятостью родителей в бизнесе. В школе – с отсутствием времени или желанием понять ребенка и помочь ему (конфликт с педагогами или сверстниками), когда педагоги предпочитают давить своим авторитетом («делай, как я сказал»). Образцы же поведения, предлагаемые улицей и средствами массовой информации, могут противоречить предлагаемым родителями или учебным заведением. При этом подросток замечает: они не дают, они предлагают попробовать.

Делая в таких условиях свой выбор, подросток чаще всего идет по пути наименьшего сопротивления, что не всегда (вернее, в большинстве случаев) несоизмеримо с ценностями и нормами, принятыми в обществе. Не имея возможности обратиться к положительному опыту старшего поколения, проанализировать его и на этом анализе строить свои взаимоотношения с обществом, незрелая личность начинает формировать свои ценности и нормы поведения, которые не всегда принимаются окружающими. В результате подросток становится отверженным социумом, не вписывается в него. Не умея быть гибким в решении конфликтных ситуаций, возникающими между ним и обществом, подросток объявляет войну обществу и на определенном этапе, когда общество не может ответить цивилизованно за свои промахи, оно отправляет подростка на принудительную социализацию в образовательные спецучреждения.

Неоспоримо, что система государственных образовательных учреждений призвана реализовать организованную передачу социального опыта старшего поколения младшему на различных образовательных уровнях – начальном и среднем общеобразовательном, начальном, среднем и высшем профессиональном.

В этой системе в последние годы появилась модель учебных заведений, ставящая задачи объединить в социализации подростка общесоциальные и профессиональные цели – кадетские школы.

Кадетские школы-интернаты Свердловской области объединяют в своей сущности исторический опыт кадетства России и современные требования общества к профессионализации и формированию гражданской ответственности будущего активного участника общественных отношений. Они являются образовательными учреждениями, созданными для оказания социальной помощи подростку, когда он не принимает предложенных ему социальных норм или когда социум отвергает его в силу его необычности.

Десять лет кадетского образования в Свердловской области определились как период становления пяти новых (уникальных) для системы образовательных учреждений кадетских школ-интернатов при учреждениях начального профессионального образования.

В стенах этих школ стала формироваться личность, сориентированная на становление собственных духовных и интеллектуальных ценностей на основе исторического опыта общества и современных педагогических технологий.

Заявляя о новом типе образовательного учреждения, мы должны ответить на главный вопрос: что лежит в основе отбора содержания кадетского образования? Говоря «кадетское», мы подразумеваем образование, позволяющее подростку, юноше чувствовать себя необходимым обществу, быть востребованным обществом, образование, основывающееся на принципе самоуважения к себе, приобретаемого через навыки самоорганизации, в условиях свободной самореализации позволяющее достичь самоопределения в жизни и приобрести профессию.

Именно на это ориентируется сознание подростков, называющих себя кадетами. Поскольку ведущим в развитии подростка является фактор «само-», то важным шагом в развитии кадетского образования становится:

- отказ от подавления «Я-личности» в пользу сопровождения и корректировки: «я не веду, я сопровождаю»;
- развитие и обучение подростка, не отвергающее, а опирающееся на его реальный жизненный опыт;
- организация жизненного пространства: не искусственного, а реального, в котором подросток живет и выполняет различные социальные роли (воспитанник, командир экипажа, дежурный по учебному корпусу и т. д.);
- обеспечение системы отношений, где подчинение подростка другому подростку (командиру) есть «одно из средств воспитания, а не цель, цель же одна – согласование поступков кадета с нравственным законом, который и должен обратиться усилиями педагогов в его личную совесть» (ст. 23 «Положения о кадетской школе» от 14 февраля 1886 года);
- обеспечение естественной связи кадетского образования и национальной культуры.

Около 85% подростков, обучающихся в кадетских школах Свердловской области, – дети дезадаптированные к системе основного общего образования, отверженные семьей и оказавшиеся в сложной жизненной ситуации. Создавая условия, обеспечивающие развитие познавательных интересов подростка, преодоление негативного отношения к обществу, кадетские школы-интернаты

являются тем Рубиконом, который стоит на пути подростка к принудительной или в некоторых случаях особо принудительной социализации и способствуют постепенному и безболезненному разрешению конфликта между подростком и обществом.

О. Н. Шухарева

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Социально-экономические реформы начала 90-х гг. вызвали «социокультурную травму», характеристиками которой являются аномия, институциональный диссонанс, потеря идентичности, ценностный вакуум, обесценивание социальных норм, разрушение сложившихся моделей поведения и мышления. Причинами социально-травматической ситуации выступили неожиданность и быстрота событий, глубина и радикальность перемен, что привело большую часть общества к негативизму, ощущению катастрофы, пассивности и социальному отчуждению. Сложившийся круг социальных и личностных проблем настоятельно требует своего оперативного разрешения через развертывание всесторонней многофункциональной социальной работы с людьми, оказавшимися в трудной жизненной и социокультурной ситуации своего развития.

Социальная работа в последние десятилетия стала неотъемлемой частью социокультурной системы нашего общества, поскольку она является одним из главных способов организационного и социально-технологического реагирования общества на новую социальную ситуацию. Новая социальная ситуация в России отличается нарастанием конфликтоопасности на уровне всего общества, поскольку разрыв между бедностью и богатством не уменьшается, а увеличивается. Как следствие, наблюдается нарастание противоречий между благополучными и обеспеченными слоями, вполне адаптировавшимися к рыночным отношениям, и бедными, неспособными самостоятельно решить свои проблемы. Традиционная благотворительность в таких условиях становится недостаточной, а с учетом того, что за десятилетия социалистического строя ее традиции были утеряны, то и малоэффективной. В такой ситуации объективно возрастает необходимость перехода к профессиональной социальной работе. Ее роль в жизни современного общества определяется тем, что она выступает в качестве фактора социальной стабильности.

Профессионализация социальной работы предполагает наличие особой профессиональной группы, формирование которой в России только начинается, по-

сколькx институционализация любой профессии в обществе тесно связана с созданием соответствующей системы профессиональной подготовки.

В настоящее время наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров в области социальной работы практически во всех регионах страны. Анализ личных дел социальных работников Республики Хакассия, проведенный нами в 2005–2006 годах (N = 152) показал, что около половины специалистов имеют высшее и незаконченное высшее образование, но при этом специальное профессиональное образование, соответствующее профилю выполняемой работы, есть только у каждого второго.

Такое положение со специальным образованием является характерным для кадрового состава практически всех российских социальных служб, хотя в последние годы заметно увеличилось количество высших учебных заведений, предлагающих обучение по различным специальностям социальной сферы. Вместе с тем формирование корпуса социальных работников высокой квалификации в объеме, необходимом для эффективного осуществления социальной работы, – дело многих десятилетий.

Опыт зарубежных стран показывает, что от начала организации систематической подготовки таких кадров до насыщения ими социальной инфраструктуры требуется 30–40 лет. Очевидно, что в наших условиях аналогичный процесс может занять не меньше времени, поскольку в России сразу ставится вопрос о создании непрерывной системы профессионального образования в области социальной работы. В нее должны быть включены ступени начального профессионального образования в средней школе, среднего профессионального образования в техникумах и колледжах, высшего профессионального образования и послевузовского профессионального образования на базе вузов.

В России, по мнению специалистов, при подготовке в вузах специалистов по социальной работе возникают проблемы двух видов. Во-первых, это проблемы, характерные для всего высшего образования на данном этапе развития российского общества (проблемы репродуктивности обучения, его низкая практическая ориентированность, отсутствие тесных междисциплинарных связей и т. д.). Во-вторых, подготовка в российских вузах специалистов по социальной работе не имеет сложившихся традиций, длительной истории (лишь в апреле 1991 года в Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих постановлением Госкомтруда СССР были внесены квалификационные характеристики «специалист по социальной работе», «социальный педагог»). Начиная с нуля, ее организаторы часто используют опыт подготовки по другим специальностям, тогда как для социальной работы требуется новая развернутая структура процесса подготовки – от изучения социального заказа до программ индивидуального продолжения обучения в процессе непрерывного образования¹.

С еще большим количеством проблем сталкиваются провинциальные вузы. Кроме указанных проблем, к ним добавляется еще ряд трудностей, обусловленных спецификой удаленности от научных центров, отсутствием традиций преподавания в молодых вузах или филиалах.

В свое время с подобными трудностями столкнулись и развитые западные страны. К их числу относятся:

- недостаточное внимание к перспективам клиентов и опекунов как составной части знаний о социальной работе; недостаточно навыков получения этих знаний и использования их на практике;

- отсутствие у социальных работников возможности противостоять политике и практике, противоречащим перспективам клиентов и опекунов в том случае, если последние никого не подвергают риску;

- отсутствие у социальных работников средств для введения новшеств в работу служб, для вовлечения в нее новых пользователей и опекунов².

Для решения этих проблем были выработаны следующие механизмы:

- подготовка специалистов начинается параллельно с формированием самого института социальных работников: первыми формами обучения обычно являются курсы, профессиональные школы, далее появляются институты, университеты и высшие школы социальной работы;

- в большинстве стран образовательные учреждения имеют право самостоятельно определять базовые дисциплины подготовки социальных работников, создавать собственные разноуровневые программы обучения, открывать интенсивные курсы, экстернат, курсы переподготовки и повышения квалификации, аспирантуру, проводить исследовательскую работу, организовывать заграничные стажировки студентов;

- учебные планы, как правило, делятся на три части: основные курсы, спецкурсы, практика;

- при приеме на обучение во многих странах приоритет отдается гражданам, имеющим основное образование и определенный жизненный и социальный опыт.

При этом, как отмечает Н. Ю. Клименко, такая практика характерна для большинства стран, что приводит к увеличению числа специальных курсов подготовки и переподготовки социальных работников на уровне высшей и средней школы, росту числа слушателей без отрыва от работы, расширению сети вечерних курсов подготовки, умножению количества желающих получить степени бакалавра и магистра социальной работы, росту числа преподавателей со степенью доктора. В результате оказывается содействие формированию корпуса компетентных профессионалов, хорошо представляющих не только теорию, но и практику социальной работы³.

В условиях современной России при формировании структуры и определении содержания подготовки социальных работников, с одной стороны, необходима универсализация организационных основ профессиональной деятельности, а с другой – требуется дальнейшее развитие и совершенствование учебно-программных материалов, ориентированных на индивидуальный выбор обучающимися образовательных маршрутов и их реализацию.

Организация учебного процесса должна базироваться на согласованном использовании традиционных и новых технологий образования, прежде всего

активных форм обучения, ориентированных, с одной стороны, на проблемные методы и модульно-рейтинговый контроль, а с другой – на индивидуализацию обучения и совершенствование планирования коллективно-групповой учебной деятельности, разработку гибких методологических и методических схем образовательного процесса.

Опираясь на зарубежный опыт и учитывая российские особенности и традиции профессиональной подготовки можно предложить следующие рекомендации в области профессионального обучения социальной работе в России:

1. В современной ситуации лучше избегать чрезмерной профессионализации. В условиях отсутствия достаточного количества специалистов в качестве социальных работников могли бы выступать представители других профессий, прошедшие обучение и переподготовку на специальных курсах.

2. При разработке образовательных стандартов следует учитывать, что суть профессии – практика, поэтому было бы важно среди основных целей выделить формирование аналитической, коррекционной и оценочной компетентности.

3. Особое внимание нужно уделить обучению «в поле», то есть на практике.

4. Поскольку главное, чем характеризуется способность социального работника помогать людям в сложном современном обществе, – это его компетентность в разных областях, прежде всего в таких, как здоровье, образование, жилье, занятость и т. д., то во всех учебных планах по социальной работе следует с самого начала сделать упор на умение координировать взаимодействие этих областей.

5. В учебном плане необходимо уделить особое внимание умению отстаивать интересы нуждающихся и уязвимых, а также оказывать помощь децентрализованным и небюрократическим способом.

6. В сфере обучения социальной работе необходимо стремление к экспериментированию, развитию новых подходов в преодолении существующих проблем и предотвращении новых.

Важным для формирования корпуса будущих профессионалов представляется также создание механизма оказания помощи при самоопределении молодежи в выборе профессии социального работника; увеличение форм и направлений профессиональной подготовки социальных работников, которые должны быть неразрывно связаны с профессиональным воспитанием; рост числа периодических изданий, освещающих социальную работу; внедрение системы оказания помощи работникам учреждений социальной сферы в профессиональном развитии.

¹ Теория социальной работы / Под ред. Е. И. Холостовой. М., 1998. С. 308.

² Обучение социальной работе: преемственность и инновации / Под ред. Ш. Рамон и Р. Сарри. М., 1996. С. 39.

³ Клименко Н. Ю. Социально-педагогические условия профессионального становления социального работника (на опыте Заполярья): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1997. С. 53.

АВТОРЫ НОМЕРА

АНДРИАНОВА Елена Владимировна – аспирант Тюменского государственного университета.

АНТОНОВА Наталья Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Гуманитарного университета.

АНТОНОВА Оксана Игоревна – аспирант Уральской академии государственной службы.

АРАПОВА Марина Андреевна – кандидат философских наук, декан факультета социологии ИГСЭО Уральского государственного педагогического университета.

БАЗУНОВА Марина Евгеньевна – аспирант Уральского государственного университета путей сообщения.

БАННИКОВА Людмила Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета.

БЕЛОУСОВА Ирина Владимировна – преподаватель гимназии № 10, г. Нижний Тагил.

БЕХТЕРЕВ Алексей Владимирович – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

БОЧКАНОВА Елена Николаевна – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

БУЙЛОВА Людмила Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дополнительного образования Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования.

ВИШНЕВСКИЙ Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Уральского государственного технического университета.

ГАБЫШЕВА Людмила Константиновна – старший преподаватель кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

ДАВЫДЕНКО Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

ДАВЫДОВ Владимир Никифорович – председатель профсоюзной организации Уральского государственного технического университета.

ДАНЧЕНКО Валерий Иванович – руководитель образовательного учреждения НПО Свердловской области «Сысертское профессиональное училище „Кадет“».

ДРОНИШИНЕЦ Алексей Николаевич – руководитель отдела Уральского электрохимического комбината, г. Новоуральск.

ЗАВОДОВА Юлия Витальевна – заместитель директора по учебно-воспитательно работе гимназии № 207, г. Екатеринбург.

ЗАХАРОВ Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета.

КАДЫРОВА Гульнара Романовна – старший преподаватель кафедры социологии и СТУ Уральского государственного технического университета.

КОЛЕСНИКОВА Ксения Игоревна – ассистент кафедры теории и практики управления Уральской академии государственной службы.

МАКРУШИНА Юлия Алексеевна – ассистент кафедры теории и истории социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

МИРОНОВА Наталья Олеговна – аспирант Уральского государственного технического университета.

МОЗОЛИН Андрей Владимирович – ассистент кафедры связей с общественностью Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

НОСЫРЕВ Николай Андреевич – ректор Новоуральского государственного технологического института.

ОВЧИННИКОВА Мария Николаевна – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ПЕРИНА Екатерина Ивановна – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ПОЛЯКОВА Виктория Владимировна – ассистент кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

РОМАШКИНА Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

САВЧУК Галина Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

СОБЕНИНА Ольга Викторовна – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

СТАРШИНОВА Алевтина Викторовна – доктор социологических наук, доцент кафедры социальной работы Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ТАРАСОВА Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

ТРЕНИХИНА Светлана Юрьевна – заместитель директора по УВР МОУ лицей № 110 им. Л. К. Гришиной, г. Екатеринбург.

ХАЗОВА Наталья Борисовна – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ХОРОБРЫХ Ольга Сергеевна – аспирант Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ХРАМЦОВА Ирина Александровна – заместитель директора колледжа Уральского государственного горного университета.

ХРУЩЕВ Олег Васильевич – заместитель директора Екатеринбургского филиала Академии труда и социальных отношений.

ШАПКО Валерий Трофимович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Уральского государственного технического университета.

ШЕСТОПАЛОВА Ольга Николаевна – аспирант Уральского государственного университета путей сообщения.

ШУХАРЕВА Оксана Николаевна – аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

ПАМЯТКА АВТОРА

Общие положения

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете) с одной распечаткой текста и сведениями об авторе: фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень и звание, средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Порядок движения рукописи

- Автор рукописи уведомляется редколлегией о том, принят или не принят материал к публикации.
- Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не возвращаются.
- Авторы принятых к изданию рукописей дополнительно должны представить краткие сведения о себе, которые будут опубликованы: год рождения (по желанию), выпускником какого вуза является, научная степень и звание, место работы, основные этапы творческого пути и профессионального роста (по желанию), сфера научных интересов.
- Статьи на корректуру авторам не высылаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 × 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 14).
- **Междустрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 0,7 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 0,7).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка – Номера страниц – Внизу, справа).
- **Без переносов**.
- **Выделения разрядкой** – (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- **Квадратные скобки** – из латинской клавиатуры (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** – в один знак (просьба пользоваться при наборе элементом «непечатные символы» на стандартной панели инструментов). Пробелы применяются после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *Н. А. Бердяев*.

- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Г. Башляра конца 1950-х — начала 60-х годов.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами в один знак слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61.*
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту.
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *З. Фрейд писал: «Когда-то слова были колдовством»⁴².*
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е, за исключением важных для смысловоразличения контекстов, например: *Всем обо всём.*
- **При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.**
- **Не допускаются пробелы между абзацами.**

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Основные приемы выделений – **шрифтовые** (курсив светлый и полужирный, прямой полужирный, мелкий кегль, прописной и строчной) и **нешрифтовые** (разрядка, отбивка, втяжка).

Ссылки на литературу и примечания

- Ссылки на литературу и примечания даются в одной последовательности в виде концевых сносок с использованием **надстрочного** знака сноски (арабская цифра-индекс) как в основном тексте, так и перед текстом сноски.
- Литература указывается в соответствии с **правилами библиографического описания работ.**

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ СЕРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Уральский государственный университет, философский факультет, к. 319.

Ковалевой Екатерине Сергеевне

Тел. (343) 350-59-20

Факс (343) 350-34-29

E-mail: urgufo2005@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007. № 51

СЕРИЯ 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
Выпуск 3

Редактура *К. Жвакин, Н. Шевченко*
Корректура *И. Харитонова, Н. Шевченко*
Компьютерная верстка *К. Жвакин*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2007 г., поз. 29.
Подписано в печать 15.02.2007. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,6. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ 230.

Издательство Уральского университета. 620083 Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.